

СЕРИЯ
ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (МГИМО) МИД РОССИИ
КАФЕДРА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 4, № 3

**КАЗАХСТАН КАК МИГРАЦИОННЫЙ ХАБ
ЕВРАЗИИ: ВКЛАД МИГРАЦИИ
В УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ**

Москва, 2018

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-POLITICAL RESEARCH
CENTER FOR SOCIAL DEMOGRAPHY

MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS
(MGIMO UNIVERSITY) MFA OF RUSSIA
DEPARTMENT OF DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMICS

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 4, No. 3

**KAZAKHSTAN
AS A MIGRATION HUB OF EURASIA:
THE CONTRIBUTION OF MIGRATION
TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

MOSCOW, 2018

УДК 314
ББК 60:65
К14

К14 Казахстан как миграционный хаб Евразии: вклад миграции в устойчивое развитие: Сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 4, № 3 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., к.ф.-м.н. Храмовой М.Н., доктора PhD Деловаровой Л.Ф. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. – 166 с.
ISBN 978-5-907057-57-9

В третий номер четвертого тома серии «Демография. Социология. Экономика» вошли статьи по результатам Международной научно-практической конференции «Казахстан как миграционный хаб Евразии: вклад миграции в устойчивое развитие». Конференция явилась одним из этапов в серии международных научно-практических конференций, проводимых в рамках юбилейного года проекта «Миграционные мосты в Евразии-2018», и была организована Казахским национальным университетом имени аль-Фараби совместно с Институтом социально-политических исследований РАН и МГИМО (Университет) МИД России. Книга рекомендуется студентам, аспирантам, преподавателям, ученым и экспертам в области миграции, формирования миграционной политики, рынка труда.

Kazakhstan as a migration hub of Eurasia: the contribution of migration to sustainable development. Series “Demography. Sociology. Economics”. Vol. 4, No. 3 / Edited by Corr.-Member of the RAS Sergey V. Ryazantsev, PhD Marina N. Khramova, and PhD Leila F. Delovarova. Moscow: Econ-Inform, 2018. – 166 p.

In the third number of the fourth volume of the series “Demographics. Sociology. Economy” includes articles on the results of the International Scientific and Practical Conference “Kazakhstan as a Migration Hub of Eurasia: the Contribution of Migration to Sustainable Development”. This conference was one of the stages in a series of international scientific-practical conferences held in the framework of the anniversary year of the project “Migration Bridges in Eurasia-2018”, and was organized by the al-Farabi Kazakh National University together with the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences and MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. The book is recommended for students, graduate students, teachers, scientists and experts in the field of migration, the formation of migration policy, the labor market.

ISBN 978-5-907057-57-9

© ИСПИ РАН – Институт социально-политических исследований Российской академии наук, 2018
© МГИМО МИД России, 2018
© Оформление. Изд-во «Экон-Информ», 2018

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 4, № 3

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMICS

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 4, NO. 3

Главный редактор (Chief Editor):

РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН,
ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (МГИМО УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Sergey V. RYAZANTSEV,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Dr. (Economics), Professor,
Director of the Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Demographic and Migration Policy,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
Ministry of Foreign Affairs of Russia, (Moscow, Russia)

Научный координатор (Research Coordinator):

РЫБАКОВСКИЙ ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Leonid L. RYBAKOVSKY, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Редактор (Editor):

ХРАМОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА, КАНДИДАТ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Marina N. KHRAMOVA, PhD (Physics and Mathematics), Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

Помощники редактора (Associate Editors):

БАЙКОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ПРОРЕКТОР ПО МАГИСТЕРСКИМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОГРАММАМ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РФ (МОСКВА, РОССИЯ)

Andrey A. BAIKOV, PhD (Politics), Associate Professor, Vice-Rector for Master's and International Programs of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

БЕЗВЕРБНЫЙ ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИСПИ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vadim A. BEZVERBNUY, PhD (Economics), Deputy of Director of the ISPR of the RAS, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

ВОРОБЬЕВА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Olga D. VOROBIEVA, Dr. (Economics), Professor of the Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

ГНЕВАШЕВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Vera A. GNEVASHEVA, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ИВАНОВА АЛЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Alla E. IVANOVA, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ИОНЦЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir A. IONTSEV, Dr. (Economics), Professor, Head of Demography Department of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ЛУКЬЯНЕЦ АРТЕМ СЕРГЕЕВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИСПИ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Artem S. LUKYANETS, PhD (Economics), Leading Researcher of the Centre for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

МАНЬШИН РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИСПИ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Roman V. MANSHIN, PhD (Economics), Head of the Branch of the Migration and Migration Policy of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

МОРОЗОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ПРОРЕКТОР ПО КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir M. MOROZOV, PhD (History), Associate Professor, Vice-Rector for Human Recourses of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

ПИСЬМЕННАЯ ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИСПИ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Elena E. PISMENNAYA, Dr. (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher of the Branch of the Sociology Family and Social Policy of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

РОСТОВСКАЯ ТАМАРА КЕРИМОВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИСПИ РАН, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОСКВА, РОССИЯ)

Tamara K. ROSTOVSKAYA, Dr. (Sociology), Professor, Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Head of the Branch of Socio-Pedagogic and Organization of Work with Young People of the Russian State Social University (Moscow, Russia)

СИВОПЛЯSOVA СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИСПИ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Svetlana Yu. SIVOPLIYASOVA, PhD (Economics), Leading Researcher of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

Международная редакционная коллегия (International Editorial Board):

АЙДАРБАЕВ САГЫНГАЛИ ЖОЛАМАНОВИЧ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ДЕКАН ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАЗАХСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ (АЛМАТЫ, КАЗАХСТАН)

Sagyngali Z. AIDARBAYEV, Doctor of Law, Professor, Dean of International Relations Faculty of al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

ВАН СЯОЦЗЮЙ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ПЕКИН, КИТАЙ)

Xiaoju WANG, Dr. (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of World History of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

ВИЛЛЕН ПАТРИЦИЯ АЛЬВЕС, ДОЦЕНТ УНИВЕРСИТЕТА КАМПИНАС (КАМПИНАС, БРАЗИЛИЯ)

Patricia A. VILLEN, Researcher of the University of Campinas (Campinas, Brazil)

ВИРККУНЕН ЙОНИ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Joni VIRKKUNEN, PhD (Sociology), Professor of the University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ДАНГ НГУЕН АНЬ, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ВЬЕТНАМСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ ВАОН (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

Dang Nguyen Anh, Dr. (Sociology), Association Professor, Vice-President of the Vietnam Academy of Social Sciences, Director of the Institute Sociology of the VASS (Hanoi, Vietnam)

ДАНТАС АЛЕКСИС ТОРИБИО, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ШТАТА РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО (РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО, БРАЗИЛИЯ)

Alexis T. DANTAS, Dr. (Economics), Professor of the University of the State of Rio-de-Janeiro (Rio-de-Janeiro, Brazil)

ДАВЭ БАВНА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ШКОЛА АФРИКАНСКИХ И АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ЛОНДОНА (ЛОНДОН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Bhavna DAVE, Dr. (Politology), Professor, Center of the Caucasian and Central Asian Studies of the University of London (London, United Kingdom)

ИНГЛИС КРИСТИНЕ БРЕНДА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, УНИВЕРСИТЕТ СИДНЕЯ (СИДНЕЙ, АВСТРАЛИЯ)

Christine B. INGLIS, PhD (Sociology), Associate Professor of the University of Sydney (Sidney, Australia)

КИМ СЕЙОНДЖИН, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЖЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДУКСУН (СЕУЛ, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ)
Seongjin KIM, Dr. (Politology), Professor of the Duksung Women's University (Seoul, Republic of Korea)

МАРТИН ФИЛИП, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ КАЛИФОРНИЯ – ДЭВИС (ДЭВИС, США)
Philip MARTIN, PhD (Economics), Professor of the University of California – Davis (Davis, USA)

МАРУШИАКОВА-ПОПОВА ЕЛЕНА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И ФОЛЬКОРА БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (СОФИЯ, БОЛГАРИЯ)
Elena A. MARUSHIAKOVA-POPOVA, PhD (Anthropology), Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

МЕНДОЗА ЭДУАРДО АНТОНИО, ДОКТОР НАУК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, УНИВЕРСИТЕТ ЛИССАБОНА (ЛИССАБОН, ПОРТУГАЛИЯ)
António Eduardo MENDOSA, PhD, Researcher, University of Lisbon (Lisbon, Portugal)

МОЛОДИКОВА ИРИНА, ДОКТОР НАУК, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ)
Irina MOLODIKOVA, PhD (Geography), Central European University (Budapest, Hungary)

НГУЕН АН ХА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВАОН (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)
An Ha NGUYEN, Dr. (Economics), Professor, Director of the Institute for European Studies of the VASS (Hanoi, Vietnam)

ПИЗАРРО СИНТИЯ АЛЕКСАНДРА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ БУЭНОС-АЙРЕСА (БУЭНОС-АЙРЕС, АРГЕНТИНА)
Cynthia A. PIZARRO, PhD (Sociology), Professor of the University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

ФРАЙЕР ПОЛ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)
Paul J.W. FRYER, PhD (Geography), Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ТИХОНОВА ЛЮДМИЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МИНСК, БЕЛАРУСЬ)
Lyudmila E. TIKHONOVA, Dr. (Economics), Professor, Belorussian State University (Minsk, Belarus)

ХОРИЕ НОРИО, ДОКТОР НАУК, ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ТОЯМА (ТОЯМА, ЯПОНИЯ)
Norio HORIE, PhD (Economics), Director of the Center for Far Eastern Studies, University of Toyama (Toyama, Japan)

Ответственный за выпуск (Coordinator):

ХРАМОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА, КАНДИДАТ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Marina N. KHRAMOVA, PhD (Physics and Mathematics), Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

Проект “Миграционные мосты в Евразии” в 2018 году отмечает свое десятилетие. В рамках данного проекта состоялось большое количество мероприятий в различных уголках Земного шара. Но среди них Казахстан занимает особое место. Казахстан располагается в сердце Евразии и является девятой в мире и второй по площади страной в СНГ, занимая площадь 2,7 млн. кв. километров.

В последние годы страна активно развивается в социально-экономическом плане. Это делает Казахстан одним из центров притяжения иностранных инвестиций, высококвалифицированных рабочих, трудовых мигрантов из разных стран. Нужно отметить, что Казахстан использует инновационные подходы в сфере миграционной политики. Например, в стране реализуется государственная программа переселения соотечественников (“оралманов”). В результате реализации программы население страны пополнилось на 960 тыс. человек. Государство также реализует программу стимулирования образовательной миграции (академической мобильности) “Болашак” (“Будущее”). Это уникальная международная образовательная стипендия Н. Назарбаева, которая ставит целью подготовку кадров и специалистов для приоритетных секторов экономики страны. Программа включает в себя как получение научной степени высших учебных заведений, так и научные и производственные стажировки в ведущих компаниях и университетах мира.

Можно с уверенностью сказать, что Казахстан в настоящее время является очень значимой страной в Евразии с точки зрения участия в миграционных процессах, своеобразным новым “миграционным хабом”. Миграция становится все более значимым компонентом социально-экономического и демографического развития государства. В настоящее время на территории страны проживает 18,3 млн. человек, что соответствует только шестьдесят четвертому месту в мире. Но совершенно очевидно, что Казахстан имеет перспективы роста населения и миграция может быть важным компонентом демографического развития отдельных регионов и страны в целом. Кроме того, благодаря трудовым мигрантам из соседних, работающим в Казахстане, обеспечивается социально-экономическое развитие и политическая стабильность в ряде соседних государств. Трудовая и учебная миграция стали формами реального социально-экономического сотрудничества между Казахстаном и Россией и другими партнерами.

Крупная международная конференция в Алма-Ате, в Казахском национальном университете имени аль-Фараби является знаковым событием признания вклада Казахстана в миграционные процессы в Евразии, а так-

же значительной роли казахстанских экспертов в развитие миграционной науки в мире. Хочется поблагодарить всех коллег за огромный вклад в подготовку и пожелать успехов данной международной научной конференции.

*Главный редактор серии «Демография. Социология. Экономика»
РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор,
директор Института социально-политических исследований РАН,
заведующий кафедрой демографической и миграционной политики
МГИМО МИД России*

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Section 1

THEORETICAL ASPECTS OF MIGRATION ON THE POST-SOVIET SPACE

CONTESTATIONS OF (TRANS)REGIONAL MIGRATION GOVERNANCE IN THE POST-SOVIET SPACE ¹

Oleg V. KORNEEV, PhD, Principal Investigator (GlobalContest / ANR), Research Fellow (CERAL), Faculty of Law, Political and Social Sciences, University of Paris 13 (France) and Associate Leading Research Fellow, Laboratory for Social Anthropological Research, Tomsk State University, Tomsk (Russia), e-mail: oleg.vl.korneev@gmail.com

Andrey S. LEONOV, Assistant Professor, Department of European and International Law / Jean Monnet Module and Project Coordinator, Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod (Russia), e-mail: andrei_leonov@yahoo.fr

Abstract: This paper explores dynamics of (trans)regional migration governance in the post-Soviet space. In particular, it examines overlaps and contestations that emerge in regional migration governance initiated from both within and outside the region. The paper shows that, on the one hand, post-Soviet states have undertaken multiple attempts to construct regional frameworks for migration governance. These have mostly tended to address issues of labour migration with a view to provide workers with indiscriminate access to common labour market and create conditions for fully-fledged free movement within the region. Such intra-regional cooperation has mostly neglected other migratory phenomena, developing only embryonic common instruments against irregular migration and almost disregarding issues of forced migration. On the other hand, as this paper argues, the post-Soviet space has experienced influence of the external actors, mostly international organizations both from and beyond the UN system. The paper shows that such external actors have significantly contributed to trans-regional or trans-systemic migration governance initiatives where the European Union (EU) has often served as a role model, a donor or both.

Keywords: (trans)regional migration governance, contestations, international organizations, the Eurasian Economic Union, the European Union, Central Asia, Regional Consultative Processes.

БОРЬБА ЗА УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

КОРНЕЕВ Олег Владимирович, PhD, главный исследователь (GlobalContest / ANR), научный сотрудник (CERAL), факультет права, политических и социальных наук, Университет Париж-13, Франция; ведущий научный сотрудник, Лаборатория социальных антропологических исследований Томского государственного университета, Томск, Россия, e-mail: oleg.vl.korneev@gmail.com

ЛЕОНОВ Андрей Сергеевич, старший преподаватель Департамента европейского и международного права, координатор проекта Jean Monnet Module, Университет им. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, e-mail: andrei_leonov@yahoo.fr

¹ Research for this work was supported by the European Union through its Erasmus+ Jean Monnet Programme (grant number 575476-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-PROJECT and 565369-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE), the French National Research Agency through its programme Hosting High Level Researchers (grant number ANR-16-ACHN-0034) and the “Tomsk State University competitiveness improvement programme” (grant number 8.1.27.2018)

Аннотация. В статье рассматривается динамика (транс)регионального управления миграцией на постсоветском пространстве. В частности, рассматриваются совпадения и оспаривания, возникающие в региональном управлении миграцией, инициированные как внутри, так и вне региона. Показано, что, с одной стороны, постсоветские государства предприняли попытки построить региональные рамки управления миграцией. В основном это касается вопросов трудовой миграции с целью предоставления работникам доступа к общему рынку труда и создать полноценные условия перемещения в регионе. Такое внутрирегиональное сотрудничество привело к разработке лишь общих инструментов против нерегулярной миграции, при этом игнорировались вопросы принудительной миграции. С другой стороны, страны постсоветского пространства испытывали и внешнее воздействие как со стороны международных организаций в системе ООН, так и других организаций. Такие внешние субъекты также оказали влияние на формирование трансрегиональных и транссистемных инициатив по управлению миграцией, когда был использован опыт Европейского Союз как для стран доноров, так и для стран реципиентов.

Ключевые слова: управление (транс)национальной миграцией, оспаривание, международные организации, Евразийский Экономический Союз, Европейский Союз, Центральная Азия, региональные консультативные процессы.

Introduction. This paper analyses dynamics of (trans)regional migration governance in the post-Soviet space defined as the Eurasian migration system. In particular, it examines overlaps and contestations that emerge in regional migration governance initiated from both within and outside the region. The paper shows that, on the one hand, post-Soviet states have undertaken multiple attempts to construct regional frameworks for migration governance. These have mostly emerged within Russia-led initiatives leading to creation of regional integration organizations. Importantly, such “home-grown” regionalism and, in particular, its most recent iteration in the shape of the Eurasian Economic Union (EAEU) has been based on economic rationality and has tended to address issues of labour migration with a view to provide workers with indiscriminate access to common labour market and create conditions for fully-fledged free movement within the region. Such intra-regional cooperation has mostly neglected other migratory phenomena, developing only embryonic common instruments against irregular migration and almost disregarding issues of forced migration. On the other hand, as this paper argues, the Eurasian migration system has experienced influence of the external actors, mostly international organizations both from and beyond the UN system. The paper shows that such external actors have significantly contributed to trans-regional or trans-systemic migration governance initiatives where the European Union (EU) has often served as a role model, a donor or both. Many such external interventions in migration governance within the post-Soviet space have been orchestrated through Regional Consultative Processes (RCPs). This paper briefly discusses history of RCPs in the post-Soviet region and their role in the development of regional migration governance schemes, in particular, in Central Asia. The paper argues that such trans-regional formats have mostly focused on issues of forced migration – de-facto limited to facilitating the emergence of regional protection zones for eventual containment of undesirable flows within the

region – and fight against irregular migration. It shows that such security-oriented approach is in sharp contrast with intra-region migration governance initiatives. It identifies both competition and cooperation dynamics between regional integration processes and externally induced inter-state cooperation. Despite certain complementarity of these two tracks of regionalism, international organizations have contributed to a partial erosion of the Eurasian migration system since they have been more conducive to the emergence of several sub-regional migration governance systems.

Intra-regional migration governance initiatives and frameworks. Although from the point of view of their economies and political systems, the states of the post-Soviet region represent a mosaic, in the field of migration, primarily labour migration, they (with the exception of the Baltic States) form a relatively unified space – the Eurasian migration system [1] built on a number of indicators such as common history and long-term relationship within the single state (the Russian Empire followed by the USSR); a migration system core (Russia) and a second attraction pole (Kazakhstan); Russian language as facilitator and, to a certain extent catalyst of migration; mutual interest in “intraregional” migration between Russia and Kazakhstan, on the one hand, and countries of origin, on the other hand.

Many years of maintenance of close ties between the former Soviet republics, the emergence of a new format of their coexistence in the form of the Commonwealth of Independent States (CIS) in the aftermath of the dissolution of the USSR, and the functioning of a visa-free regime between most of these states provided the possibility of soft disintegration. In fact, this disintegration was never completed.

Dynamics of migration governance in the post-Soviet space were largely determined by priorities of Russia’s external policies that is considered one of possible drivers of regional migration cooperation [2]. There are different ways to describe trends and changes through more or less identifiable periods in the development of Russian migration policy [3,4,5,6]. Perhaps the most accurate description is given by [7]. She talks about “human rights” considerations and related “open door” policies in the 1990s, about “national security” and the fight against irregular migration in 2002–2007 and about “economic pragmatism” stimulating migration for Russia’s economic needs in 2007–2011. It is, thus, clear that in little more than 20 years since the break-up of the USSR, Russian migration policy has gone through a series of fluctuations from liberal to illiberal and to, once again, more open approaches [8].

The emergence of the EAEU in 2015 as a core integration structure within the Eurasian migration system was preceded by several important stages of integration within the borders of the Commonwealth of Independent States (CIS) established in 1991. More than twenty years of variegated integration efforts have produced such organizations as the Union of Russia and Belarus (URB, 1996) with the highest degree of integration; the Eurasian Economic Community (EURASEC, 2000) that has provided organizational framework for the Customs Union (CU) and the Single Economic Space formally created in 1995; and, eventually, the EAEU (2015) that has absorbed EURASEC with all its acquis.

The Eurasian Economic Union. The Treaty on the Eurasian Economic Union (the EAEU Treaty) signed in Astana by the Presidents of Belarus, Kazakhstan and Russia on May 29, 2014 (entered into force on January 1, 2015) marked the transition of the Eurasian economic project to a fundamentally new format of integration. The EAEU Treaty is based on the legal framework of the Customs Union and the Single Economic Space [9]. The EAEU Treaty replaces the agreements signed by the three states within the scope of Customs Union and the Single Economic Space issues, starting from 2007. Armenia and Kyrgyzstan joined the EAEU Treaty on January 2, 2015 and August 12, 2015 respectively.

The EAEU is an international organization of regional economic integration, which has international legal personality. Unlike the CIS and all the other formats of cooperation within the post-Soviet space, the EAEU is characterized by supranationality, which reflects a higher level of integration unprecedented for the post-Soviet space. The EAEU has a very complex institutional structure and some scholars argue that it is modelled on the institutions of the European Union (EU) [10, 11].

First, the EAEU Treaty regulates migration only in the context of the single labour market between EAEU member states. In other words, this regulation concerns only labour migration and freedom of movement of workers. The Treaty has not interfered with issues of visa-free regime between CIS countries but has created different labour migration regimes for citizens of EAEU Member States and citizens of other CIS countries. Second, in the area of migration, the EAEU Treaty regulates relations between states within the Union, without affecting their relations with third countries. The EAEU Treaty replaces the Agreement on the Legal Status of Migrant Workers and Members of Their Families that has been in effect since 2010 within the framework of the EURASEC. The new relevant provisions are found in the Section XXVI “Labour Migration” of the EAEU Treaty. The Agreement on Cooperation in Countering Illegal Labour Migration from Third Countries of November 19, 2010 remains in force and is used in parallel with the EAEU Treaty.

Importantly, the EAEU Treaty does not use the term “migrant worker” replacing it with the “worker of a member state”. This new terminology emphasizes the peculiarity of the regional model of free movement of labour, similar to the free movement of workers within the European Communities (Article 96 of the EAEU Treaty). However, despite the claim that the EAEU is modelled on the European Union [10], there is a significant difference between the two with regards to labour migration dynamics and their regulation. In the case of the EU, norms on the freedom of movement (starting from their appearance already in the first treaties in the 1950-s) aimed at stimulating labour migration between member states of the European Communities for the benefit of economic integration. In other words, they aimed at creating a new migration reality in legal terms: they introduced provisions that made basically unlimited labour migration genuinely possible within the territory of the European Communities. In the case of the EAEU, the Treaty provisions regulating labour migration between EAEU member states actually reflect the reality on the ground – they recognize the fact that labour

migration between these countries is already very significant and basically create rules that facilitate this existing migration pattern described above.

The EAEU Treaty provisions that abolish the restrictive procedures for the employment of workers from EAEU Member States on the territory of other EAEU Member States also contain the prohibition of discrimination against foreign workers on the basis of their citizenship in relation to the work they do, the type of occupation and the territory of their stay.

A number of legislative (Treaty) novels already testify to the considerable liberalization of the regulation of labour migration within the framework of the EAEU, which makes it a particularly advanced subsystem of migration governance within the Eurasian system. The length of temporary stay of citizens and members of their families on the territory of the state of employment depends on the duration of the labour or civil law contract. Citizens of EAEU member states who arrived in one of the countries of the Union for employment are exempt from registration for 30 days from the date of entry and from the obligation to use the migration card.

According to the EAEU Treaty, access to the labour market is granted on the basis of automatic recognition of educational qualifications without any additional procedures. Exceptions concern labour activities in the medical, pharmacological, pedagogical and legal spheres, where it is required to establish the equivalence of the relevant documents (clause 3 of Article 97 of the EAEU Treaty). An important achievement of the EAEU Treaty is the establishment of common taxation schemes for citizens of all EAEU member states, who are subject of national treatment.

In addition to the specific regulation of the labour of workers from the EAEU member states, the Treaty introduces provisions guaranteeing a number of social and other rights of EAEU workers and members of their families. Social security of workers from EAEU member states is guaranteed on the same conditions and in the same manner as for citizens of the state of employment. The length of work service (seniority) acquired in the territory of the state of employment is counted in the total length of service, which is important for obtaining social benefits (Clause 3, Article 98 of the EAEU Agreement). All medical services guaranteed by the state of employment must be equally accessible to all citizens of the member states of the Union. The EAEU Treaty also protects the right of the children of workers who live with them in the territory of the state of employment, to attend pre-school institutions and receive education in accordance with the legislation of the state of employment (Par. 8 of Article 98). In this way, the EAEU abolishes major organizational boundaries for migration existing within host countries [12]: such guarantees function as an important driver of migration, they can partially solve the problem of irregular labour migration in the region, and also contribute to better integration of migrants. The provisions of the Article 98 of the EAEU Treaty are formulated in accordance with the highest international standards for the protection of the human rights of migrant workers and fully comply with both the letter and the spirit of the provisions of the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families of December 18, 1990 (Articles 15, 25, 26, 27 p. 28, 30, 32, 33

p.1, 34). This is especially important since neither Russia nor Kazakhstan have joined this Convention. This shows that states are more comfortable with assuming obligations to guarantee certain migrant workers' rights within the framework of limited regional cooperation rather than adhering to such standards at the universal level. More generally, this shows advantages of regional migration governance systems in relation to such sensitive issues as migration and welfare.

External Actors and RCPs in Eurasian Migration Governance. “Trans-regionalism” denotes “a set of formal and informal institutions that cut across and connect different geographical regions, constituting or constraining the behaviour of states and non-state actors in a given policy field” [13]. Betts claims that “it is a type of governance that is arguably increasingly important in the context of Northern states’ attempts to regulate irregular flows within and from the South” [14, p.18]. A well-known form of trans-regional governance of migration issues is informal regional dialogues – so-called “Regional Consultative Processes” that gradually spread all over the world [15]; see also [16]. Providing evidence for existence of some migration governance at the global level in such formats as multilateralism and embeddedness, Betts admits their limited scope and argues that international migration governance is much more witnessed at the (trans)regional level. EU cooperation with many states and regions in the world is one of the most prominent examples of this trend, whereas RCPs supported by the EU have served as an important mechanism of its influence on other regions of the world. An important argument has been put forward by Channac and Thouez: “Given the multiplicity of RCMPs, a natural reflection might be to conclude a divergence of views accompanying each of these. In fact, what might on the face appear to be a fragmentation of discussions on international migration policy as an increasing number of RCMPs and other fora emerge, can actually be seen as a growing convergence in similar if not identical methods of cooperative interaction. This is also true across regions, where there is a deeper convergence by the exchange of experiences and approaches from one RCMP to another” [17, p.7].

Relatedly, discussing the role of RCPs in global governance of irregular migration, Duvell underlines that such RCPs as the Budapest Process “are based on very dense agendas of almost weekly meetings, consultations, exchange of data, training, and joint exercises for intelligence and enforcement staff” [18, p.99]. This shows a very high degree of intensity of communication in some of the existing RCPs. What remains unnoticed is that RCPs, beyond creating tangible administrative and policy networks and beyond being mere “discussion forums” [19] also contribute to the emergence of less noticeable knowledge networks in regional and, eventually, global migration governance.

Regional Consultative Processes in Central Asia. The CIS Conference Process (The Regional Conference to Address the Problems of Refugees, Displaced Persons, Other Forms of Involuntary Displacement and Returnees in the Countries of the CIS and Relevant Neighbouring States) was the first RCP covering the post-Soviet space: it came into being in 1996 and slowly died by 2005, producing mixed results in terms of its concrete influence on targeted countries’ legislation [20]. In parallel to the CIS Conference Process, but only from 2000, Central Asian coun-

tries also participated in the Issyk-Kul Dialogue that lasted until 2010. This was a product of an inter-agency International Migration Programme with the UNITAR taking the lead [21].

The oldest existing RCP in the post-Soviet region is the Budapest Process. It has developed and significantly changed over time – in particular in its geographic focus. Since its inception in 1993, it has targeted cooperation with the Central European countries, as well as with the countries of South-East Europe. As the Central European countries have joined the EU, the Budapest Process has moved further to the East to include the post-soviet countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) into its cooperative framework. Already since 2003, International Centre for Migration Policy Development (ICMPD) has been implementing the project on the Re-direction of the Budapest Process to the CIS [22].

The only Central Asian states that regularly participate in the meetings of the RCP are Kyrgyzstan and Tajikistan. This is very indicative both for the lack of genuine cooperation efforts among Central Asian states and for the different level of engagement with international initiatives on the part of the Central Asian governments, more specifically Uzbekistan and Kazakhstan. The reasons for this limited engagement in the case of international migration cooperation are, however, different. Whereas Uzbekistan insists on the fact that migration is not among its policy priorities and in general prefers to avoid international interventions in this policy field, Kazakhstan positions itself as a developed country of destination and thus does not want to be present in these meetings on the same side as Afghanistan or Tajikistan. The overall participation of the Central Asian states in the activities of the Budapest Process is rather low.

Another EU led RCP – the Prague Process – is a case apart due to its hybrid nature. It is not a RCP in the strict sense of the term, since it emerged in 2009 as a project funded by the EU and the Government of the Czech Republic under the title “Building Migration Partnerships” in the framework of EU cooperation with the Eastern Partnership countries and was designed only for two years. However, after its formal termination in 2011, the participating parties (mostly EU Member States and the European Commission) endorsed a follow-up with the action plan from 2012 till 2016. This double nature of the Prague Process – a migration management project that has successfully grew into a regular dialogue among the participating states – makes it quite innovative compared to the “old-fashioned” Budapest Process. The popularity of the Prague Process among the participating states, including those that are usually quite reluctant to engage in substantial talks on migration (such as Uzbekistan) is to a large extent due to the ideology of the project: all of the states are supposed to be equal in the process of creation of migration partnerships, the “peer pressure” on the countries of origin and transit is thus much more politically correct and more bearable.

Various governors face different reactions in the target countries. This becomes clear from the analysis of activities undertaken by IGOs such as ILO, IOM and UNHCR. The situation of ICMPD is quite particular. Just like IOM [23], ICMPD was created with a very specific and limited mission – to be the secretariat of the Budapest Process – but with time has overgrown its initial function and be-

come a widely recognized “migration” international organization [24]. It is very strongly linked – both substantially, but also in terms of self-positioning in relations with the regional governments – with the EU. This link – giving the ICMPD the right to claim that it is working on behalf of the EU – is important for strengthening its authority. In other words, in this case two governors – the EU and ICMPD – promote each other’s authority, even though in different ways. Whereas the EU is gaining points as an important transmitter of norms, ICMPD stands out as an efficient provider of concrete expertise and tailor-made solutions. To date, an important output of the Prague Process is a set of Migration profiles for several Central Asian countries, which may, at least serve as platforms for changes in these countries’ migration policies.

The Budapest Process, on the other hand, has become too broad, and it does not focus on specific situations and challenges of cooperation that exist in Central Asian countries. Moreover, it shifts attention from Central Asia as such to the neighboring states regrouped under the label “silk routes countries”. This diverted attention is mostly due to the fact that the EU perceives “threats” and challenges from these countries for the EU territory as more important than those that they might present for Central Asia and the larger post-soviet region. The same applies to the Prague Process that seems to mostly reflect concerns of the EU and does not take into account other grass-root visions from the region. It is perhaps accurate to argue that one of the most important factors adversely affecting the Budapest and Prague Processes could be called “the threshold of association effect” when perception of ICMPD as an EU-led/driven actor becomes harmful for its image of an independent technocratic knowledge-based agency and contributes to complications in its relations with the states involved in the RCPs.

Importantly, however, the EU has also attempted to promote a “genuinely regional” – that is initiated, developed and “owned” by the countries of the region – regional consultative processes in Central Asia. This has been done, among others through two projects implemented by ILO, one of which was discussed in the first sub-section. The first overarching project in the field of labour migration funded by the EU and implemented by ILO was called “Towards sustainable partnerships for the effective governance of labour migration in the Russian Federation, the Caucasus and Central Asia” [25]. Activities within this project have brought back to life the half-dead Issyk-Kul Dialogue that was initiated within the CIS structures in 2000. This migration dialogue was covering even a larger region including also the Caucasus. However, after quite a dynamic start it has lost its pace. Due to the intensified involvement of the EU in the Central Asian soft security field since 2007, the Issyk-Kul Dialogue has held new meetings in 2009 and 2010, but after the end of the second large ILO project, it has again lost its momentum.

The absence of a bottom-up regionally initiated process was a serious challenge for external actors who did not get a chance to use pre-existing structures of cooperation for transforming the agenda of migration governance. As stated by Koehler “RCPs embody a particular form of “multilateral cooperation” that provides the basis for convergence of perceptions and eventual policy harmonization” [16, p.69]. This trans-regional cooperation implies, however, a certain degree of

pre-existing cooperation if not in a given policy field, than at least in overarching issues and, by default, some kind of regional homogeneity within the (sub)regions involved in a RCP. If one can talk about the presence of these conditions on the EU side, this was certainly not the case for Central Asia. This was one of the key exogenous challenges that external migration governors faced in the region [26].

The situation started to change with the launch of a new RCP – the Almaty Process that de-facto emerged in March 2011 thanks to the Regional Conference on Refugee Protection and International Migration in Central Asia that adopted the Almaty Declaration. The Almaty Process, administered by the tandem of IOM and UNHCR, involves four out of five post-Soviet Central Asian countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan), and three neighboring states (Afghanistan, Azerbaijan, Turkey), whereas Pakistan and Iran have observer status. Importantly, neither Russia (the major destination country in the Eurasian migration system), nor Uzbekistan (the major migrant origin country in the region) are not participating in the Almaty Process. However, initially Russia, as well as Uzbekistan and even China took part in some of the Process events before it was officially launched in June 2013 with Kazakhstan acting as the chair. Participating states defined several key issues of common interest, including compliance with international law and standards for migrants with protection needs, national security and border protection, cross-border migration-related crime, especially human trafficking and smuggling, statelessness, emergency preparedness, and irregular migration from Central Asia. The Almaty Process produced the Regional Action Plan built on UNHCR's 10-Point Plan of Action on Refugee Protection and Mixed Migration. This plan is organized around four objectives: (1) Managing borders and ensuring security while ensuring protection; (2) Differentiated processes and procedures; (3) Viable solutions for different groups; and (4) Developing legal migration opportunities and gender-sensitive migration policies.

This emphasis on the local ownership might at least partly be the case for the states in the region. However, there are clear indicators that the Almaty Process is rather closed for other types of local actors, most notably – NGOs working in the fields of migration and human rights. They are underrepresented in the Process and even those that have formally indicated status have issues with actually accessing meetings at various levels. Invited organizations are not representative of the actual civil society stakeholders in the field of migration, for example, the Human Rights Centre from Tajikistan was never invited [27, 28]. If at the start of the Process, civil society actors were at least formally invited to attend Process meetings, in 2015 and, especially, in 2017 their number has significantly decreased [29].

Importantly, the Almaty Process has produced only limited attempts to build links with various regional integration organizations in the post-Soviet space, such as the SCO, the CSTO or the EAEU. Cooperation with the first two would fit most of the key issues of concern identified by the Almaty Process participants in 2013. Cooperation with the EAEU could be a way to comprehensively address other issues that have emerged on the agenda. In particular, the 2nd Almaty Process Senior Officials Meeting (SOM) “Labour Migration Opportunities and Challenges in Central Asia: Addressing solutions for migrants and refugees” (22 September

2015, Astana, Kazakhstan) addressed issues of labour migration. Two countries participating in the Almaty Process are also Member States of the EAEU. However, the programme of this meeting does not even hint at the existence of the EAEU.

An important change occurred in the framework of the 3rd Almaty Process Senior Officials Meeting (SOM) “Addressing Mixed Migration Flows in Central Asia: Human mobility, Rights of Vulnerable Migrants and Refugees and Regional Cooperation” that took place on 19–20 September 2016 in Astana. This meeting also addressed issues of labour migration and very clearly paid attention to Russia and the EAEU, mentioning, among others, the need to address “gaps in mechanisms for protecting migrant workers’ rights, direct effects and long-term impact of the re-entry bans of migrant workers to the Russian Federation, as well as the effect of the Eurasian Economic Union’s (EAEU) enlargement, regulating labour markets for facilitating immigration of priority groups (high-skilled migrants, workers with skills in demand), legal opportunities in seasonal work and cross-border commerce while looking into existing work permit procedures, utilizing remittances for achieving development)”. The meeting Concept note pays detailed attention to the place of migration in the relations between Central Asian countries and Russia, however, Russia did not take part in this meeting.

The Almaty Process is gradually diversifying its agenda and increasing the number of issues of concern, thus gradually entering the terrain of labour migration governance. Since this issue is central to the EAEU, such dynamics puts the Almaty Process and the EAEU in the situation of simultaneous competition and complementarity. They are competitive in terms of actors involved but rather complementary in terms of issues at stake.

Reflections. International organizations have contributed to a certain erosion of the Eurasian migration system that has formed in the space of the former Soviet Union. While in the first post-Soviet years Russia has clearly been the unrivalled pole of attraction for Central Asian countries, Kazakhstan has gradually become the second most attractive destination. As argued in the relevant literature, this – to a large extent – has to do with overwhelmingly positive economic trends in Kazakhstan, as well as with such factors as linguistic or religious affinity of migrants from other Central Asian countries with Kazakhstani locals. This seems to be, however, only a part of the story. Major migration governance initiatives of international organizations in Central Asia have also played a role in this process. Part of their efforts aimed at fostering an image of Kazakhstan as a migrant-welcoming country that could be a good alternative to Russia. Lobbying for relevant changes in Kazakhstani legislation, support for Kazakhstani pro-migrant NGOs, information campaigns and organized recruitment schemes developed between Kazakhstan on the one hand and, its Central Asian neighbours, on the other, were important elements of this strategy.

A very interesting trend that deserves more attention than it receives from scholars of migration dynamics/governance in the post-Soviet space is the continuous attempts of international organizations to approach and frame some countries in the Eurasian Migration System as new regions. This is specifically the case of Central Asia where – up to very recently – almost all projects of international

organizations were so much region-oriented that they were almost losing sight of very significant country-specific features and needs. This is certainly one important point to keep in mind when analysing migration governance in this part of the world.

Another important point is that often projects launched by international organizations – often because the donors want it this way – do not include Russia. This has also been contributing to either intentional or accidental re-shaping of the region. The problem, however, is that Russia has remained the main destination country in the whole post-Soviet space, definitely the main destination for Central Asian migrants. Not including Russia in relevant governance frameworks or specific projects can hardly be beneficial in the long-term perspective.

Originating in the EU, Budapest and Prague Processes have been rather unsuccessfully trying to involve the countries from the post-Soviet region. IOM with its more recent Almaty Process that is being presented as “native” to the region and, even more importantly, region-owned has been hoping to fill this niche, in particular through widening participation in this process on the part of other IGOs, as well as NGOs active in the region. From a closer look, Almaty Process seems to be an overarching and rather hybrid framework that aims at covering both migration and asylum issues in Central Asia and larger region, but paradoxically does not include Russia unlike the longer existing Budapest and even Prague Process.

The genesis of RCPs in Central Asia (and wider post-soviet space) is very interesting since it is indicative of major trends in regional migration governance. The role of (destination) states and IOs is very visible. Moreover, regional integration with direct consequences for regional migration governance has pushed international organizations to adjust their strategies in order to continue to be seen as bringing some added value in now genuinely regional (or at least sub-regional) migration governance. Consequently, international organizations attempted to enter the newly created government networks and utilize their previously created networks to promote their agenda and their relevance. Since 2015, in the context of rapid developments in regional migration governance within the Eurasian Economic Union, IOM and UNHCR have had to gradually refocus the Almaty Process and pay more attention to issues of refugee reception (protection) with Central Asian countries taking on the role of countries of destination. The core issues of labour migration to Russia, thus, have been at least partly replaced by another arguably important issue. However, field material provides serious grounds to doubt the actual importance of this issue for the countries in question and for international actors at the moment when the Almaty Process was piloting its initiatives in this field [30].

It seems very important to explore these interactions of international organizations and RCPs with the newly created structures and rules in the context of relatively recent dynamics of Eurasian regional integration (the Eurasian Economic Union). First RCPs were addressing all migration issues, including labour migration. They were in many ways competing with state actors and, eventually, losing in this competition. The Almaty Process has addressed issues that have never come into the orbit of inter-state cooperation in the region: refugee protec-

tion. This, at least partly, can explain why this latest RCP still exists and even develops. However, since 2015 the Almaty process has also started extending towards labour migration issues – exactly when the Eurasian Economic Union with its labour mobility regulation has come into being.

REFERENCES AND SOURCES

1. Ivakhnyuk, I. *Evraziiskaya migratsionnaya sistema: teoria I praktika*. Moscow: MAKS Press. – 2008.
2. Lavenex S. Multilevelling EU external governance: the role of international organizations in the diffusion of EU migration policies // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – Volume 42. Issue 4. – 2016. – P. 554–570.
3. Mukomel, V. *Labour Migration And The Host Country: Russian Case*. CARIM-East Research Report 2012/31, Robert Schuman Centre for Advanced Studies. San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute. – 2012.
4. Mukomel, V. The transformation of Russia's migration policy in 2005–2011 / In: *Regional Migration Report: Russia and Central Asia*. Di Bartolomeo, A., Makaryan, S. and A. Weinar (eds). San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute. – 2014. – P. 55–64.
5. Ryazantsev, S. *Labour Migration in the CIS and Baltic States: Trends, Consequences, Regulation*. Moscow [in Russian]. – 2007.
6. Ryazantsev, S. and Korneev, O. *Russia and Kazakhstan in Eurasian Migration System: Development Trends, Socio-Economic Consequences of Migration and Approaches to Regulation*. CARIM-East Regional Report 2013/44. San Domenico di Fiesole (FI): Robert Schuman Centre for Advanced Studies, European University Institute. – 2013.
7. Ivakhnyuk, I. *Russian Migration Policy's Effects on Eurasian Human Mobility*. Presentation at the Kennan Institute, Washington, 12 October 2016.
8. Geddes, A. and Korneev, O. The State and the Regulation of Migration / in McMahon, S. and Talani, L.S. (eds.) *Handbook of the International Political Economy of Migration*. Edward Elgar. – 2015.
9. Voronina N.A. *Vneshnyaya trudovaya migratsiya v usloviyakh yevraziyskoy integratsii: pravovyye aspekty* // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. №1 (59). – 2017.
10. Schenk, C. *Labour Migration in the Eurasian Union: Will Freedom of Movement Trump Domestic Controls?* PONARS Eurasia Policy Memo No. 378, August 2015.
11. Tarr, D. G. *The Eurasian Economic Union among Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia and the Kyrgyz Republic: Can It Succeed Where Its Predecessor Failed?* *Eastern European Economics*, Volume 54, Issue 1. – 2015. – P. 1–22.
12. Geddes, A., Vera Espinoza, M., Hadj-Abdou, L. and Brumat L. (Forthcoming, eds.). *The Dynamics of Regional Migration Governance*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
13. Betts, A. *The Global Governance of Migration and the Role of Trans-regionalism*. In Kunz R., Lavenex S. and Panizzon M. (eds.) *Multilayered Migration Governance: The Promise of Partnership*. New York: Routledge. Pp. 36–75. – 2011.
14. Betts, A. *Global Migration Governance*. Oxford: Oxford University Press. – 2011.
15. Thouez, C. and Channac, F. *Shaping International Migration Policy: The Role of Regional Consultative Processes* // *West European Politics* 29 (2). – 2006. – P. 370–387.

16. Koehler, J. Regional Consultation Processes and Global Migration Management / In Kunz R., Lavenex S. and Panizzon M. (eds.) *Multilayered Migration Governance: The Promise of Partnership*, New York: Routledge. – 2011. – P. 67–93.
17. Thouez, C. and Channac F. *Regional Consultative Processes for Migration: An Evaluation Based on IMP's Work*. New York: United Nations Population Fund. – 2005.
18. Düvell, F. Irregular Migration. In Betts, A. (ed.) *Global Migration Governance*. Oxford: Oxford University Press. – 2011.
19. Geiger, M. and Pécoud, A. The Politics of International Migration Management. In Geiger M. and Pécoud A. (eds.) *The Politics of International Migration Management*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. – 2010. – P. 1–20.
20. Druke, L. *Refugee policy in Eurasia: The CIS Conference and EU Enlargement Process 1996–2005*. Geneva: UNHCR. – 2006.
21. Interview with a former member of staff of an international organization, Geneva, June 2017.
22. ICMPD. *Overview of the Migration Systems in the CIS Countries*. ICMPD, Vienna. – 2005.
23. Georgi, F. For the Benefit of Some: The International Organisation for Migration and its Global Migration Management. In Geiger, M. and A. Pécoud, eds. *The Politics of International Migration Management*. Basingstoke et al.: Palgrave Macmillan, pp. 45–72. – 2010.
24. Hess, S. “We are Facilitating States!” An Ethnographic Analysis of the ICMPD. In Geiger, M. and A. Pécoud, eds. *The Politics of International Migration Management*. Basingstoke et al.: Palgrave Macmillan, pp. 96–118. – 2010.
25. ILO. *Project Evaluation Summary: Towards sustainable partnerships for the effective governance of labour migration in the Russian Federation, the Caucasus and Central Asia*. ILO, Geneva. – 2009.
26. Lewington, R. The Challenge of Managing Central Asia's New Borders. *Asian Affairs* 41 (2). – 2010. – P. 221–236.
27. Interview with a member of staff of an NGO, Dushanbe, June 2014.
28. Interview with an independent expert, Almaty, August 2015.
29. Interview with a member of staff of an international organization, Bishkek, March 2017.
30. Interview with a member of staff of an international organization, Almaty, August 2014.

О ЧЕТВЕРТОЙ ФУНКЦИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

ТОПИЛИН Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией демографии, миграционной политики и регулирования рынка труда, Институт макроэкономических исследований Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ, Москва, Россия, e-mail: topilnav@mail.ru

Аннотация. В статье выдвигается тезис о действии, наряду с общепризнанными научным сообществом тремя функциями миграции, четвертой ее функции, суть которой заключается в самосохранении и саморазвитии этноса или его группы как единого социокультурного сообщества со своей историей, языком, культурой, традициями и обычаями. Рассматриваются основные виды этнической миграции и ее последствия с точки зрения реализации функции самосохранения этноса.

Ключевые слова: этническая миграция, функция, этнос, самосохранение, беженцы, вынужденные мигранты, депортация, консолидация.

ON THE FOURTH FUNCTION OF MIGRATION OF THE POPULATION

Anatoly V. TOPILIN, Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory of Demography, Migration Policy and Labor Market Regulation, Institute of Macroeconomic Research of the All-Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russia, e-mail: topilnav@mail.ru

Abstract. The article proposes the thesis of the action, along with the universally recognized scientific community, the three functions of migration, its fourth function, the essence of which is the self-preservation and self-development of the ethnos or its group as a single sociocultural community with its history, language, culture, traditions and customs. The main types of ethnic migration and its consequences are considered from the point of view of the realization of the function of self-preservation of the ethnos.

Key words: ethnic migration, function, ethnos, self-preservation, refugees, forced migrants, deportation, consolidation.

Большинство российских ученых, занимающихся изучением миграционных процессов, придерживаются точки зрения о наличии трех функций миграции: перераспределительная, селективная, повышения подвижности населения (1, 2, 3). При территориальном перераспределении населения происходит изменение пропорций в размещении основных элементов производительных сил между отдельными территориями страны, районами, типами сельских и городских поселений. Вторая функция миграции заключается в том, что неравномерное участие в перемещениях различных социально-демографических групп населения ведет к изменению качественных структур населения различных территорий. Третья функция – повышение подвижности населения характеризуется тем, что по мере научно-технического и социального прогресса общест-

ва происходит увеличение масштабов и интенсивности перемещений, числа людей с богатым миграционным опытом.

Анализ изменений в географии населения мира, включая Великое переселение народов в Европе 4–7 вв., Великие географические открытия с последовавшими массовыми межконтинентальными переселениями, миграции различных народов в связи с распадом Британской империи и развалом Союза ССР в 20 веке, всплеск мощных потоков беженцев, вынужденных переселенцев, бедных слоев населения в поисках заработка в последние десятилетия показал, что все эти колоссальные сдвиги в размещении населения затрагивали судьбы многих народов и этносов, сопровождаясь огромными потерями и трагическими последствиями. Часть этносов погибла в неравной борьбе за выживание, была загнана в резервации. Однако в целом миграционные процессы сыграли важную созидательную роль в истории человечества, способствовали развитию производительных сил и самого человека. Исходя из данной оценки полагаем правомерным выдвинуть тезис о существовании и действии еще одной, четвертой, не менее важной функции миграции – самосохранение и саморазвитие этноса или отдельной его части как единого социокультурного сообщества со своей историей, языком, культурой, традициями, обычаями и образом жизни.

Для уяснения сути четвертой функции миграции уточним понятие “этническая миграция.” Под этнической миграцией понимается миграция, в основе которой лежат не экономические или иные факторы, а объективные и субъективные этнические факторы, влияющие на самосохранение этноса. С. Рязанцев к этническим факторам относит этнический состав населения, состояние межнациональных отношений, этнические конфликты, этнические депортации, культурное доминирование, языковая и религиозная ситуация, этническая политика, а также личностные особенности мигранта: внутренняя самоидентификация, этническое самосознание, чувство этнической родины и т.п.) [4].

С. Панарин определил сущность этнической миграции из Центральной Азии следующим образом: “ это совокупность миграционных потоков, в каждом из которых численно преобладают лица с общей этнической самоидентификацией, отчуждающиеся от отпускающего общества и отчуждаемые им, ощущающие угрозу своей этнокультурной безопасности и вынужденные перемещаться из одного государство в другое, чтобы избежать этой угрозы” [5].

Несомненно, что преобладание среди мигрантов лиц одной национальности является необходимым критерием отнесения такой миграции к этнической. Но этого недостаточно. Ключевым признаком является отчужденность этноса от окружающей социальной среды. Это отчуждение может носить различный характер: на бытовом уровне, на уровне государственной политики (ограничение в правах, в получении образования, использовании родного языка, других социально-культурных институтов, ограничение в передвижении и т.п.). Насильственной формой отчужденности выступает депортация.

К этнической миграции, в результате которой реализуется функция самосохранения этноса, относятся следующие ее виды:

- беженцы из-за угрозы жизни и безопасности этнических групп и целых народов в связи с военными действиями и межнациональными конфликтами;
- миграция народов и этносов, стремящихся к этнической консолидации или образованию государственной автономии по национальному признаку;
- депортация по этническому принципу (насильственная форма выдворения), высылка.

Рассмотрим указанные виды этнической миграции подробнее с позиций реализации функции самосохранения этноса.

Беженцы. Анализ миграционных процессов за последние десятилетия свидетельствует, что всплеск территориальной подвижности населения обусловлен не только глобализацией и увеличением пропасти между богатыми и бедными странами, но и обострением межнациональных конфликтов, распространением терроризма, локальными военными действиями. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев сегодня в мире насчитывается 22,5 млн. беженцев. На страны центральной и южной Африки приходится 30% беженцев, 26% – на страны Ближнего Востока и Северной Африки, Юго-Восточной Азии – 11%. Почти каждый пятый беженец перебрался в Европу. По оценкам некоторых экспертов, в ближайшие годы в Европу могут прибыть 30–35 млн. мигрантов, угрожая катастрофой для региона [6]. В странах ОЭСР в 2016 г. было зарегистрировано более 1,6 млн. новых ходатайств о предоставлении убежища, в том числе 720 тыс. в Германии. Более 20% заявок в зоне ОЭСР были поданы сирийцами, а 13% – афганцами [7].

Самосохранение этноса в форме вынужденной миграции включает несколько этапов: критический – оставление беженцами в экстремальных условиях своей исторической родины (этнической территории), последующее перемещение легально или нелегально в другое государство, получение статуса беженца и предоставление убежища, и далее временное пребывание, адаптация и интеграция в принимающей стране. Часть беженцев может быть репатриирована на родину. В результате удается сохранить жизни сотен тысяч людей, идентичность и самобытность даже небольших этнических групп.

Этнические группы мигрантов, стремящихся к консолидации. Например, после окончания Второй мировой войны и создания в 1948 г. государства Израиль на его территорию стали прибывать евреи из многих стран, главным образом из союзных республик СССР. К этой форме самосохранения этносов и целых народов можно отнести возвратную миграцию русских из бывших союзных республик после развала Союза ССР, поскольку в большинстве новых независимых государств проводилась жесткая политика по выдавливанию русскоязычного населения из своих стран. За десять лет (1996–2005 гг.) в Россию прибыло 5,0 млн. русских из 8,5 млн. всех мигран-

тов, или 59%, тогда как выбыло 1,5 млн. русских из 3,5 млн., или 44,1% [8]. Русские возвращенцы той поры лихих 1990-х ехали в Россию на свой страх и риск, ибо тогдашнее российское руководство отвернулось от беженцев, вынужденных и добровольных переселенцев не только русских, но и других соотечественников. Можно предположить, что несмотря на лишения, один из мотивов их порыва – этническая консолидация.

Люди стремились не только обезопасить себя и свои семьи, но и сохранить свою этническую идентификацию.

Многие страны проводят целенаправленную политику по возвращению соотечественников. Например, в Казахстане в 1998 г. была принята Концепция возвращения этнических казахов (оралманов) на историческую родину. Для оралманов предусмотрены льготы, компенсации и единовременные пособия. По опубликованным данным за 2009 год число переселившихся оралманов составило 166 тыс. семей или более 650 тыс. человек [9], и квота на переселение в Казахстан постоянно растет. Однако несмотря на это, не менее половины переселенцев въезжают сверх нее. Они не могут рассчитывать на преференции, и руководствуются иными соображениями, в том числе и тяготением к этническому ядру, исторической родине.

Депортацию, как одну из форм этнической миграции, носящую недобровольный, а чаще принудительный характер, трудно расценивать как реализующую функцию самосохранения этноса. По сути своей она направлена на разрушение этноса, особенно это относится к массовым насильственным депортациям отдельных народов и этнических групп, проживавших в СССР в предвоенные годы и годы Великой отечественной войны. По имеющимся данным, смертность среди народов Северного Кавказа, высланных в годы ВОВ в Среднюю Азию, была очень высокой и значительно превышала рождаемость. В 2000-е гг. депортация стала применяться в странах ЕС к отдельным этническим группам (например, по отношению к цыганскому населению, происходящего из Болгарии и Румынии, где их насчитывается 2,5 млн. человек) [10]. Вместе с тем депортация применяется для высылки отдельных категорий иностранных граждан (нередко групп одной национальности) из числа трудовых мигрантов, нарушающих законодательство. В таком контексте депортация является оправданной мерой, ибо направлена на обеспечение безопасности местного населения, будь то жители одной или нескольких национальностей.

Стремление народов и групп этносов к самосохранению идентичности и консолидации изменяется в зависимости от конкретных политических и социально-экономических условий. Немецкие поселенцы, которые приехали в Россию еще при Петре Первом и Екатерине Второй, и расселившиеся на обширной территории от причерноморских степей и Поволжья до западно-сибирских областей, в советское время получили автономию на берегах Волги, которая была ликвидирована в начале Великой отечественной войны. Все этнические немцы более 1 млн. человек, в том числе 440 тыс. человек из Республики немцев Поволжья, были депортированы в отдаленные районы Сибири и Казахстана. В конце 1980-х гг. в период перестройки была создана

правительственная комиссия по восстановлению в Поволжье автономии немцев с целью возвращения депортированных этнических немцев. Однако положительно решить вопрос об автономии не удалось из-за несогласия местного населения. После развала СССР и с открытием внешних границ сотни тысяч этнических немцев эмигрировали в Германию. Вместе с тем не все выехавшие немцы, даже по прошествии довольно длительного времени, смогли адаптироваться на своей исторической родине и часть из них вернулась обратно в Россию. Причины такого исхода разные, в том числе имело значение и то обстоятельство, что бывшие этнические немцы родились, выросли и сформировались в советских и российских условиях и по всей видимости не могли перестроиться.

Говоря о функции миграции как о самосохранении этноса, следует отметить положительную роль самого акта переселения. Мигранты приспосабливаются к новым условиям жизни, окружающей природной среде, получают образование и профессию, осваивают новые трудовые навыки, знакомятся с местными традициями и обычаями, постигают науку общения с местным населением.

Таким образом функция миграции как обеспечение самосохранения этноса проявляется через достижение равновесия между расселением этноса и окружающей средой. Если этнос и среда соответствуют друг другу, то процесс адаптации протекает безболезненно. В случае внешних воздействий (войны, терроризм, наводнения, эпидемия и т.п.) этнос вынужден либо защищать свою среду обитания, либо мигрировать в поисках нового места.

У России есть уникальный опыт беспрепятственного и безболезненного освоения и заселения новых территорий на протяжении нескольких веков. При этом российский этнос расселяясь, не затрагивал территории других этносов. В результате российский этнос приобрел многовековой опыт совместного проживания с коренными народами Сибири и Дальнего Востока. Сегодня перед Россией стоит стратегическая задача по новому освоению обширных территорий восточных регионов, укреплению своих геополитических позиций в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Каждый народ и этнос самобытен и неповторим и имеет право на самосохранение и развитие. Исчезновение любого, даже самого немногочисленного этноса обедняет многоцветную мозаику народов, населяющих нашу планету. Миграция должна стать процессом, способствующим защите этноса как единого социального организма, исключающего решение проблем одного народа за счет другого. В современном мире возрастают риски, связанные с глобализацией и ростом неравенства между странами, воздействием эндогенных и экзогенных процессов, несущих угрозу жизни людей и целых народов в любой точке земного шара. Должна быть повышена роль государственных и международных институтов, призванных решать общими усилиями задачи по защите права каждого этноса на самосохранение и развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978, № 1.
2. Демографический понятийный словарь / Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. – М., 2003.
3. Юдина Т. Н. Миграция. Словарь основных терминов. – М., РГСУ, 2007.
4. Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции, Ставропольское книжное издательство, 2001.
5. Панарин С. Центральная Азия: этническая миграция и политические субъекты воздействия на миграционную ситуацию. Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. – Московский Центр Карнеги. М., 1998.
6. Цапенко И. Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия // Экономика и международные отношения, 2016, том 60, № 11. С. 35–46.
7. International Migration Outlook 2017. OECD 2017.
8. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М., 2016.
9. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. “Наши” за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М.: ИСПИ РАН, 2014.
10. Демографическая энциклопедия. Ред. кол. Ткаченко А. и др. М.: Издательство “Энциклопедия”, 2013.

МИГРАЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ФОМИН Максим Витальевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела геоурбанистики и пространственного развития, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: mvfomin@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено вопросам допустимости преобразования системы связей непространственного характера, в систему связей географического пространства. Принимая во внимание и связи иного характера (социальной или демографической структуры общества, семьи или другого множества людей) – показана значимая роль миграции – как фактора устойчивого пространственного развития. На примере Сибирского и Дальневосточного федеральных округов рассмотрена их роль как сложившихся макрорегионов и пространственных объектов. Основной акцент сделан на сопряжении перспективного пространственного (инфраструктурного) каркаса развития макрорегионов и опорного каркаса системы расселения, включая выявление узлов опережающего роста и связи между ними (транспортные артерии и коридоры), существенные в федеральном и глобальном экономическом контексте. Рассмотрены перспективы заселения пространств Сибири и Дальнего Востока России, в том числе и принудительные, новыми колонистами. Выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы при стратегическом планировании на уровне макрорегионов. Но также и при проведении дальнейших изысканий на общегосударственном и межрегиональном уровне.

Ключевые слова: пространственное развитие, территориальное планирование, миграция, устойчивость, пространственный каркас, макрорегион, опорный каркас, система расселения, узел опережающего роста.

MIGRATION AND SUSTAINABLE SPATIAL DEVELOPMENT

Maxim V. FOMIN, PhD in Political Sciences, Senior Researcher of the Department of Geourbanistics and Spatial Development, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: mvfomin@mail.ru

Abstract. The study is devoted to questions of permissibility of transforming a system of non-spatial relationships into a system of geographical space connections. Taking into account other connections (social or demographic structure of society, family or other set of people), the significant role of migration is shown as a factor of sustainable spatial development. As an example, the role of the Siberian and Far Eastern federal districts as established macroregions and spatial objects is considered. The main emphasis is on linking the perspective spatial (infrastructure) framework for the development of macroregions and the supporting framework of the settlement system, including the identification of points of advanced growth and the connection between them (transport arteries and corridors) that are significant in the federal and global economic context. The prospects of colonization (including coercive) of the spaces of Siberia and the Far East of Russia by new colonists are considered. Conclusions obtained as a result of the research can be used both for strategic planning at the level of macroregions, and for further research at the national and interregional level.

Keywords: spatial development, territorial planning, migration, sustainability, spatial framework, macro-region, supporting framework, system of settlement, hub of advanced growth.

Введение. Как известно понятие «миграция населения» трактуется далеко неоднозначно: от широкого смысла – совокупность всяких перемещений людей в пространстве, до более узкого и профессионального – совокупность переселения людей (лат. *migratio* – переселение), «то есть таких их перемещений по территории, которые неразрывно связаны со сменой ими мест жительства на относительно продолжительный срок» [1, 365]. В свою очередь, одно из определений пространственного развития – это «согласованное на уровне мировых, национальных, региональных и локальных общественных и властных структур прогрессивные изменения в размещении производительных сил, расселении населения, освоении и воспроизводстве природных ресурсов, сохранении и обустройстве среды жизнедеятельности» [2, с. 482].¹

В тоже время, как отмечал в 1970-х гг. польский географ А. Ягельский, «трудность представляет собой допустимость преобразования системы связей непространственного характера в систему связей географического пространства. >...< Если же учитываются и связи иного характера, вытекающие, например, из социальной или демографической структуры общества, семьи или другого множества людей, то возникает проблема соотношения между размещением в географическом пространстве и размещением в пространстве признаков» [1, с. 58]. Почему в названии доклада была введена категория «устойчивости» пространственного развития? Это конкретизирует выбранную проблематику рамками изучения прогрессивных пространственных изменений, но в контексте согласованного равновесия обеспечения социальной стабильности, экологической безопасности и экономической эффективности.² В противном случае тему публикацию следовало отнести в разряд «география населения».

Мы солидарны с подходом профессора В. Глазычева и П. Щедровицкого, акцентировавших основу пространственного развития, как «формирование пространственного каркаса страны, включая узлы опережающего роста и связи между ними, планирование направлений развития узлов и связей, способного вовлечь в свою орбиту и депрессивные территории» [6].

Вместе с тем, под термином «пространственное развитие» мы понимаем системно-структурный подход к масштабируемым территориальным задачам управления целостным развитием [7, с. 135]. Но учитывая безусловную уникальность территории РФ – прежде всего её протяжённость и диспропорциональность – существует необходимость настройки инструментария управления развитием.

¹ По мнению А. Лаженцева, пространственное развитие – это «расширение или сжатие, уплотнение, изменение конфигурации географических ареалов того или иного вида деятельности» [3, с. 353]. С. Тархов, в свою очередь, разделяет территориальное развитие (изменение функций) и пространственное (эволюцию системы) [4].

² Под устойчивым развитием (в трактовке казахстанского исследователя К.Б. Берентаева) мы понимаем такое развитие, «которое обеспечивает социальную стабильность общества, экологическую безопасность и экономическую эффективность» [5, с. 12].

Сибирь и Дальний Восток России – опасность или возможность?

Общим направлением изменения пространственной структуры экономики России за период 1990–2015 годов по большинству показателей экономической деятельности (кроме добычи полезных ископаемых) явилось увеличение доли западных регионов за счет снижения доли восточных. В рамках данного доклада будет рассмотрена действующая ситуация в двух восточных макрорегионах – федеральных округах – Сибирском и Дальневосточном, социальное, экономическое и культурное развитие которых необходимо обеспечить в условиях депопуляции на среднесрочную перспективу. Особенно учитывая, что ключевыми проблемами здесь являются как низкая плотность населения, так и неблагоприятные природно-климатические условия для ведения хозяйственной деятельности.

Существует ряд показателей, вызывающих особую тревогу. Данные федеральных округа (см. табл. 1), с одной стороны, занимают 2/3 территории России – территории основных запасов нефти и газа (неразведанный шельф) и залежи полезных ископаемых, здесь «зелёные лёгкие» планеты в виде сибирской тайги, а также самые большие запасы пресной воды (Байкал и реки). Но, с другой, здесь проживают всего 17,3% граждан страны.

Таблица 1.

Основные социально-географические показатели Сибири и Дальнего востока

Наименование	Сибирский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
Показатели		
Территория (площадь)	5 144 953 км ² (30,04% РФ)	6 169 329 км ² (36,02% РФ)
Кол-во субъектов	12	9
Кол-во городов	132	68
Население	19,287 млн чел.	6,165 млн чел.
Плотность населения	3,75 чел./км ²	1,00 чел./км ²
Городское население	73,2%	75,78%
Перспектива депопуляции к 2031 г.	- 0,9 млн чел.	- 0,73 млн чел.

Источник: составлено по данным Росстата.

Кроме того, здесь самая низкая плотность населения (от 1,00 до 3,75 чел. / км²), при наименьшем числе городов – 200 или менее 1/5 от всей городской среды России. Уровень экономической активности в субъектах различается, но наиболее представлен только негативный спектр экономического барометра: от полубезнадёжных банкротов (Республика Хакассия) до отсталых (Республики Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Алтайский и Камчатский края) и кризисных реципиентов (14 субъектов). Единственный бездотационный донор – Сахалинская область.

Кроме собственно малоосвоенности пространств, Сибирь и Дальний Восток России ярчайший пример последовательного обезлюживания. Если в целом по России (и в пяти субъектах Сибирского ФО) происходит миграционный прирост, то в остальных 16 субъектах процессы ровно обратные – миграционная убыль (подробнее, см. табл. 2).

**Матрица изменения численности населения
Сибири и Дальнем Востоке (2016 г.)**

Миграционные процессы Естественные процессы	Миграционная убыль	Миграционный прирост
Естественная убыль	Алтайский край и Приморский края; Кемеровская, Амурская и Магаданская области; Еврейская автономная область	–
Естественный прирост	Республики Бурятия, Тыва и Саха (Якутия); Забайкальский, Камчатский и Хабаровский края; Иркутская, Омская и Сахалинская области; Чукотский автономный округ	Республики Алтай и Хакасия; Красноярский край; Новосибирская и Томская области

Источник: составлено по данным Росстата.

По мнению С.В. Рязанцева, «несмотря на то, что демографический кризис в России начался ещё в 1993 г., только с 2006 г. российские власти начали проводить активную демографическую политику, направленную на стимулирование рождаемости, сокращение смертности. В 2013–2015 гг. в стране отмечался небольшой естественный прирост – в среднем по 30 тыс. человек в год. Хотя он не был стабильным, но на фоне предыдущих демографических потерь это являлось безусловным достижением. В двух смежных с этим периодам годах – 2012 и 2016 гг. – наблюдалась минимальная (2,3–2,5 тыс.) естественная убыль населения, которая перекрывалась миграционным приростом. В 2017 г. общий прирост населения составил 76 тыс. человек, в том числе естественная убыль составила 135,8 тыс. была компенсирована миграционным приростом населения 211,8 тыс. человек. Однако, окончательно решить демографические проблемы в России не удалось до сих пор» [8].

Как отметил Л.Л. Рыбаковский, «Россия – единственная страна в мире, которая сочетает в себе “европейскую рождаемость” и “африканскую смертность”».

Вклад внешней миграции в формирование численности населения России после распада СССР был значительным, хотя полностью компенсировать сокращение численности населения она не могла в силу значительного превышения числа умерших над числом родившихся. Например, с 1992 до 2017 гг. миграционный прирост страны составил 9.4 млн. человек, что компенсировало более 70% естественной убыли. Следует отметить, что если бы не было внешней миграции, население России сократилось до 136 млн. человек к 2018 г.

Иммиграция стала своеобразной «подушкой демографической безопасности», которая частично амортизировала демографический кризис в России [8].

На протяжении 1990-х гг. основу миграционного прироста России составляли потоки «возвратных» мигрантов из стран СНГ – людей и их потомков ранее оказавшихся в республиках бывшего СССР по социально-экономическим причинам. После распада Советского Союза за границами России, в странах ближнего зарубежья осталось 28–29 млн. человек – представителей российских народов, в том числе 25,3 млн. этнических русских и 2,7–3,7 млн. представителей других российских народов (татары, башкиры, удмурты и пр.). Не все эти люди обладали миграционными установками на переезд в Россию, однако, значительная часть из них в результате вернулась на этническую родину под давлением выталкивающих факторов политического и социально-экономического характера. «Возвратная» иммиграция Россию представителей российских народов практически исчерпала себя к началу 2000-х годов, трансформировавшись в экономическую и трудовую иммиграцию титульных народов стран бывшего СССР. Если по данным Росстата в 1993–2000 гг. (в среднем) доля этнических русских в потоке иммигрантов на постоянное место жительства в Россию составляла 60,8%, то по результатам 2007 г. – уже только 33,4% [9].

С начала 2000-х гг. в Россию более активно поехали узбеки, таджики, киргизы, армяне, азербайджанцы и представители других этнических групп стран бывшего СССР. Многие стали получать российское гражданство. Так, за период с 2001 по 2017 гг. около 2,2 млн. граждан республик бывшего СССР стали гражданами России. В 2017 г. лидерами среди получателей гражданства были выходцы из Украины (85,1 тыс.), Казахстана (40,7 тыс.), Таджикистана (29 тыс.), Армении (25,1 тыс.), Узбекистана (23,3 тыс. человек) [8].

В результате Российская Федерация стала одной из крупнейших в мире стран по приему мигрантов, заняв в рейтинге ООН третье место после США и Германии по количеству иммигрантов. Согласно данным ООН в 2015 г. численность населения США, родившегося за границей составила 46,6 млн. человек; в Германии – 12 млн., а в России – 11,6 млн. человек. Правда, в относительном измерении место России было более скромным – 102.

При этом темпы роста численности иммигрантов в России были на уровне некоторых европейских стран, составив в 2010–2015 гг. +0.4%. Таким образом, постепенно Россия превращалась в более иммиграционную страну в сравнении с бывшим СССР. Кардинальным отличием является этно-демографическая структура иммиграционных потоков – они в большей степени состояли из населения близкого если не в этническом, то в социокультурном аспектам к населению России [8].

Что делать и есть ли выход? Известный российский политический консультант О. Матвейчев развивает весьма перспективную (хотя и несколько радикальную) парадигму развития пространств восточных макрорегионов: «Механизм решения задачи диктуется российскими просторами и реалиями постиндустриального общества – необходимо перейти от концентрированной схемы распределения населения к дисперсной» [10, с. 208].

Суть стратегии Матвейчева – внутренняя колонизация и деурбанизация. В этой связи показателен пример Москвы и Московской области, где 13,6% населения (статистично, в реалии ежегодно – до 20% населения страны) проживает в такой концентрации (плотность населения в Москве – 4883,4 чел./км²) буквально «на клочке земли» (площадь Москвы – 2,5 тыс. км²), в то время как рядом пустоши тысяч квадратных километров: «Различные исследователи у нас и за рубежом изучали причины понижения рождаемости. Оказалось, дело не в материальном положении, не в религии и проч., а только в одном. В урбанизации.»...<Индустриализация и урбанизация везде ведут к ухудшению демографических показателей нации. Что касается сверхсмертности, это вопрос о социальном и экологическом здоровье.>...<Избавление от сверхсмертности возможно не только за счет экономического роста, но и за счет изменения экологической и социальной среды обитания» [10, с. 204].

Распределённая (дисперсная) деурбанизация – это реальное средство решения демографической проблемы: «исследования показывают: простое повышение уровня жизни ведет скорее к падению рождаемости, чем к росту. Культурные и национальные особенности тоже играют опосредованную роль: например, в восточной Японии рождаемость низка, как и в Европе» [11, с. 205]. Зато, повторимся, существует прямая зависимость рождаемости от степени урбанизации. Кроме того, переселение из декларативно высокотехнологичных,¹ но экологически неблагополучных городов однозначно приведёт к снижению уровня смертности. Однако, на повестке дня, сразу появляется вопрос инфраструктуры жизнедеятельности. Ресурс миграции, тем более высококвалифицированной и возвратной только станет собственно ресурсом, когда государство является миграционно привлекательным (например, тысячи молодых учёных, уехавших на Запад, готовы вернуться, если им будет предоставлен свой современный дом в России [10, с. 205]).

Не является секретом, что в силу демографического сжатия России (особенно сказывается убыль населения в Сибири и Дальнем Востоке), территории ряда субъектов могут оказаться растянуты между крупнейшими узлами экономического тяготения, а в среднесрочной перспективе и утратить жизнеспособность. В то же время, действующая инфраструктурная система (особенно транспортный комплекс) была выстроена под уходящие задачи: центры – по факту – уже не всегда такими являются.

Учитывая существующий инфраструктурный дефицит (по оценке компании InfraOne [12], в целом по стране минимальная инвестиционная потребность – 2,6 трлн руб., максимум индекса развития инфраструктуры – в Москве – 7,78 из 10, среднее – 5,7), скорее всего продолжится стягивание населения в крупные города и агломерации [13]. Между тем, прогнозируется дальнейшее сокращение численности средних и малых городов, особенно до 50 тысяч человек – где население может сократиться вдвое! Безусловно, тренд гиперполисов (в т.ч. рост агломераций, конурбаций и пр.) растёт, и

¹ См., например [11].

экономика будущего будет строиться на экономике крупнейших мировых городов: на 280 из них уже приходится почти 50% мирового ВВП. Но в такой территориально протяжённой стране как Россия – с её пространственными диспропорциями и региональным неравенством [14] – разбрасывание городами недопустимо.

Территориальная структура человечества исторически до недавнего времени была совокупностью ареалов или районов, где и складывались некие территориальные общности населения, объединённые, прежде всего, социокультурными и экономическими взаимосвязями. Но время не стоит на месте – в результате районная структура трансформируется в линейно-узловую, когда география пространства предстает в виде конкретных рисунков из узлов (города) и линий (транспортные артерии). На первый план выходит комплекс узлов опережающего роста и связи между ними (т.н. «вторые» и «третьи» города субъектов макрорегионов по правилу «ранг-людность» и скоростные транспортные артерии между ними) – как реальный пространственный каркас развития макрорегионов. Соответственно, в перспективе важно превентивное (проактивное) планирование перспективного развития таких узлов и связей.

Структурно примеры достаточно известны: Владивосток – Находка – Артём; Иркутск – Братск – Усть-Илимск; Красноярск – Ачинск – Канск и т.д. Из 200 городов макрорегионов Сибири и Дальнего Востока можно выделить 70 «вторых» и «третьих»: 43 в Сибири и 27 дальневосточных городов. В начале 2000-х гг. «вторые города», как правило, не нуждались в федеральной поддержке, т.к. основные экономические объекты принадлежат достаточно крупному бизнесу, то уже сейчас они, так же как и «третьи» города испытывают очевидную потребность в обязательной поддержке и развитии инфраструктуры, особенно транспортной.

В этой связи достаточно информативно и корректно исследование компании «InfraOne» «Инфраструктура России: индекс развития» [12] в котором были сведены общедоступные статистические данные о количестве и качестве транспортной, энергетической, социальной, коммунальной и телекоммуникационной инфраструктуры. Показатели по субъектам Сибири и Дальнего Востока представлены в табл. 3. Наибольшее значение индекса в Иркутской области – 6,16; наименьшее – 4,65 – в Республике Тыва. Среднее значение индекса по стране – 5,7 (максимальное – в Москве – 7,78 из 10). «Инфраструктуру в России на протяжении нескольких десятков лет строят несистемно: чёткий план комплексного развития территорий отсутствует даже по отраслям. Единой статистики и оценки состояния инфраструктуры в стране также нет, то есть регионы и федеральные власти инвестируют в транспорт, ЖКХ, энергетику, благоустройство городов, школы и больницы, опираясь на потребности сегодняшнего дня. Горизонт планирования не превышает двух-трех лет, а утвержденные стратегии развития часто не выполняются» [12]. Минимальные потребности в инфраструктурных инвестициях (на 2019 г.) так же разнятся: от 4,3 млрд руб. в Республике Алтай до 74,5 млрд руб. в Красноярском крае (см. табл. 4). Если в целом по стране минимальная инвестиционная потребность – 2,6 трлн руб., то в Сибирском федеральном округе –

335 млрд руб. (12,9% потребности РФ), а в Дальневосточном ФО – 152,2 млрд руб. или 5,9% всей инвест-потребности.

Таблица 3.

**Индекс развития инфраструктуры
Сибири и Дальнего Востока (на 01.01.2018 г.)**

Сибирский федеральный округ		Дальневосточный федеральный округ	
Субъект	Индекс развития инфраструктуры	Субъект	Индекс развития инфраструктуры
Республика Алтай	4,89	Республика Саха (Якутия)	4,82
Республика Бурятия	5,06	Камчатский край	6,01
Республика Тыва	4,65	Приморский край	5,66
Республика Хакасия	5,71	Хабаровский край	5,83
Алтайский край	5,48	Амурская область	5,52
Забайкальский край	5,2	Магаданская область	6,03
Красноярский край	6,14	Сахалинская область	5,92
Иркутская область	6,16	Еврейская автономная область	5,39
Кемеровская область	5,98	Чукотский АО	6,14
Новосибирская область	5,91		
Омская область	5,6		
Томская область	5,56		

Источник: Инфраструктура России: индекс развития [12].

Таблица 4.

Минимальная потребность в инфраструктурных инвестициях (2019 г.)

Сибирский федеральный округ		Дальневосточный федеральный округ	
Субъект	Мин. инвестиции, млрд руб.	Субъект	Мин. инвестиции, млрд руб.
Республика Алтай	4,3	Республика Саха (Якутия)	34,0
Республика Бурятия	9,4	Камчатский край	6,9
Республика Тыва	4,9	Приморский край	36,2
Республика Хакасия	12,5	Хабаровский край	29,4
Алтайский край	21,7	Амурская область	15,6
Забайкальский край	13,9	Магаданская область	8,3
Красноярский край	74,5	Сахалинская область	12,7
Иркутская область	42,8	Еврейская автономная область	4,8
Кемеровская область	38,8	Чукотский АО	4,3
Новосибирская область	53,1		
Омская область	33,6		
Томская область	25,5		

Источник: Инфраструктура России: индекс развития [12].

Тем не менее, пространство Сибири и Дальнего Востока сейчас больше походит на пустыню, расчерченную трассами между оазисами (крупные города и агломерации). Сразу вопрос – чем занимать эти пространства «между» и кто их будет заселять? Или малые (да и некоторые средние) города причисляются к «брошенным»?

Исторически аттракторами городов (англ. *Attract* – привлекать, притягивать) были главенствующие торговые пути (региональные, национальные, международные) – особенно пересечение морских и сухопутных, – и/или близость месторождений полезных ископаемых. Итогом была концентрация финансового капитала. В настоящее время на первый план выходит фактор притяжения человеческого капитала и инфо-обмен.

Ответ на геополитический вызов¹, на угрозу обезлюживания Дальнего Востока может быть получен только путем внедрения стратегии новой колонизации Дальнего Востока с помощью сети новых поселений: «Переселение людей в эти места возможно только, если в обмен на городские «блага цивилизации» людям будет предоставлено просторное жилье, экологически чистая среда обитания, собственная земля, отсутствие налогообложения. В противном случае люди не поедут» [10].

Речь должна идти не просто о возрождении пространства: «Необходимо создание новой формы поселений, неоагломераций, то есть поселений сельского типа со всей современной инфраструктурой, где появится возможность сочетать как экологический (вода, воздух, пища), так и технологический (бытовая техника, электричество, современный досуг) виды комфорта. Главным, приоритетным условием для выполнения этой задачи является создание качественно новой, высокоскоростной транспортной сети и параллельной ей системы современных коммуникаций и инфраструктуры» [10].

Фактически – это российский вариант «зелёной революции», которая может действительно изменить образ общественной жизни: «это революция в земельных отношениях, в земельном законодательстве. Здесь нельзя слепо копировать чужой опыт, у нас своя географическая и культурная специфика. Возможно, надо объявлять закон о раздаче земли в вечную собственность, причем не по шесть соток, а гектарами, по принципу «берите столько, сколько сможете». Сделать то, что США сделали в 1960-х прошлого века. Дальше вступает немецкий принцип: «собственность обязывает». Землю должно быть не выгодно держать неиспользуемой или же невозможно. Земля может принадлежать только российскому гражданину. Но российским гражданином может стать и эмигрант, если сдаст суровый экзамен по русскому языку и русской культуре» [10, с. 209].

Без собственно заселения (в т.ч. и вахтового, и спецконтингентом²) и обустройства пространства невозможно использовать ресурсную

¹ См., например [15, 16].

² Некоторые оппоненты могут заявить, что данная стратегия – это стратегия принуждения: «Она может использоваться очень ограниченно и осторожно, для заселения совсем необжитых мест и для формирования из заключенных стройотрядов для возведения коммуникаций. Отдаленные участки Якутии, Чукотки Магаданской области и проч. могут

базу Сибири и, особенно, Дальнего Востока. Весь мир должен знать: «в России началась раздача земель, все должны устремиться сюда, как в Новый свет. А мы будем зарабатывать на образовании, на платной натурализации. Да, мы получим новый «дикий Восток» так же как в США был «дикий Запад». Но из «дикого Запада» выросла одна из мировых держав – США!» [10, с. 290–291]. Есть над чем работать...

Заключение. Инфраструктурный дефицит не только торпедирует любые управленческие инициативы по повышению инвестиционной и миграционной привлекательности, но и способствует оттоку населения кризисных территорий. Что возможно предпринять: 1. Признать, что система расселения – это производная от экономической модели; 2. Система расселения в России – основывается на действовавшей в СССР догоняющей милитаризованной индустриализации и действующей сейчас рентно-сырьевой модели; 3. Необходимо описать существующую систему расселения в России – соответствующую рентно-сырьевой модели; 4. Важно определиться с целевой экономической моделью (инновационной, модернизационной, инерционной, etc.); 5. Достичь понимания – какая система расселения ей соответствует; 6. Посчитать ресурсы (в т.ч. и трудовые) – что есть и чего и где не хватает; 7. Принять согласованную стратегию устойчивого пространственного развития и соответствующую ей миграционную концепцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ягельский А. География населения. М.: Изд-во «Прогресс». 1980. 384 с.
2. Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс. 2013. 664 с.
3. Лаженцев В.Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 2. С. 353–365. DOI: 10.17059/2018-2-2.
4. Тархов С.А. Представление о территориальном развитии и методология пространственного анализа / География и проблемы регионального развития. М.: Институт географии АН СССР. 1989. С.23–31.
5. Берентаев К.Б. Экономика Казахстана и вызовы XXI века. Сборник научных трудов / Под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте РК. 2013. 244 с.
6. Россия. Пространственное развитие: Докл. 2004. М.: Архитектура-С. 2004. 128 с.
7. Фомин М.В. Проектные федеральные территории как объект пространственного развития / Миграционные процессы и их влияние на демографическое и

пополниться такого рода «особым контингентом», но ограниченно – около сотни тысяч в год. Для реализации неиспользованного потенциала этой концепции требуются поправки в уголовный кодекс, которые значительную часть наказаний заменили бы принудительной оседлостью. Это должно относиться, прежде всего, к лицам, совершившим нетяжкие преступления. Кроме того, для лиц, которые находятся в местах лишения свободы, надо изменить саму концепцию исправительно-трудовых работ – на Дальнем Востоке и в Забайкалье требуется строительство мостов, дорог и проч.» [10, с. 268–269].

социально-экономическое развитие Дальнего Востока / Сборник трудов II Международной научно-практической конференции. Под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой, Л.А. Савинкиной. 2018. С. 134–138.

8. Рязанцев С.В. Новая миграционная политика России // Социологические исследования. 2018 (в печати).

9. Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. № 1, 2018. С. 105–111 [DOI: 10.7868/S0132162518010117].

10. Матвейчев О. Суверенитет духа. М.: Эксмо, 2009. 448 с.

11. Фомин М.В. Технологии качества жизни и постиндустриальная эпоха // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 139–146.

12. Инфраструктура России: индекс развития. InfraONE Research. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://infraone.ru/analitika/Index_razvitiia_infrastruktury_Rossii_InfraONE_Research.pdf

13. Караваева С.В., Багинский С.М., Мельников А.А., Мизюркин Ю.А., Фомин М.В., Агеев А.И. Вихри глобальных рисков и стратегия развития России // Экономические стратегии. 2011. Т. 13. № 5. С. 32–43.

14. Фомин М.В. Устойчивое (не) развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 73–83.

15. Фомин М.В. Международное влияние: новые центры силы / Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение / Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ 2010 год. Москва. 2011. С. 225–234.

16. Фомин М.В. Трансиндустриализм – предстоящая социальная реальность // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 42–54.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА РФ ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ¹

ХРАМОВА Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва, Россия, e-mail: kh-mari08@yandex.ru

Аннотация. В настоящей работе в разрезе федеральных округов и отдельных регионов РФ анализируются особенности и динамика международной трудовой миграции. Дается оценка масштабов, а также характеристика социально-демографической структуры и специфика занятости мигрантов из разных стран мира в России. Показывается роль трудовой миграции в социально-экономическом развитии регионов России.

Ключевые слова: трудовая миграция, рынок труда, факторы, тенденции, Россия, Дальний Восток, страны ЕАЭС, Вьетнам.

TRANSFORMATION OF REGIONAL LABOUR MARKETS OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL MIGRATION²

Marina N. KHRAMOVA, PhD in Physical and Mathematical Sciences, Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia, e-mail: kh-mari08@yandex.ru

Abstract. In this paper, the features and dynamics of international labour migration are analyzed in the context of federal districts and individual regions of Russia. The paper assesses the scale and characteristic of the socio-demographic structure and features of the employment of migrants from different countries in Russia. The role of labour migration in the socio-economic development of Russian regions is shown.

Keywords: labour migration, labour market, factors, trends, Russia, Far East, EAEU countries, Vietnam.

Российская Федерация входит в число лидеров стран-реципиентов мигрантов в мире. По данным Всемирного банка, доля мигрантов в населении России составляет около 8,5%. При этом особенности демографического развития России, а также историческое прошлое, создают благоприятные условия для формирования миграционных потоков в Российскую Федерацию.

За постсоветский период демографическое развитие России можно назвать драматическим. Устойчивая тенденция превышения уровня смертности над уровнем рождаемости, отток населения из неблагополучных в соци-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-510-92003

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-510-92003

ально-экономическом плане регионов в другие регионы России и за рубеж привели к снижению численности населения в большинстве регионов РФ. Суммарно за четверть века существования «новой России» с 1992 по 2017 гг. естественная убыль составила более 13 млн. человек, что сравнимо с общей численностью населения таких стран, как, например, Эквадор или Боливия. Компенсация демографических потерь происходила только за счет международной миграции. Однако далеко не все регионы России можно назвать миграционно привлекательными. Тому доказательством является крайне неравномерное расселение населения, которое проявляется как на уровне федеральных округов, так и на уровне отдельных регионов и муниципальных образований. «Стягивание» населения в крупные города и региональные центры усиливает агломерационный эффект и приводит к появлению отдельных «точек роста». С одной стороны, наличие подобных «точек роста» оказывает благоприятное воздействие на соответствующую территорию, формируются новые рабочие места, развивается локальная инфраструктура, растет качество жизни населения. Однако, с другой стороны, возможны и негативные эффекты, связанные, в первую очередь, с развитием прилегающих территорий, для которых такое соседство может приводить к усилению миграционного оттока из них, росту социального неравенства, и еще большей поляризации экономического пространства.

Население России стареет, а, следовательно, увеличивается нагрузка на трудоспособную часть населения, что, в свою очередь, влечет необходимость реформирования пенсионной системы, изменений в налоговой сфере. Только с начала этого столетия произошло значимое снижение доли населения в трудоспособном возрасте (таблица 1). Вырос и средний возраст населения. В настоящее время он составляет уже практически 40 лет.

Таблица 1.

Изменения возрастной структуры населения по трем основным группам в 2002–2017 гг.

Возрастная группа	2002	2010	2017
Младше трудоспособного возраста, %	18,6	16,2	18,3
В трудоспособном возрасте, %	60,7	61,6	56,7
Старше трудоспособного возраста, %	20,7	22,2	25,0
Средний возраст населения, лет	37,2	39,0	39,7

Источник: построено на основании данных Росстата. [Электронный ресурс].

Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312

Подобные тенденции в течении демографических процессов уже приводят в большинстве регионов к возникновению дефицита трудовых ресурсов в ряде отраслей [4, 5, 11]. В таблице 1 приведены данные лишь в среднем по РФ, в то время как в некоторых регионах процессы старения выражены еще более ярко и усугубляются миграционным оттоком населения в другие

регионы России и за рубеж. Ярким примером тому могут служить регионы Дальневосточного федерального округа, который за постсоветский период потерял в миграционном обмене с другими федеральными округами около 2 млн. человек.

Вообще стоит отметить, что динамика миграционных процессов в регионах России остается с течением времени достаточно стабильной. На протяжении практически двух десятилетий выделяется лишь небольшое число регионов, имеющих миграционный прирост. Так, по итогам 2017 г. только для 12 регионов РФ был зафиксирован и естественный, и миграционный прирост, еще для 24 регионов небольшой в относительном выражении миграционный прирост при естественной убыли [9]. Для большей части регионов миграционный прирост был обусловлен исключительно международной миграцией (в которой около 93% приходится на страны СНГ). В таблице 2 приведены итоги международной миграции в РФ в 2017 г. в разрезе федеральных округов.

Таблица 2.

**Миграционный прирост населения РФ в 2017 г.
в разрезе федеральных округов, человек**

Федеральный округ	Сальдо миграции	В том числе		
		Граждане России	Иностранные граждане	Из них граждане стран СНГ
В целом по РФ	211878	129248	84694	78427
Центральный	73592	56839	17136	17450
Северо-Западный	31159	15905	15372	15556
Южный	26887	12849	14122	11278
Северо-Кавказский	3716	2416	1540	737
Приволжский	27383	12204	15588	12341
Уральский	20376	13269	7237	7262
Сибирский	21513	13035	8832	8841
Дальневосточный	7252	2731	4867	4962

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации. 2017. Статистический сборник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/IssWWW.exe/Stg/tab2-16-17.xlsx

Как видно из приведенной таблицы, около половины миграционного прироста приходится на регионы Центрального и Северо-Западного федерального округов, наименьший прирост – на Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа. Однако даже внутри одного федерального округа ситуация различается весьма сильно. Понятно, что в ЦФО основными субъектами, обеспечивающими миграционный прирост, являются г. Москва и Московская область, а в СЗФО – г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. В то же время, ряд субъектов, как в межрегиональном обмене с другими субъектами РФ, так и в международной миграции, стабильно показывают

убыль. Для Приволжского и Уральского федеральных округов миграционный прирост обусловлен преимущественно регионами, имеющими сырьевую ориентацию, для ЮФО практически весь прирост дает Краснодарский край.

Различаются также акценты в миграционном приросте на внутрироссийскую и международную миграцию. Так, если для ЦФО около 77% миграционного прироста составляет внутрироссийская миграция, то для ДФО характерен существенный перевес в пользу миграции международной, ее доля в миграционном приросте 67%.

Надо заметить, что в последние годы большинство исследователей склоняется к мнению, что масштабы межрегиональных перемещений стали заметно меньше, что, с одной стороны, свидетельствует об улучшении социально-экономической ситуации в регионах, но, с другой стороны, может также указывать на то, что фактически миграционный ресурс внутри страны уже практически исчерпан [3, 5]. В то же время, объем межрегиональной трудовой миграции с 2005 по 2016 гг. заметно возрос, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице 3.

Таблица 3.

**Межрегиональная трудовая миграция в РФ в 2005–2016 гг.,
тыс. человек**

Федеральный округ	Численность занятого населения, выезжающего на работу в другие субъекты РФ							
	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Центральный	536,0	884,6	1019,3	1016,8	1021,4	1001,3	1006,1	1274,1
Северо-Западный	89,6	116,8	82,4	206,4	199,5	188,2	207,2	202,6
Южный	38,0	89,0	87,4	162,2	176,4	192,2	187,2	203,6
Северо-Кавказский	12,8	72,0	82,9	92,3	106,0	106,3	111,4	86,1
Приволжский	166,9	414,7	457,0	555,9	586,1	584,6	616,7	610,0
Уральский	27,2	43,9	45,4	68,2	75,3	76,1	81,8	87,0
Сибирский	35,3	95,2	101,5	125,1	133,2	141,5	149,0	173,9
Дальневосточный	7,0	15,9	17,9	28,7	25,2	28,4	28,5	31,5
	Численность занятого населения, выезжающего на работу в субъект РФ							
Федеральный округ	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Центральный	612,3	1120,5	1284,5	1374,0	1403,2	1391,6	1408,9	1658,4
Северо-Западный	100,3	147,9	116,3	241,6	245,9	234,3	254,8	259,6
Южный	21,9	63,1	65,9	104,1	125,3	102,4	91,9	95,3
Северо-Кавказский	3,0	15,6	14,7	21,8	19,2	23,9	22,2	20,2
Приволжский	39,1	68,3	70,1	85,0	89,1	97,5	102,6	109,1
Уральский	111,1	246,9	261,7	311,7	322,4	341,4	362,6	365,9
Сибирский	14,8	36,8	40,2	54,9	57,3	68,1	70,6	81,8
Дальневосточный	10,3	33,1	40,9	53,2	60,6	59,1	74,3	78,4

Источник: Труд и занятость в России – 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/IssWWW.exe/Stg/pril_trud/r_5_3_pril_%D0%BA.xlsx

Наибольшие масштабы межрегиональной трудовой миграции показывает ЦФО: сальдо составило в 2016 г. 384,3 тыс. человек, наименьшие – ДФО (сальдо 46,9 тыс. человек). Вполне понятно, что такое положение вещей сформировалось в силу того, что для России характерна весьма существенная дифференциация социально-экономических условий [2, 4, 5]. Это проявляется по большому числу показателей – уровню оплаты труда и распределению населения по денежным доходам, уровню занятости и безработицы, ряду других показателей. В качестве иллюстрации сказанного приведем значения лишь нескольких показателей для регионов – лидеров и регионов – аутсайдеров (таблица 4).

Таблица 4.

Некоторые социально-экономические показатели в регионах России в 2016 г.

	Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в мес.	Соотношение денежных доходов и прожиточного минимума, %	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Уровень безработицы населения в возрасте от 15 до 72 лет, %
РФ в целом	30744	370,1	13,4	5,5
Регионы-лидеры:				
Москва	59203	469,4	8,9	1,8
Санкт-Петербург	41165	467,6	8,0	1,6
Тюменская область	41094	335,9	14,8	4,6
Регионы-аутсайдеры:				
Республика Ингушетия	15000	190,6	32,0	30,2
Республика Калмыкия	14569	195,6	31,2	10,6
Республика Тыва	14107	174,8	42,1	16,6

Источник: составлено по данным Росстата: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Как видно из представленной таблицы, разрыв в уровне оплаты труда достигает между лидирующими и отстающими регионами почти четырех раз, аналогичная ситуация прослеживается и в отношении уровня безработицы, а также доли населения с доходами ниже прожиточного минимума. Именно дифференциация социально-экономических условий и определяет привлекательность соответствующих регионов РФ как для внутренних, так и для международных трудовых мигрантов.

Международная трудовая миграция играет для Российской Федерации значимую роль в социально-экономическом развитии России как в целом, так и в отдельных ее субъектах, формируя определенную часть валового внутреннего продукта, а также позволяя компенсировать дефицит трудовых ресурсов в ряде областей народного хозяйства [4, 10, 11]. Направления и мас-

штабы международной трудовой миграции определяются целым комплексом факторов как внутри России (факторы притяжения), так и в странах, являющихся основными экспортерами рабочей силы (факторы выталкивания). Условно все факторы мы можем разбить на несколько групп. Поскольку речь в настоящей работе идет, в первую очередь, о трудовой миграции, то на первое место выходят причины экономического характера. На Евразийском пространстве наиболее конкурентную заработную плату могут предложить Российская Федерация и Казахстан, в то время как самые низкие уровни оплаты труда характерны для Таджикистана и Узбекистана. Разрывы составляют более четырех раз: например, по итогам 2016 г. среднемесячная заработная плата в РФ составляла 30,7 тыс. руб. (или 549 долларов США) [9], в то время как в Таджикистане – лишь 1083,7 сомони (123 доллара США) [8]. Уровень безработицы также является мощнейшим фактором формирования потоков трудовой миграции. Невозможность найти работу заставляет трудоспособное население выезжать на заработки в соседние страны. Так, один из самых высоких уровней безработицы характерен для Армении (18,0%), для РФ аналогичный показатель составлял в 2016 г. 5,5%.

В качестве еще одной группы факторов можно выделить особенности демографического развития стран, посылающих и принимающих мигрантов. Выше уже было отмечено, что для России характерно сокращение численности трудовых ресурсов вследствие старения. В то же время, для основных стран, направляющих трудовых мигрантов в Российскую Федерацию, возрастная структура населения более молодая, темпы роста численности населения превышают темпы роста числа новых рабочих мест. Стимулом к принятию решения о миграции является и развитость социальных сетей мигрантов: например, для жителей стран СНГ сложился достаточно четкий образ лучших возможностей для нахождения работы и более высокой заработной платы в России. Дополнительными преимуществами здесь также выступает более развитая инфраструктура, связывающая страны СНГ с регионами Российской Федерации [11]. И, наконец, знание в той или иной степени русского языка, общее историческое прошлое – также определяют характер и масштабы трудовой миграции в Россию из стран постсоветского пространства.

Согласно данным ГУВМ МВД РФ, в 2016 г. общая численность иностранных граждан, получивших патенты, составила 1581,0 тыс. человек. Для сравнения годом ранее – 1685,3 тыс. человек. Распределение по странам исхода мигрантов было следующим: Узбекистан – 894,3 тыс., Таджикистан – 403,7 тыс., Украина – 167,8 тыс., Республика Молдова – 65,3 тыс., и Азербайджан 49,0 тыс. человек [6]. Общая картина распределения числа выданных патентов является достаточно устойчивой во времени. Существенная часть трудовых мигрантов, имеющих патенты, распределена в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, а также в отдельных регионах, имеющих, как правило, сырьевую направленность экономики. Однако с течением времени Сибирский и Дальневосточный федеральные округа также укрепляют свои позиции.

С момента вступления в действие Договора о Евразийском Экономическом Союзе [1], гражданам пяти стран – Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Армения и Республики Беларусь – не требуется разрешительных документов для ведения трудовой деятельности на территории стран ЕАЭС. О мобильности трудовых ресурсов внутри интеграционной группировки мы можем судить, например, на основании данных, предоставляемых Департаментом трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии (таблица 5) [7].

Таблица 5.

**Численность граждан государств – членов ЕАЭС,
въехавших в РФ для осуществления трудовой деятельности
в 2012 – первом полугодии 2018 гг., тыс. человек**

Страна гражданской принадлежности	Годы						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018, первое п/г
Республика Армения	87,9	123,2	194,7	264,1	209,9	232,3	115,9
Республика Беларусь	68,4	75,7	86,2	86,5	97,7	124,6	67,8
Республика Казахстан	34,1	53,4	58,7	70,1	71,6	88,2	50,1
Кыргызская Республика	225,2	288,6	371,7	512,4	361,9	376,9	161,8
Всего	415,6	540,9	711,3	933,1	741,1	822	395,6

Источник: Статистические данные Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/act/finpol/migration/Pages/statistical_data.aspx

Лидирующие позиции в течение указанного периода времени удерживает Кыргызстан, на втором месте – Армения. К сожалению, вследствие неполноты данных, мы не имеем возможности получить распределение трудовых мигрантов в РФ из стран-членов ЕАЭС по регионам России, однако, в основном здесь прослеживаются те же тенденции, что и для мигрантов из других стран СНГ.

В таблице 6 приведены сведения о распределении иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в РФ в 2016 г. В отношении этой категории трудовых мигрантов мы можем заметить несколько иные тенденции. Так, по-прежнему, лидирующие позиции по числу трудовых мигрантов удерживает ЦФО, однако на втором месте – регионы Дальневосточного федерального округа – Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область и Камчатский край.

Более того, для этих регионов характерен также иной список стран происхождения трудовых мигрантов: если для центральных регионов России большую роль играет трудовая миграция из стран СНГ, то на Дальнем Востоке России традиционно китайская и вьетнамская миграция занимает весомую нишу в общем объеме трудовой миграции [5]. При этом надо отметить, что в этом направлении за последние годы также произошли изменения.

Рост качества жизни населения Вьетнама и особенно Китая привел к снижению в относительном выражении масштабов трудовой миграции в Россию, а также, из-за падения курса рубля, к переориентации потоков трудовой миграции в третьи страны с более высоким уровнем оплаты труда.

Таблица 6.

Распределение иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в 2016 г., по федеральным округам РФ

Федеральный округ	Имели разрешение на работу, человек	Доля в общей численности, %	Примечания
В целом по РФ	143874	100	
Центральный	47553	33,0	В том числе на Москву 35169, Московскую область 4524 человек
Северо-Западный	9249	6,4	В том числе на Санкт-Петербург 5772, Ленинградскую область 1094 человека
Южный	8614	6,0	В том числе на Краснодарский край 6933
Северо-Кавказский	926	0,6	В том числе на Ставропольский край 729
Приволжский	9406	6,5	В том числе на Республику Татарстан 4296
Уральский	20643	14,2	В том числе на Тюменскую область 16372
Сибирский	16898	11,7	Лидерами являются Иркутская область – 4506 человек, Красноярский край – 3539 человек и Новосибирская область 2249 человек
Дальневосточный	30135	21,6	В том числе на Приморский и Хабаровский край соответственно 11458 и 7588 человек

Источник: Труд и занятость в России – 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/IssWWW.exe/Stg/pril_trud/r_5_3_pril_%D0%BA.xlsx

Можно привести следующие данные относительно численности трудящихся мигрантов из Вьетнама и Китая в 2016 г.: имели разрешения на работу 12,5 тыс. граждан Вьетнама и 40,5 тыс. граждан КНР. Лидирующие позиции среди стран дальнего зарубежья по численности трудовых мигрантов в РФ занимает также КНДР – 29,1 тыс. человек. Трудовые мигранты из КНДР, как правило, живут обособленно, практически исключая контакты с принимающим обществом и в основном заняты в строительстве.

Если анализировать занятость трудовых мигрантов, имеющих разрешение на работу в РФ, то можно отметить, что распределение по профессиональным группам несущественно меняется с течением времени. Так, по данным Росстата [9], в 2016 г. около 26% было занято на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах; 14% – пришлось на руководителей учреждений, организаций и предприятий; 7,5% – специалисты в области естественных и инженерных наук. Для сравнения, не-

сколько иное распределение трудовых мигрантов из стран СНГ, более весомую долю для них составляют неквалифицированные рабочие. Если говорить о половозрастном составе мигрантов, то обращает внимание на себя существенный перевес в пользу мужчин, на долю которых, согласно официальным данным за 2016 г., приходится до 85% в различных возрастных группах. Возрастной профиль трудовых мигрантов мужчин и женщин в целом схож, однако максимум для мужчин приходится на группу 40–49 лет (33,2% в общей численности трудовых мигрантов, имеющих разрешение на работу), в то время как у женщин – на группу 30–39 лет (30,3%).

В заключение стоит сказать, что дискуссии о необходимости привлечения в российскую экономику иностранной рабочей силы ведутся уже давно. Есть аргументы и за, и против. Безусловно, Россия, находясь в условиях депопуляции, нуждается в привлечении иностранной рабочей силы. Трудовые мигранты формируют значимую часть валового внутреннего продукта, занимают ниши на российском рынке труда, где часто требуется неквалифицированный тяжелый труд. Однако, существуют и некоторые издержки, связанные, например, с вытеснением с ряда региональных рынков труда местного населения из определенных отраслей (примером может служить рынок перевозок, где с настоящее время большинство занятых – трудовые мигранты из стран СНГ). Также не стоит замалчивать тот факт, что в среднем уровень образования мигрантов из стран СНГ ниже, нежели местного населения РФ, что негативно влияет на формирование человеческого капитала в российских регионах.

И, наконец, отметим, что эффективное использование иностранной рабочей силы в настоящее время затрудняется наличием структурных дисбалансов между спросом и предложением на региональных рынках труда. У региональных властей часто нет четкого понимания того, сколько и каких именно трудовых мигрантов необходимо привлекать. Обращается на себя внимание также несовершенство российской законодательной базы в отношении трудовой миграции. Таким образом, ключевым вопросом современной повестки дня в отношении трудовой миграции должно стать решение институциональных проблем в вопросах привлечения иностранной рабочей силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Договор о Евразийском Экономическом Союзе. Вступил в силу 01.01.2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014
2. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.
3. Карачурина Л., Мкртчян Н. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016, 4 том, С. 47–65.
4. Мосакова Е.А. Россия в системе современной международной трудовой миграции / В сб.: Россия и мир в XXI веке. 2017. С. 113–121.

5. Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Безвербный В.А. Международная миграция как фактор восполнения дефицита трудовых ресурсов в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2017. – № 4–5. – С. 13–24. DOI: 10.26653/2076-4650-2017-4-5-02
6. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации в январе – декабре 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186/>
7. Статистические данные Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/act/finpol/migration/Pages/statistical_data.aspx
8. Таджикистан занял последнее место в СНГ по уровню зарплаты. ИА Sputnik. 05.05.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.sputnik-tj.com/economy/20170505/1022234630/tadzhikistan-nizkaya-srednyaya-zarplata-stranakh-sng.html>
9. Труд и занятость в России – 2017. Статистический сборник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/IssWWW.exe/Stg/pril_trud/r_5_3_pril_%D0%BA.xlsx
10. Denisenko M.B. and Varshavskaya Y.J. Migrants at the Russian Labour Market: Characteristics, Status, Mobility. Search Working Paper WP 3/21. July 2013. 25 p.
11. Ryazantsev S.V. Labour Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis. [Electronic resource]. Access mode: <http://eng.globalaffairs.ru/valday/Labour-Migration-from-Central-Asia-to-Russia-in-the-Context-of-the-Economic-Crisis-18334>

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И БОЛОНСКОМ ПРОЦЕССЕ (На примере России и Казахстана)¹

АШИЛОВА Мадина Серикбековна, доктор PhD, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры мировой коммуникации КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: kalima910@mail.ru

НАЛИВАЙКО Нина Васильевна, доктор философских наук, профессор, директор Института Философии образования при НГПУ, Новосибирск, Россия, e-mail: nnalivaiko@mail.ru

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна, доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: kalima910@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы образования России и Казахстана на современном этапе в связи с интеграционными процессами. Рассматривается сложность этих процессов. Показан путь выхода из сложного тупика, в который попала национальная система образования. Этот путь авторы видят в пересмотре позиции в политике образования, в том числе и на государственном уровне. Приоритетное значение уделяется духовно-нравственной составляющей образования.

Ключевые слова: образовательная политика, Болонский процесс, национальная безопасность, образовательное пространство, духовно-нравственные ценности, интеграция образования.

ON SOME ASPECTS OF NATIONAL SECURITY EDUCATION AND THE BOLOGNA PROCESS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN)²

Madina S. ACHILOVA, Dr. PhD, candidate of philosophical Sciences, senior lecturer, Department of global communications of KazUIR and WL Abylay Khan, Almaty, Kazakhstan, e-mail: kalima910@mail.ru

Nina V. NALIVAYKO, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of philosophy of education at Novosibirsk state pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: nnalivaiko@mail.ru

Kalimash K. BEGALINOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of religious studies and cultural science of al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: kalima910@mail.ru

Abstract. The article deals with the main problems of education in Russia and Kazakhstan at the present stage in connection with the integration processes. The complexity of these processes is considered. The way out of the complex impasse in which the national education system has got is shown. The authors see this way in the revision of the

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00314)

² The study was supported of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 16-06-00314)

position in the policy of education, including at the state level. Priority is given to the spiritual and moral component of education.

Keywords: educational policy, Bologna process, national security, educational space, spiritual and moral values, integration of education.

Российская и казахстанская высшие школы, вышедшие из единой советской системы, занимавшие лидирующее положение в мире, в 90-х г. XX столетия оказалась в трудном положении. В результате не востребованности молодых специалистов, снижения социально-статусных позиций уровня жизни профессорско-преподавательского состава, усилилась «утечка умов», что уже сейчас негативно сказывается на развитии производительных сил России и Казахстана. Угрозу национальной безопасности представляет и миграция молодых талантливых специалистов. Россия и Казахстан несут большие материальные потери в связи с выездом ученых и специалистов. Количество математиков в России, выезжающих на Запад, и, прежде всего, в США, составляет 25% от ежегодного выпуска элитарными вузами России.

Серьезную опасность для России представляет незавершенность процесса реформирования высшей школы. Политическая стабильность, целостность страны как для России, так и для Казахстана – важнейший фактор национальной безопасности. В XXI в. национальная безопасность государств в стратегическом плане определяется состоянием системы образования, которая действует на всех уровнях безопасности: общества, государства, личности. Очевидно, что экономическая и военная безопасность государств без квалифицированных кадров невозможна, технологическая безопасность невозможна без научных разработок. Образование является фундаментом культуры, его основой, и общество не может нормально функционировать и развиваться без системы культурных ценностей. Структурам образования принадлежит одно из первых мест в формировании культуры. Культура, охватывая самые существенные грани человека, способствует формированию профессионала. Но не до конца решены проблемы всестороннего развития личности, его физического и нравственного здоровья, формирования гармоничного человека, ориентации на воспитание патриотизма, ответственности за Отечество, готовности и способности укреплять обороноспособность России.

Опыт истории свидетельствует, что национальная безопасность страны определяется духовно-нравственными ценностями образования, ориентированными на реализацию духовно-нравственных устремлений молодежи, понимание особенностей духовного потенциала России и Казахстана, их культуры, нравственности, идеала. Без наращивания нововведений в культурной и духовно-нравственной сфере образования невозможно воспитание творческой, духовно-нравственной личности, отвечающей потребностям времени. Преодоление угроз национальной безопасности государств, таких, как социально-экономическая нестабильность, криминогенность, наркомания, падение морально-нравственных ценностей и патриотизма также, может быть преодолено на основе реализации духовно-нравственной программы, когда

идеи культуры, гуманизма пронизывают весь учебный процесс. Одной из задач государственной политики и управления является включение в концепцию национальной безопасности России и Казахстана конкретных положений, направленных на воспитание норм общественной морали, преодоление проявлений бездуховности среди молодежи. Повышенное внимание к проблеме национальной безопасности закономерно, при ее новизне, отсутствии внимания к ней в прошлом и необходимости преодоления кризиса духовности в обществе.

Национальной безопасности наших стран угрожают тенденции и процессы радикальной трансформации национального менталитета, разрыва с духовно-нравственными традициями русской культуры, разрушения любви к Отечеству. Обеспечение национальной безопасности наших стран напрямую зависит от степени образовательной подготовки молодежи на заре XXI века, каковы будут ее нравственные и политические идеалы, социальные ценности, уровень общей культуры и профессиональной подготовки. Рост производительности труда и благосостояния в целом во многом зависит от уровня развитости системы образования и воспитания, а отсюда – и нравственности общества.

В связи с этим необходимо пересмотреть позиции в политике образования, в том числе и на государственном уровне, и отметить, что приоритетное значение образования может утвердиться только с достаточными вложениями в данную систему, а затем, – как результат включенности человеческого потенциала в подъем экономик России и Казахстана. В настоящее время «холодная» война с Западом, включая и США, переросла в соревнование в глобальном масштабе отраслей промышленности и осознание того, что наука и техника – основные факторы конкурентоспособности и развития промышленности. Выход из системного кризиса в наших странах возможен только в результате совершенствования образования как главной антикризисной меры. К примеру, Комитет по безопасности Государственной Думы совместно с учеными РАН в 2013 г. определил, что 19 из 20 Показателей национальной безопасности России находятся у «красной черты» или за ее пределами. Специалисты ЮНЕСКО и Всемирной организации здоровья провели исследование проблем жизнеспособности различных наций и государств по 5-ти балльной системе. Высшего балла никто не получил. На «4» балла была оценена жизнеспособность Голландии, Дании, Исландии. На «3» – США, Японии, Германии; жизнеспособность России оценена в 1,4 балла (а состояние, оцененное ниже 3 баллов, ведет к деградации нации) [1].

Проблема образования становится еще более актуальной не только в связи с неблагоприятной экологической ситуацией, ограниченностью природных ресурсов, но и низким уровнем ресурсосбережения, что усложняет условия нынешнего поколения, но еще больше – будущего. Проблема трудовых ресурсов – составная часть национальной безопасности наших государств. Снижение численности трудовых ресурсов можно компенсировать только улучшением их качества, повышая уровень образования. Совершенствование образования необходимо и с целью перераспределения трудовых ресурсов из

сферы материального производства в непроеизводственную сферу. Развитие сферы услуг предполагает модернизацию образовательной системы переобучения и переквалификации. Ведущая роль в этом принадлежит образовательным учреждениям.

Обеспечение национальной безопасности включает подъем экономики страны, укрепление правопорядка и социально-политической стабильности общества, формирование гармоничных межнациональных отношений, укрепление безопасности государства в оборонной и информационной сфере, соблюдение Конституции и законодательства, сбалансирование всех видов безопасности, правовое обеспечение реформ и эффективный контроль исполнения законодательных норм [2]. Выполнение этих требований невозможно осуществить, развивая только промышленность или опираясь на один какой-то регион, они могут быть реализованы только комплексно, и единственно возможный путь на ближайшую перспективу – сохранение, развитие и мобилизация интеллектуального потенциала страны.

Какими бы сложными ни были сегодняшние проблемы отечественной системы высшего образования, государство должно четко сформировать приоритетный характер преобразования высшей школы, ее интеллектуальной, научно-технической, культурной составляющей, что и определит в XXI в. облик общества, национальную безопасность наших стран. Для этого необходимы кардинальные меры по улучшению материального и социального положения профессорско-преподавательского состава, переоснащению учебного процесса и обеспечению его информационными каналами; забота о воспитании, физическом и духовном здоровье студентов; усиление связи производства с наукой; воздействие образования на преодоление демографического кризиса в обществе. Эти меры будут способствовать внутривосточной и геополитической стабилизации, являться факторами ликвидации угроз национальной безопасности. Заслуживает внимания создание университетских округов как интеллектуальных центров науки, культуры, образования, воспитания, духовной жизни федеральных округов, в которых будут четко фиксированы состояние и необходимые меры укрепления национальной безопасности с учетом региональных особенностей.

В свете проблем национальной безопасности, самого образовательного пространства, условием интеграции высшей школы России и Казахстана в мировое образовательное пространство должно быть сохранение национального опыта, традиций, упрочения и развитие ее несомненных достоинств, к которым, прежде всего, относится фундаментальность, научность образования. По нашему мнению, сегодня необходимо продолжать поиск оптимальных вариантов последовательной интеграции высшей школы наших стран в мировую систему высшего образования, сохранить все ценное, что имеют они, в то же время осуществить, с учетом международного опыта, востребованные временем изменения, которые позволят обеспечить перспективы развития России и Казахстана в новом столетии.

Сегодня идет активная интеграция европейского высшего образования: в 1997 г. в Лиссабоне была принята конвенция «О признании квалификаций,

относящихся к высшему образованию в Европейском регионе». Россия присоединилась к этому документу в 2001 г. В 1998 г. Принята Сорбонская декларация. Провозглашена цель достижения согласованности и гармонизации европейской системы образования. Данная декларация подписана Великобританией, Германией, Италией, Францией. Болонская декларация (1999 г.), которая принимается большинством стран Европы, предлагает систему мер для конвергенции и прозрачности квалификационных структур в образовании, тем самым она (декларация) направлена на повышение конкурентоспособности европейского образования с американским. Пражское коммюнике, принятое в 2001 г., подтверждает перспективность Болонской декларации для европейского образования. Здесь провозглашается идея непрерывного образования, вплоть до образования в течение всей жизни (life-long education). Обращается серьезное внимание на качество образования.

Россия и Казахстан подписали Болонскую декларацию, которая является одним из наиболее значимых документов в сфере интеграции образования для Объединенной Европы, а также вовлечения в этот процесс европейских стран, находящихся в периферии этого союза. И.Н. Зорникова и Л.П. Волкова отмечают: «в мировом высшем образовании появляются признаки целостности, автономности по отношению к экономическим, политическим и другим мировым социальным системам. Базой для этих процессов становится наличие универсальных норм академической свободы и демократии, традиционно регулирующих деятельность классических университетов и приобретающих все большее нормативное значение для национальных образовательных систем международные конвенции, всемирные декларации, принимаемые на международных форумах, определяющие перспективы развития высшего образования и добровольно принимаемые к исполнению всеми присоединившимися странами» [3]. Фактически мы сегодня можем говорить о том, что сформировалась мировая система высшего образования ассоциативного типа, административно не регулирующая, но идеологически определяющая парадигму развития всех (национальных, региональных, международных) образовательных систем.

Но, для обоснования принадлежности к мировому сообществу в сфере высшего и послевузовского профессионального образования недостаточно иметь лишь юридическое право, установленное конституцией страны, для этого необходимо модернизировать всю структуру, весь процесс получения образования в высшей школе. Рекомендации международного семинара «Интеграция российской высшей школы в общеевропейскую систему высшего образования: проблемы и перспективы» обосновали предпосылки вхождения системы высшего образования РФ в Болонский процесс [4].

Мы живем в очень динамичном, беспокойном и взрывоопасном мире, перед лицом глобальных проблем, и осознаем, что глобальным проблемам не смогут найти решения, пока наша планета не будет объединена желанием решения общих дел. Ситуация требует философского переосмысления существующего и преодоления многих стереотипов мышления. Камю писал: «Философия – дозорный культуры». Умея улавливать (по словам Хайдеггера)

«неслышный зов бытия», философия оценивает современное состояние общества, его насущные проблемы и перспективы. Это относится и к образованию. В любую эпоху, в любом обществе идейные основы образования, цели и задачи образования, методика и методология, его структура и организация выражают как наличное состояние общества, так и тенденции его развития. Именно образование оказывается решающим для реализации тех или иных идей или социально-культурных тенденций и перспектив общественного развития. Поэтому очень важно: насколько концепция образования, проводимая государством, адекватна объективным социокультурным реалиям и тенденциям. Задачи образования должны не навязываться в форме «принятия решений», а формироваться жизнью, естественно историческим образом.

В России и в Казахстане (как и во всем мире), сложилась ситуация, когда развитие новейших технологий в народном хозяйстве и в системе образования потребовало новые кадры, не просто вооруженные современными знаниями и умениями, но и навыками работы с компьютерными средствами обработки потоков информации; обладающие необходимыми качествами и управленца, и менеджера и др. Кроме этого, чтобы образованию идти в ногу со временем, преподаватели высших учебных заведений как кадры особой сферы – определяющей развитие общества, должны уметь прогнозировать. Особенностью высшего образования является его ориентированность на выпуск специалистов, хорошо знающих условия жизни своего народа, будущей деятельности. Они (специалисты), трудясь каждый на своем месте, призваны в целом направить свои усилия на улучшение условий жизни своего народа, не абстрактно по «среднеевропейским» стандартам, а конкретно, учитывая особенности развития социальной жизни регионов. Должным условием национальной конкурентоспособности является сегодня сложность, интеллектуалоемкость нашего хозяйства, объективно требующая высокой профессиональной квалификации работников. Ни при каких условиях нельзя понижать уровень образования, заботясь об укреплении и развитии образовательных связей с другими государствами. Процессы, происходящие сегодня в обществе, вызывают изменения в образовании, способствующие выдворению России и Казахстана на обочину современной цивилизации.

Целью «Болонской декларации» является повышение конкурентоспособности высшего образования в секторе иностранных студентов. «Европа утратила первую в мире позицию в качестве места для получения образования иностранцами». Но не Россия тому причина, а США. Контингент иностранных студентов в Америке составляет более 500 тыс. человек, или 3,5% от общего числа студентов в стране. Ежегодный доход Америки от обучения иностранных студентов 11 млрд. долларов. В Европе таких доходов нет. По оценкам демографов, через 25 лет недостаток трудоспособного населения в Европе может превысить 160 млн. человек. По разным оценкам, в Европу (и легально, и нет) в последнее время из Африки и Азии переехало 18–20 млн. человек. И этот процесс иммиграции нарастает. Система образования стремится учитывать этот процесс, вводя 3-летнее высшее образование [5]. Итак, по Болонскому соглашению двухступенчатая система образования (бакалавр

и магистр) призвана обеспечить мобильность студентов внутри Европы благодаря кредитной системе. Только успешно закончив бакалавриат, можно перейти на стадию магистратуры. Предлагается сделать первую ступень 3–4-летней. Полученная степень бакалавра трактуется Болонской декларацией как адекватная рынку труда, требующего такой уровень квалификации. Вторая ступень ведет к получению мастера – магистра. Ее длительность – 1–2 года. Дальнейшее обучение заканчивается присвоением докторской степени (3 года).

Существует еще одна важная проблема – проблема качества образования, контроль качества обучения, не столько внешний, сколько внутренний – в самом учебном заведении. В отечественных университетах в последнее десятилетие начали формироваться специальные контрольные органы в виде учебно-методических объединений.

Таким образом, в принципах Болонской декларации есть определенные противоречия. Для обеспечения системы непрерывного образования вполне разумно предлагается унифицировать систему взаимозачетов с помощью учетных единиц (кредитов). Таким образом, студент в течение ряда лет (года) набирает количество кредитов. Затем обращается в вуз, где намерен получить недостающее количество кредитов и диплом. Согласно принципам Декларации, вуз не вправе отказать студенту в таком желании. Но где гарантия для вуза-резидента (ведущего для студента), что кредиты полноценно отражают направленность, содержание, уровень подготовки студента. Университет не имеет права отказать ему. Более сложными представляются финансовые проблемы, связанные с бюджетным финансированием обучения студента, вообще финансированием учебных заведений, их подразделений. Мы считаем, что в скоропалительных реконструкциях можно безоглядно потерять очень весомый потенциал для отечественной, да и европейской, мировой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. – С. 20.
2. Образование и национальная безопасность России. М., 1996. – № 20. – С. 38.
3. Зорников И.Н., Волкова Л.П. Проблемы и перспективы международной интеграции высшего образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rciabc.vsu.ru//irex/pubs/inzor1.htm>
4. Андрианов Т.В., Уваров А.И. Введение в глобальное мировоззрение. – М.: Станкин, 2000. – 318 с.
5. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–242.

Раздел 2

КАЗАХСТАН КАК НОВЫЙ МИГРАЦИОННЫЙ ХАБ ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС

Section 2

KAZAKHSTAN AS A NEW MIGRATION HUB OF EURASIA IN THE CONTEXT OF INTEGRATION IN THE EAEU

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

МАЕВСКИЙ Дмитрий Павлович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор Омского государственного технического университета, Омск, Россия, e-mail: dmaevskiy@omgtu.ru

СИГАРЕВА Евгения Петровна, кандидат экономических наук, зав. сектором воспроизводства населения Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: sigarevae@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются демографические аспекты российско-казахстанского приграничья, негативные проблемы которого остаются актуальными в отношении экономического, социального и политического дискурса. Использование метода сравнительного анализа позволило дать оценку особенностям состояния демографических параметров в приграничных регионах России и Казахстана. Одной из основных научных проблем данной темы является проблема сопоставимости статистических данных, с целью объективного анализа и адекватности научных выводов. Результаты исследования свидетельствуют о наличии разнонаправленных трендов в воспроизводственных и миграционных процессах на данной территории, что в свою очередь углубляет демографический дисбаланс между сопредельными территориями России и Казахстана.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Казахстан, приграничье, население, воспроизводство населения, миграция, этническая структура.

DEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE RUSSIAN-KAZAKHSTAN BORDER-ZONE

Dmitry P. MAEVSKIY, PhD in Economics, first vice-rector, Omsk State Technical University, Omsk, Russia, e-mail: dmaevskiy@omgtu.ru

Evgenia P. SIGAREVA, PhD in Economics, head of the Reproductivity Section, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow, Russia, e-mail: sigarevae@mail.ru

Abstract. In article demographic aspects of the Russian-Kazakhstan border-zone which negative problems remain relevant concerning an economic, social and political discourse are considered. Use of a method of the comparative analysis has allowed to give an assessment to features of a condition of demographic parameters in the border areas of Russia and Kazakhstan. One their main scientific problems of this subject the problem of comparability of statistical data, for the purpose of the objective analysis and adequacy of scientific conclusions is. Results of a research demonstrate existence of multidirectional trends in reproduction and migration processes in this territory that in turn deepens a demographic imbalance between adjacent territories of Russia and Kazakhstan.

Keywords: Russian Federation, Republic of Kazakhstan, border-zone, population, reproduction of the population, migration, ethnic structure.

Российско-казахстанская граница является по своей протяженности одной из самых значительных. Она уступает (а по некоторым иным методам оценки превосходит) самой протяженной сухопутной границе между

Канадой и США, занесенной по этому признаку в Книгу Гиннеса. Масштабы российско-казахстанской границы составляют 9144,4 км. Кроме протяженности российско-казахстанский рубеж характеризуется, так же, как и границы с другими государствами бывшего СССР, повышением его статуса. Из административно-территориальной границы единого ранее государства она превратилась в полноправную государственную границу. Делимитация, то есть, договорное установление государственной границы Российской Федерации и Республики Казахстан, завершилось в 2005 г. [1]. Хотя в настоящее время вновь появились идеи по обмену сопредельных территорий между Россией и Казахстаном [2]. Это связано с процессом демаркации границы, который на сегодняшний день пока не завершен. В мае 2017 г. по сообщению спецпредставителя президента по делимитации и демаркации госграницы с сопредельными государствами – участниками СНГ, посла по особым поручениям МИД РФ Игоря Братчикова, процесс демаркации российской границы с Казахстаном осуществлен, примерно, на 70%. Окончательное завершение демаркационных работ на российско-казахстанской границе ожидается в 2022–2023 гг. [3].

Несмотря на инициативное и последовательное участие Республики Казахстан и Российской Федерации в интеграционных процессах Таможенного союза и ЕАЭС граница между ними все больше наполняется атрибутами, свойственными государственной границе. Законодательно закреплены условия пропускного режима через границу, реально осуществляют деятельность пропускные пограничные пункты. Хотя после создания единого экономического пространства значительно упростились как правила пересечения российско-казахстанской границы, так и правила пребывания жителей этих государств на территории друг друга. Существенным изменениям подвергаются и приграничные контакты населения России и Казахстана. В связи с этим важным аспектом становится исследование не только торгово-экономических отношений российско-казахстанского приграничья, но и демографические характеристики населения по обеим сторонам от этого рубежа.

Сопредельными российско-казахстанской границе являются 11 субъектов со стороны Российской Федерации и 7 субъектов со стороны Республики Казахстан. В данном случае мы не включили в список Самарскую область, имеющую статус приграничного региона, но не имеющую территориального «прилежания» к границе. В таблице 1 демонстрируются данные о численности населения приграничных территорий России и Казахстана.

В настоящий период суммарно со стороны России в прилегающих регионах проживает более 23375 тыс. человек. Со стороны Казахстана в приграничных областях совокупно проживает более 5684 тыс. человек, что в более чем в 4 раза меньше российского показателя. Меньшая численность приграничных территорий со стороны Казахстана сочетается также и с меньшей урбанизированностью его территорий и относительно более молодым населением.

Таблица 1.

**Численность населения приграничных регионов
на российско-казахстанской границе на 01.01. 2017 г. (тыс. человек)**

Российская Федерация	Численность населения (тыс. чел.)	Республика Казахстан	Численность населения (тыс. чел.)
Астраханская область	1019	Атырауская область	607
Волгоградская область	2535	Западно-Казахстанская область	642
Саратовская область	2479	Актюбинская область	846
Оренбургская область	1990	Костанайская область	879
Челябинская область	3502	Северо-Казахстанская область	563
Курганская область	854	Павлодарская область	757
Тюменская область	3660	Восточно-Казахстанская область	1390
Омская область	1973		
Новосибирская область	2780		
Алтайский край	2366		
Республика Алтай	217		

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ и Комитет статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан: <http://www.gks.ru> и <http://www.stat.gov.kz>

Таблица 2.

**Коэффициент естественного прироста за 2016 г.
по приграничным регионам России и Казахстана (на 1000 человек)**

Российская Федерация	Коэффициент естественного воспроизводства населения (‰)	Республика Казахстан	Коэффициент естественного воспроизводства населения (‰)
Астраханская область	2,0	Атырауская область	21,6
Волгоградская область	-2,5	Западно-Казахстанская область	11,8
Саратовская область	-3,1	Актюбинская область	16,8
Оренбургская область	-0,1	Костанайская область	3,5
Челябинская область	-0,3	Северо-Казахстанская область	1,7
Курганская область	-3,5	Павлодарская область	7,0
Тюменская область	7,5	Восточно-Казахстанская область	6,1
Омская область	0,1		
Новосибирская область	0,8		
Алтайский край	-2,0		
Республика Алтай	8,1		

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ и Комитет статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан: <http://www.gks.ru> и <http://www.stat.gov.kz>

Вместе с тем, демографические процессы по разные стороны российско-казахстанской границы развиваются разнонаправленно. Процессы естественного воспроизводства населения в приграничных с Казахстаном регионах России обуславливаются вступлением в новый этап депопуляционного развития, который с 2016 г. лишь начинает проявляться. Поэтому в показателях общего коэффициента естественного прироста в приграничных субъектах России отмечаются или уже отрицательные значения, или близкие к нулевым (табл. 2).

Исключением являются Республика Алтай, Тюменская и Астраханская области. Но первая не может существенно влиять на демографический потенциал приграничья, так как численность ее населения самая маленькая и составляет чуть более 200 тысяч человек. Положительный коэффициент естественного прироста Тюменской области представлен с учетом Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, чье расположение не является непосредственно приграничным. Также маловероятно, что Астраханская область, обладающая незначительным положительным показателем естественного прироста, может изменить общий для всего приграничья формирующийся тренд на депопуляцию.

Напротив, во всех регионах приграничья со стороны Казахстана отмечен положительный естественный прирост населения, который варьируется от 21,6 промилле в Атырауской области до 1,7 промилле в Северо-Казахстанской области. Учитывая позитивный характер процессов естественного воспроизводства населения в сопредельных с границей регионов Казахстана, а также интенсификацию перемещения населения из южных территорий в северную часть по государственной программе «Дорожная карта занятости 2020» [4] можно предположить, что в обозримой перспективе демографический потенциал приграничных районов Казахстана будет направлен на постепенное сокращение имеющегося дисбаланса с демографическим потенциалом приграничных территорий России.

Следует заметить, что реализация в Казахстане программы «Дорожная карта занятости 2020» отчасти была направлена на компенсацию негативных процессов в приграничных регионах. Они связаны с сокращением численности северных территорий страны из-за устойчивой миграционной убыли, главным образом, на территорию Российской Федерации.

Если мы проанализируем данные таблицы 3, то заметим, что только за 2016 г. в миграционном обмене с приграничными территориями Казахстана российские приграничные территории приобрели 19 706 человек. А по данным Комитета статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан сопредельные регионы страны утратили 14471 человек, которые сейчас проживают по другую сторону границы. Отметим, что существующая разница между этими данными, составляющая 5235 человек, не что иное, как постоянно наблюдаемое расхождение статистических данных о межгосударственных перемещениях, показатели которого рассчитываются в статистических ведомствах различных государств. О феномене значительных статистических расхождений в количественных характеристиках миграционных потоков

межгосударственной направленности уже отмечалось некоторыми исследователями [5].

В нашем случае различия между абсолютными показателями миграционных потоков, направленных на приграничные территории в двух государствах, связаны со спецификой методики подсчета внешних мигрантов в Российской Федерации, которая была принята в 2011 г. Прибывшими в Российскую Федерацию являются лица, зарегистрированные в установленном порядке на срок 9 и более месяцев, тогда как в Республике Казахстан этот срок определен в пределах 12 месяцев, то есть, 1 года. Отсюда возникает разница в параметрах миграционного потока, равная, примерно, 1/4 части годового объема численности прибывших. Указанная разница в 5235 человек и составляет, примерно, четверть от общего миграционного сальдо из приграничных территорий Казахстана в приграничные территории России. Таким образом, новая методика текущего учета миграционных потоков Российской Федерации осложняет сопоставимость статистических данных о миграционных процессах в обмене населением с Казахстаном и с другими государствами, где принят иной срок пребывания или проживания.

Все приграничные территории Казахстана характеризуются отрицательным миграционным сальдо, то есть, все они утрачивают население за счет миграции. Про российские приграничные территории можно было бы сказать, что они все характеризуются положительным миграционным сальдо, если бы не показатель Республики Алтай. Но его параметры настолько малы, хотя и имеют отрицательный знак, что эта миграционная убыль для российского приграничья является статистически незначимой.

Структура миграционного сальдо, представленная в таблице 3, свидетельствует, что наиболее массовый обмен населением в пределах российско-казахстанского приграничья осуществляется между двумя группами регионов, как со стороны России, так и со стороны Казахстана. Это группа российских приграничных территорий, включающая Новосибирскую область, Челябинскую область и Омскую область, куда совокупно отправляется 70% «приграничных» мигрантов из Казахстана. Вторая группа – это казахстанские регионы, в числе которых Восточно-Казахстанская область, Павлодарская область и Костанайская область, которые в совокупности занимают 75% в отрицательном миграционном сальдо приграничного пространства. То есть, между этими приграничными территориями России и Казахстана и осуществляются наиболее массовые миграционные процессы. Именно вторая группа регионов казахстанского приграничья наиболее активно утрачивает население в миграционном обмене с российским приграничем. По прогнозам Министерства труда Республики Казахстан, миграционная убыль населения северной части страны составит в ближайшие пять лет 167 тысяч человек. Для сдерживания процесса сокращения численности населения приграничных с Россией регионов Казахстан планирует в 2018–2020 гг. переселить из южных регионов на север 59 тысяч семей [6].

Таблица 3.

Миграционный прирост приграничных областей России и Казахстана в международном обмене (России с Казахстаном) в 2016 г. (человек)

Российская Федерация	Миграционное сальдо (чел.)	Республика Казахстан	Миграционное сальдо (чел.)
Астраханская область	338	Атырауская область	-16
Волгоградская область	168	Западно-Казахстанская область	-533
Саратовская область	949	Актюбинская область	-663
Оренбургская область	853	Костанайская область	-3479
Челябинская область	3715	Северо-Казахстанская область	-2392
Курганская область	519	Павлодарская область	-3594
Тюменская область	1564	Восточно-Казахстанская область	-3794
Омская область	3622		
Новосибирская область	6465		
Алтайский край	1529		
Республика Алтай	-16		

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ и Комитет статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан: <http://www.gks.ru> и <http://www.stat.gov.kz>

Миграционные процессы в сопредельных с российско-казахстанской границей регионах оказывают свое влияние и на этническую структуру по обе стороны рубежа. По данным переписей населения Казахстана (2009 г.) и России (2010 г.) можно оценить некоторые особенности расселения русского и казахского народа (табл. 4).

На российской приграничной территории во всех ее субъектах преваляло русское население: от 93,9% в Алтайском крае до 56,6% в Республике Алтай. Казахи в трех приграничных субъектах России являлись второй по численности группой: в Астраханской области (16,3%), в Омской области (4,0%), в Волгоградской области (1,8%).

На казахстанской приграничной территории в трех субъектах: в Атырауской, Актюбинской и Западно-Казахстанской областях, – наблюдалось явное превышение казахского населения. В двух субъектах (Павлодарской и Восточно-Казахстанской областях) соотношение русского и казахского населения, приблизительно, было паритетным. А в Северо-Казахстанской и Костанайской областях доля русского населения была выше, чем казахского населения. Понятно, что за прошедшие почти 10 лет после переписи населения, этническая структура приграничных территорий изменилась как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан в направлении увеличения доли «титульных» народов. Этот процесс в перспективе также окажет влияние на изменение демографического потенциала приграничных территорий в обоих государствах.

Таблица 4.

**Этническая структура населения сопредельных регионов России
и Казахстана по данным переписей 2009 г. и 2010 г. (%)**

	Русские	Казахи	Третья по удельному весу национальность		Русские	Казахи	Третья по удельному весу национальность
Российская Федерация				Республика Казахстан			
Астраханская область	67,6	16,3	6,6 (татары)	Атырауская область	6,6	91,1	0,6 (корейцы)
Волгоградская область	90,0	1,8	1,4 (украинцы)	Западно-Казахстанская область	22,7	72,2	1,9 (украинцы)
Саратовская область	91,2	1,1	1,9 (татары)	Актюбинская область	13,6	79,4	3,4 (украинцы)
Оренбургская область	75,9	6,0	7,6 (татары)	Костанайская область	43,0	37,1	9,6 (украинцы)
Челябинская область	83,8	1,6	5,4 (татары)	Северо-Казахстанская область	50,4	33,3	5,0 (украинцы)
Курганская область	92,5	1,3	1,9 (татары)	Павлодарская область	38,8	47,6	5,4 (украинцы)
Тюменская область	73,3	0,6	7,5 (татары)	Восточно-Казахстанская область	40,2	56,0	1,3 (татары)
Омская область	83,3	4,0	2,6 (украинцы)				
Новосибирская область	93,1	0,4	1,2 (немцы)				
Алтайский край	93,9	0,3	2,1 (немцы)				
Республика Алтай	56,6	6,2	33,9 (алтайцы)				

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ и Комитет статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан: <http://www.gks.ru> и <http://www.stat.gov.kz>

Таким образом, демографическая ситуация в сопредельных регионах российско-казахстанской границы продолжает испытывать воздействие факторов воспроизводственного и миграционного дисбаланса, что в дальнейшем может существенным образом изменить перспективы и векторы демографического развития российско-казахстанского приграничья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Голунов С.В. Российско-Казахстанская граница история формирования // Вестник ВолГУ. Серия 4. Вып. 10, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kazahstanskaya-granitsa-istoriya-formirovaniya>
2. Обмен территориями между Казахстаном и Россией чреват последствиями – эксперты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://365info.kz/2015/03/obmen-territoriyami-mezhdu-kazahstanom-i-rossiej-chrevat-posledstviyami-eksperty/>
3. Россия уступила Казахстану свою часть Сладкого. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/15/08/2017/5992ce049a794752ec4aaf1d>
4. Квота на переселение с юга на север Казахстана увеличится в пять раз в 2018 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://alau.kz/kvota-na-pereselenie-s-juga-na-sever-kazahstana-velichitsja-v-pjat-raz-v-2018-godu>
5. Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. Сравнительный анализ отечественной и зарубежной статистической информации об эмиграции граждан // Вопросы статистики. 2017. № 9. С. 64–73.
6. Великое переселение народов: «казахизация» севера как прививка от сепаратизма? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://365info.kz/2017/08/velikoe-pereselenie-narodov-kazahizatsiya-severa-kak-privivka-ot-separatizma/>

ТРУДОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В РОССИЮ И КАЗАХСТАН: ТРЕНДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ¹

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва, Россия, e-mail: riazan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции трудовой эмиграции из Кыргызстана в Россию и Казахстан. Анализируется половозрастная структура эмиграционных потоков, сферы занятости и регионы расселения трудящихся-мигрантов из Кыргызстана. Рассчитаны социально-экономические последствия трудовой миграции из Кыргызстана для отправляющей и принимающих стран. Выделены ключевые проблемы, с которыми сталкиваются трудящиеся-мигранты в России и Казахстане. Обозначены подходы к решению проблем положения трудящихся-мигрантов.

Ключевые слова: трудовая эмиграция, Кыргызстан, Россия, Казахстан, тренды, социально-экономические и демографические последствия, денежные переводы.

LABOUR EMIGRATION FROM KYRGYZSTAN TO RUSSIA AND KAZAKHSTAN: TRENDS AND CONSEQUENCES ²

Sergey V. RYAZANTSEV, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia, e-mail: riazan@mail.ru

Abstract. The article examines the trends of labor emigration from Kyrgyzstan to Russia and Kazakhstan. The age and sex structure of emigration flows, the spheres of employment and the regions of migration of migrant workers from Kyrgyzstan are analyzed. The socio-economic consequences of labor migration from Kyrgyzstan to the sending and receiving countries are calculated. The key problems faced by migrant workers in Russia and Kazakhstan are highlighted. The approaches to solving the problems of the situation of migrant workers are indicated.

Keywords: labor emigration, Kyrgyzstan, Russia, Kazakhstan, trends, socio-economic and demographic consequences, remittances.

¹ Исследование проведено в рамках проекта ПРООН “Разработка рекомендаций по экономическим инструментам для защиты прав мигрантов, включая задачи Целей устойчивого развития”

² The study was carried out within the framework of the UNPD project “Development of recommendations on economic instruments for the protection of migrants' rights, including the objectives of the goals of sustainable development”

В настоящее время Кыргызстан является активным участником миграционных процессов в Евразии и регионе Центральной Азии, являясь крупной отправляющей трудящихся-мигрантов за границу страной. Основной поток трудящихся-мигрантов направляется в Россию и Казахстан. На протяжении последних лет происходит постепенная диверсификация потоков трудящихся-мигрантов из Кыргызстана в пользу таких новых направлений как Турция, Южная Корея, страны Ближнего Востока. По данным Государственной службы миграции при Правительстве Республики Кыргызстан в 2017 г. за пределами страны находилось более 800 тыс. граждан Кыргызстана, в том числе в России – более 640 тыс., в Казахстане – 35 тыс., в Турции – 30 тыс., в Южной Корее – 5 тыс., остальные – в странах Европы, на Ближнем Востоке (ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия и пр.), в США.

За годы активной трудовой эмиграции в России и других странах сформировалась достаточно заметные в демографическом и социально-экономическом отношении сообщества (землячества) мигрантов из Кыргызстана. Согласно экспертным оценкам численность выходцев из Кыргызской Республики в России в 2017 году составляла свыше 1 млн. человек, причем половина из них уже сменила гражданство Кыргызской Республики на гражданство Российской Федерации. Новые землячества также образовались в Казахстане, Турции, Южной Корее, ряде европейских стран и в США.

Основным направлением трудовой эмиграции из Кыргызстана в настоящее время остается Российская Федерация по причине инерционного действия экономических, социально-демографических, транспортно-инфраструктурно-географических и политических факторов. Однако, происходит постепенная диверсификация географических направлений выезда трудовых мигрантов в пользу Казахстана, Турции, Южной Корее, которая может нарастать по мере вхождения в эмиграцию нового поколения мигрантов в меньшей степени знающих русский язык, слабее ориентированных на Россию, имеющих более широкий кругозор, владеющих современными средствами коммуникации и получения информации через интернет. В потоке трудовых мигрантов преобладают молодые люди в возрасте от 20 до 29 лет с полным средним уровнем образования.

В настоящее время граждане Кыргызстана в основном заняты в сферах строительства (кладчики кирпича, сварщики, разнорабочие, монтажники), услуг (парикмахеры, повара, официанты, дворники, уборщики, таксисты), торговли (кассиры и продавцы), а также в швейном производстве. Мужчины, как правило, работают на более сложных и тяжелых работах: на стройках, на подсобных работах, в секторе уборки улиц и дворов. Более квалифицированные специалисты находят работу поварами и водителями. Благодаря тому, что русский язык имеет статус официального в Кыргызстане, в 2017 г. водителям – гражданам Кыргызстана российские власти сохранили возможность работать с национальными водительскими правами, в то время как для граждан других стран это теперь запрещено.

Женщины из Кыргызстана заняты уборкой помещений в офисах компаний и учреждений, работают в качестве обслуживающего персонала, разно-

рабочими, официантами в ресторанах. Хорошо знающие русский язык трудоустраиваются на более квалифицированные и высокооплачиваемые работы: в домашних хозяйствах в качестве нянь, сиделками за престарелыми и больными людьми, мастерами маникюра и парикмахерами в салонах красоты, массажистками в салоны массажа, кассирами в супермаркетах, продавцами в магазинах, медицинскими работниками в лечебные учреждения. Однако, зачастую трудящиеся-мигранты все-таки вынуждены работать не по своей специальности. Некоторые в России получают дополнительные навыки и квалификацию, причем часто это делается после начала работы. Наиболее востребованными за рубежом оказываются трудящиеся-мигранты со средним уровнем образования – на них приходилось 70% работавших за границей граждан Кыргызстана судя по данным национального выборочного обследования бюджетов домохозяйств в 2016 г.

На российском рынке труда трудящиеся-мигранты из Кыргызстана имеют значительные преимущества в сравнении с представителями других стран из-за более высокого уровня владения русским языком. Данное преимущество сложилось в связи с тем, что русский язык остается официальным языком и широко распространен в бытовой сфере Кыргызстана. Этот фактор позволяет получать серьезные конкурентные преимущества гражданам Кыргызстана при трудоустройстве в различных отраслях российской экономики, в том числе занимать ниши в большей степени ориентированные на социальное обслуживание российского населения. Особенно наглядно это проявляется среди женщин трудящихся-мигрантов. Многие гражданки Кыргызстана чаще трудоустраиваются в семьях, на более высокооплачиваемую и требующую большей квалификации и знания русского языка работу.

Основная часть трудящихся-мигрантов из Кыргызстана хотя и стремится трудоустроиться и в итоге сконцентрирована в Московском регионе (Москва, Московская область) и крупных городах европейской части России, тем не менее отмечается четкий восточный вектор миграции граждан Республики Кыргызстан в регионы Сибири, Урала и Дальнего Востока. Их доля в занятости населения в восточных регионах выше, чем в европейских регионах России. Труд мигрантов из Кыргызстана становится все более востребованным именно в восточной части Российской Федерации.

В условиях активной миграции, роль общественных организаций остается значимой. В регионах, в которых не присутствуют государственные структуры Кыргызской Республики и не могут постоянно и непосредственно контактировать с гражданами соотечественниками, общественные объединения мигрантов становятся центрами взаимопомощи, они формируют землячества, проводят совместные встречи, гуляния и празднования, спортивные соревнования. Объединения выходцев из Кыргызстана в качестве основной задачи ставят сохранение кыргызской самобытности, кыргызского языка, культуры, традиций и обычаев, диаспоры объединяют в первую очередь этнических киргизов.

Масштабные эмиграционные процессы имеют существенные социально-экономические, демографические и политические последствия для отправ-

ляющих и принимающих стран. Кыргызстан занимал третье место в мировом рейтинге стран по доле денежных переводов в ВВП с показателем 29%. Объемы денежных переводов в страну из-за границы достигли своего пика в 2013 г. Затем из-за финансово-экономического кризиса в России, который сопровождался девальвацией рубля и оттоком трудящихся-мигрантов на родину, отмечалось сокращение поступлений денежных переводов. Однако в 2016 г. произошло быстрое восстановление объемов денежных переводов, и в 2017 г. они составили уже 2,5 млрд. долларов, превысив докризисный уровень.

Трудовая миграция из Кыргызстана в частности, имеет для России также имеет существенное социально-экономическое значение. Благодаря трудящимся-мигрантам развиваются такие отрасли экономики как строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера обслуживания, сельское хозяйство, транспорт и др. Несмотря на значительную роль трудовых мигрантов в российской экономике, точные оценки их экономического вклада отсутствуют. Учитывая, что в 2013 г. в России работали с официальными документами (разрешениями на работу и патентами) 173,1 тыс. граждан Кыргызстана (это составляло 7,8% всех трудящихся-мигрантов в России), можно предполагать, что вклад трудящихся-мигрантов из Кыргызстана в экономику России составлял ни много ни мало – 109,2 млрд. рублей – на такую сумму ими было произведено товаров и услуг в 2013 г. (это составляет 0,25% ВВП России).

В краткосрочном периоде для Кыргызстана экспорт рабочей силы за рубеж достаточно выгоден. Масштабные денежные переводы поддерживают доходы домохозяйств, сокращают бедность, стимулируют потребление и развитие некоторых отраслей экономики (торговля, обслуживание, ресторанный бизнес, мелкое производство). Трудовая эмиграция из Кыргызстана за рубеж происходит в основном из регионов с высоким уровнем бедности населения. Согласно результатам исследования бюджетов домохозяйств в этой области каждая третья семья имела хотя бы одного мигранта. Согласно экспертным оценкам при отсутствии трудовой эмиграции уровень бедности в Кыргызстане мог бы подняться с 25% до 34%.

Несмотря на позитивные аспекты использования денежных переводов на региональном и местном уровнях, на национальном уровне в среднесрочной и долгосрочной перспективе нельзя не отметить негативных последствий масштабной трудовой миграции. Прежде всего, отток трудоспособного населения с активным жизненным потенциалом приводит к заметной деградации социальной системы Кыргызстана: здравоохранение, образование и наука потеряли огромное количество квалифицированных и необходимых самой стране специалистов. Кроме того, расходование денежных переводов трудящихся-мигрантов на макроуровне является неэффективным: основная часть средств справедливо тратится людьми на текущее потребление (обычно – на питание, товары широкого потребления, свадьбы и похороны, в лучшем случае – на приобретение и ремонт жилья, образование детей). Но средства редко инвестируются в развитие экономики и бизнеса, то есть денежные переводы имеют “эффект коротких денег”.

Трудящиеся-мигранты в Кыргызстане готовы вкладывать средства в социально значимые, реально улучшающие жизнь местных сообществ, проекты. Существует множество примеров уже успешно реализованных проектов развития местной инфраструктуры в Кыргызстане за счет средств трудящихся-мигрантов. Это показывает высокую степень социальной ответственности домохозяйств, имеющих трудящихся-мигрантов в своем составе, а также их ориентацию на готовность развития местного социума и его инфраструктуры.

Вместе с тем Кыргызстан в настоящее время имеет “упущенную выгоду” – не получает доходы, которые можно было бы получить, если бы денежные переводы вкладывались в производственный сектор экономики и малый бизнес. Для Кыргызстана была бы гораздо более эффективной модель экономического развития, основанная на постепенном замещении экспорта рабочей силы экспортом товаров и услуг, которая в свою очередь должен быть основана на росте экспортных производств и расширении занятости населения. Трудовая эмиграция дает хороший шанс Кыргызстану перейти на новую модель развития экономики. Для этого стране необходимо стимулировать развитие предпринимательской активности населения.

Интеграция в рамках ЕАЭС стала дополнительным стимулом для развития трудовой эмиграции в Кыргызстане. Гражданам Кыргызстана для поездок в Армению, Беларусь, Казахстан, Россию не только не требуются визы для пересечения границ между странами, но также не нужны разрешительные документы на работу. Отсутствие административных барьеров на внутренних границах государств-членов ЕАЭС положительным образом отразилось на динамике экономической активности населения Кыргызстана, а также имело социальное значение, поскольку граждане Кыргызстана извлекают реальную пользу для себя и своих семей из интеграции. Вступление Кыргызстана в ЕАЭС оказало воздействие на изменение масштабов, тенденций и структуры потока трудовых мигрантов за границу в целом и в Россию в частности. Безвизовый режим и владение русским языком значительной части трудящихся-мигрантов из Кыргызстана формирует в настоящее время потоки мигрантов количественно в пользу России. Однако, отсутствие развитой системы организованного набора у России приводит к тому, что качественный состав трудовых ресурсов в большей степени формируется в пользу Южной Кореи и некоторых других стран, которые проводят в Кыргызстане политику отбора трудовых ресурсов.

Трудящиеся-мигранты из Кыргызстана после вступления страны в ЕАЭС получили и сохранили целый ряд преференций при осуществлении трудовой деятельности в России: пребывание без регистрации до 30 дней; не требуется получение разрешительных документов для работы; признание национальных документов об образовании и квалификации без дополнительной нострификации; возможность работы водителями с национальными водительскими удостоверениями; сниженная ставка налогообложения; возможность заключения нового трудового договора без выезда из России в течение 15 дней; доступ к медицинской помощи по полису обязательного медицинского страхования.

Хотя Республика Кыргызстан занимает активную позицию в сфере защиты права своих граждан за рубежом, до сих пор не разрешены некоторые социально-экономические и правовые проблемные аспекты положения трудящихся-мигрантов в Российской Федерации: отсутствие возможности регистрации значительной части граждан Кыргызской Республики по месту фактического пребывания (проживания) в Российской Федерации; ограничение въезда (запрет на въезд) на территорию Российской Федерации граждан Кыргызстана, имеющих разные, в том числе незначительные правонарушения; невыплаты заработных плат гражданам Кыргызской Республики на территории России; не решен вопрос срока временного пребывания (проживания) трудящегося государства-члена и членов семьи на территории государства трудоустройства который осуществляет деятельность как индивидуальный предприниматель, без заключения трудовых договоров с кем-либо; отсутствие доступа к получению медицинской страховки членами семей трудящихся-мигрантов; отсутствие системы пенсионного обеспечения трудящихся-мигрантов – граждан Кыргызской Республики в Российской Федерации; неполная компенсация расходов семьи по репатриации тела умершего за границей.

Регулирование трудовой миграции как основного миграционного потока в условиях активной интеграции в рамках ЕАЭС требует активного взаимодействия на межгосударственном уровне, а также согласованных действий в области миграционной политики отдельных стран как принимающих, так и отправляющих трудящихся-мигрантов.

На межгосударственном уровне для усиления позитивного влияния трудовой миграции на занятость населения и развитие регионов в ЕАЭС предлагается применить дифференцированный по отраслям экономики подход к регулированию потоков трудящихся-мигрантов. Суть подхода состоит в том, чтобы разделить политику в отношении как минимум двух секторов: “торгуемых” и “неторгуемых” товаров/услуг. Регулирование трудовой миграции и занятости населения в секторе “торгуемых” товаров (услуг) должно быть максимально связано с торгово-инвестиционным сотрудничеством. Для регулирования трудовой миграции в секторе “неторгуемых” товаров и услуг (строительство, транспорт, сектор коммунальных услуг, торговля) должны применяться методы непосредственного регулирования трудовой миграции. Поскольку потребность в трудовых мигрантах в этих отраслях экономики, очевидно, будет сохраняться в перспективе. В настоящее время в Российской Федерации и Республике Казахстан занятость в этих секторах остается крайне неэффективной, а производительность труда низкой. Работодателям гораздо выгоднее использовать труд дешевых и бесправных недокументированных трудовых мигрантов, чем вкладывать в передовые технологии.

Непосредственный механизм регулирования трудовой миграции может выглядеть следующим образом. Во-первых, необходимо рассчитать потребности принимающих стран (Российской Федерации и Республики Казахстан) в рабочей силе на основе баланса трудовых ресурсов. Во-вторых, определить собственные возможности (потенциал трудоустройства безработных, учащейся молодежи, пенсионеров, возможности внутренней миграции трудовых ресур-

сов) и четкие потребности в иностранных трудовых мигрантах. В-третьих, обозначить приоритеты миграционной политики в отношении стран-партнеров в контексте политической и экономической интеграции и подписать межгосударственные соглашения об организованных поставках рабочей силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Мониторинг состояния национальных рынков труда стран Содружества независимых государств 2013–2016. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2017. С. 36–37. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cisstat.com/rus/Monitoring_labour2013-2016.pdf
2. Migration and Remittances Fact book 2018, 3rd Edition, Washington DC, The World Bank, 2018, p. 149–238.

МИГРАНТЫ ИЗ КАЗАХСТАНА НА МОСКОВСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

ОСАДЧАЯ Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра исследования процессов евразийской интеграции, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: osadchaya111@gmail.com

КИРЕЕВ Егор Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследования процессов евразийской интеграции, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: yegorkireev@gmail.com

Аннотация. В статье на основе данных эмпирических исследований показано, что трудовая мобильность граждан республики Казахстан соответствует потребностям и особенностям московского рынка труда, характеризуется траекториями горизонтальной профессионально-отраслевой мобильности, снижением профессионально-должностного статуса каждого 3–4 мигранта после переезда в Москву, что определяет профессиональный профиль мигрантов. Эмоционально-оценочная реакция на изменение своего статуса на московском рынке труда позитивна более чем у 65% мигрантов из Казахстана, которые сумели здесь адаптироваться. На социальное самочувствие мигрантов влияет неприятие частью населения столицы трудовой мобильности. 30% мигрантов из Казахстана во время своего пребывания в Москве ощущали дискомфорт, 48,1% сталкивались с дискриминацией по национальному или этническому признаку. Решение проблем, с которыми наиболее часто сталкивались мигранты: поиск жилья, трудности в получении работы, плохие условия для повышения квалификации, профессионального роста, негативные стереотипы и предубеждения со стороны окружающих людей – требует совершенствования миграционной и социальной политик Москвы.

Ключевые слова: трудовая мобильность, мигранты, профессиональный профиль, социальное самочувствие.

MIGRANTS FROM KAZAKHSTAN AT THE MOSCOW LABOR MARKET: PROFESSIONAL BACKGROUND AND SOCIAL SELF-FEELING

Galina I. OSADCHAYA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Center for the Study of the Processes of Eurasian Integration, Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow, Russia, e-mail: osadchaya111@gmail.com

Egor Y. KIREEV, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Center for the Study of the Processes of Eurasian Integration, Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow, Russia, e-mail: yegorkireev@gmail.com

Abstract. Following the empirical studies, this article shows that the labour mobility of the Kazakhstani citizens meets the needs and features of the Moscow market and is characterized by the trajectories of a lateral professional and industry mobility and reducing the professional status of every third-fourth migrant after arriving in Moscow, that defines the professional background of a migrant. The positive emotional and ap-

praisal reaction to a change in their status is evidenced by more than 65% of the migrants from Kazakhstan who managed to adapt here. The migrants' social feeling is influenced by part of the Moscow population's negative attitude. 30% of the migrants from Kazakhstan felt discomfort, 48,1% experienced discrimination for national and ethnic reason during their stay in Moscow. Solving the problems such as house hunting, difficulties to get a job, the bad conditions for further training and professional growth, the negative stereotypes and prejudices from other people, which the migrants had faced most of all, requires improving the migration and social policies of Moscow.

Keywords: labor market, labor mobility, migrants, professional background, social self-feeling.

Современный рынок труда Москвы детерминирован множеством факторов, включая институциональное своеобразие, политические, экономические явления и события. По мнению экспертов, он находится в кризисном состоянии, поскольку невысокий уровень безработицы сопровождается увеличением числа работников, которые уходили в отпуск без сохранения заработной платы, находились в простое или работали неполный рабочий день по инициативе работодателя, имеет место неэффективное распределение специалистов по секторам: сокращение количества сотрудников в промышленности, высокая доля бюджетников [1]. При этом работодатели сетуют на отсутствие высококвалифицированных кадров с высшим и специальным техническим образованием. Сегодня больше половины предлагаемых вакансий – рабочие: станочники, инструментальщики, сварщики и инженеры. Однако по сравнению с региональными рынками труда России и рынками государств-членов ЕАЭС, он характеризуется более высоким уровнем экономического развития, лучшими экономическими возможностями в обеспечении населения более высоким качеством жизни. Рынок труда столицы отличается структурой занятости, объемом, что объясняется демографическими факторами, уровнем подготовки и квалификации кадров [2]. К его особенностям следует отнести также наличие теневого рынка рабочей силы, который во многом появился в результате распада СССР и возникновения отдельных национальных рынков труда, повлекших стихийное перемещение больших групп населения из бывших союзных республик при отсутствии необходимой правовой базы, правового статуса, юридических и социальных прав мигрантов.

В перспективе на его функционировании может сказаться прогнозируемое, в ближайшие пятнадцать лет снижение численности работников в России [3, с. 79] и других государствах-членах [4, 5, 6]. Это может привести к росту спроса на рабочую силу и конкуренции стран, входящих в евразийский союз в борьбе за важнейший экономический ресурс.

Как показывает наш анализ, в настоящее время стратегия трудовой мобильности мигрантов из Казахстана, впрочем, как и других мигрантов из стран ЕАЭС, связана с реальными потребностями московского рынка труда и условиями свободного движения рабочей силы, зафиксированными в Договоре о создании Евразийского экономического союза [7] и нормативных документах, регулирующих свободу движения рабочей силы [8, С. 16], кото-

рые требуют при устройстве трудящихся на работу процедуры признания документов об образовании в сферах: педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической деятельности.

Подавляющее большинство информантов из Казахстана в столичном мегаполисе (8 из 10 информантов) – это миграционно активные молодые люди возрасте до 40 лет (наибольшая доля среди них – в возрасте 25–34 года), чаще мужчины, сделавшие свой ответственный выбор о работе в Москве в условиях кризисных ситуаций в своих странах и ориентированные на материальное обеспечение жизни своих семей. Более половины приехавших в Москву не замужем или не женаты, 56,6% приехали в Москву одни, 14,4% с супругой или супругом, 10,9% с супругой (супругом) и детьми. 28,4% информантов имеют среднее, 31,2% – среднее специальное и 32,1% высшее образование, 74,9% приехали в столицу из городов, 79,6% имели профессиональный опыт и 54,5% не планируют возвращение в страну исхода.¹ Они демонстрируют траектории горизонтальной профессионально-отраслевой мобильности, опираясь на предыдущий опыт, работают в тех же отраслях, что и в своей стране: в торговле, строительстве, на транспорте, замещая наименее востребованные москвичами вакансии, что типично для принимающих стран.

Наше исследование свидетельствует о том, что мигранты из государств-членов ЕАЭС неоднородный слой и позволяет на основании ранжирования ответов на вопросы об удовлетворенности профессиональными, экономическими и социальными изменениями в их жизни после приезда в Москву выделить 2 группы мигрантов: адаптированные и неадаптированные. В обеих группах представлены мигранты из всех государств-членов ЕАЭС.

Первую группу составляют более 65% информантов. Они удовлетворены своей работой в Москве, тем, как она оплачивается, состоянием своего здоровья, питанием, отношениями в семье, имеют полис обязательного медицинского страхования, у них сложились хорошие отношения с коллегами по работе. Наиболее успешно вписались в московский рынок труда мигранты из Беларуси и Армении. К факторам их успешности следует отнести обладание ими большим человеческим (более высокий уровень образования, лучшее знание русского языка), социальным капиталом (устоявшимися социальными связями в столице) и опытом мобильности в их обществах.

¹ Исследование «Образ жизни мигрантов из государств-членов ЕАЭС в Москве». Опрос – личное формализованное интервью по 100 мигрантов из каждого государства -члена Евразийского экономического союза – проведен ИСПИ РАН в июне 2016 г. по гранту РФФИ (проект № 16-03-00841. Руководитель проекта Осадчая Г.И). Отбор информантов осуществлялся методом снежного кома по одному признаку – мигранты из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, прибывшие в Москву после 2000 года.

«Социальное самочувствие приезжих из стран-членов ЕАЭС в Москве». Индивидуальное фокусированное интервью проведено в январе – феврале 2017 года. (Руководители проекта Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.). Опрошено 58 респондентов из Казахстана и 58 из Кыргызстана, отобранных методом снежного кома по одному признаку- приехавшие в Москву после 2000 года.

Вторая группа, насчитывает чуть менее 35%. В этой социальной группе больше, нежели в других группах тех, кто не удовлетворен оплатой труда, жилищными условиями, тех, кто «не оформляет трудовых отношений, не платит налоги, проживает в промзонах в условиях антисанитарии» [9]. Они хуже, по сравнению с мигрантами из первой группы, знают русский язык, имеют меньший опыт жизни и работы в большом городе. В этой группе информантов в 1,5–2 раза больше тех, кто живет и работает в Москве до 1 года и соответственно меньше тех, кто живет и работает более 4 лет.

Мигранты из Казахстана в матрице адаптированности занимают срединные позиции. Среди них 36% считает, что работа в Москве не соответствует их знаниями, способностям и возможностям (мигранты из Армении – 25,8%, Беларуси – 36,8% из Кыргызстана – 40,5%), 43,6% считают, что их труд в Москве оплачивается недостаточно. (мигранты из Армении – 22,4%, Беларуси – 30,0% из Кыргызстана – 45,7%). Это может свидетельствовать о снижении профессионально-должностного статуса после переезда в Москву более трети мигрантов из Казахстана.

Главные проблемы, с которыми мигранты столкнулись в Москве: проблемы с жильем и трудности в получении работы. Наиболее сложным в условиях работы на московском рынке труда информантами признаются условия, созданные для них в организациях или на предприятиях для повышения квалификации, профессионального роста. В ходе массового опроса мигрантов из стран – членов ЕАЭС и индивидуального интервью приезжих из Казахстана когнитивные суждения о социальном самочувствии в столице России были дополнены эмоциональными оценками отношений к событиям, людям.

У большинства опрошенных преобладает нормальное, ровное настроение, у каждого третьего – хорошее, оптимистичное. Но пятая часть опрошенных мигрантов из Казахстана в последнее время часто испытывает беспокойство, раздражение, страх, отчаяние, безысходность. Практически каждый третий во время своего пребывания в Москве ощущал дискомфорт, половина сталкивалась с дискриминацией.

Главной ценностью, разделяемой большинством, является стремление создать крепкую семью, воспитать хороших детей. Они полагают, что наиболее востребованными обществом ценностями, позволяющими добиться успеха (по признаку «очень важно») являются: «Связи с «нужными» людьми», «Умение приспособиться» и «Деньги».

Проведенное нами индивидуальное интервью представителей мигрантов из Казахстана на московском рынке труда позволяет дать характеристику субъективного восприятия себя в столице России, уточнить мотивацию, цели и стратегии мобильности. В этом исследовании внимание информанта фокусировалось на проблеме, выявленной в ходе массового опроса. Информанту предлагалось дать свою интерпретацию той или иной ситуации. Это создало дополнительный ракурс для более глубокого понимания и объяснения смыслов и результатов их перемещения, дало возможность уточнить характеристики трудовой мобильности, замеренные в массовом опросе.

Как показал опрос, субъективный смысл трудовой мобильности большинства приехавших из Казахстана заключается не в стремлении к самореализации, а в желании закрыть экономическую брешь в семейном бюджете. Они демонстрируют модель поведения, которую можно назвать «выживание».

Менее пятой части (11 из 58 опрошенных мигрантов из Казахстана), высказавших неудовлетворенность работой в целом и объяснили это низкой оплатой труда, сложной физической работой, «от которой устаешь». Но есть и особые мнения.

Респондент (Р) – мужчина, 25 лет, Казахстан, г. Астана, образование среднее, работает грузчиком, базовый уровень знания русского языка.

Р – Хотелось бы работу посерьёзней. Я же приехал образование получать, но вот не сложилось с поступлением, хочу накопить но не получается пока. Всё на родину отправляю, им там сложно. Мужики с кем работаю, намного старше, они говорят и не помнят уже как там на родине. Привыкли, говорят, тут ко всему: и к деньгам и к отношению.

В качестве причин, усложняющих условия труда в Москве информанты называют расширение границ миграционного пространства.

Респондент (Р) – мужчина, 30 лет, Казахстан, г. Костанай, образование высшее, в Москве 2 недели, ищет работу, базовый уровень знания русского языка.

Р. – Могу сказать не по своей практике, а так, по разговорным вещам, тоже приезжих из Казахстана. Ну, складываются такие впечатления, что именно шестнадцатый год стал намного сложнее, чем до этих времен. Намного проще было, где-то в 2015, 2014 годах. Намного было проще работу найти и подзаработать, все хорошо было. Вот один знакомый говорил, что начались наплывы идти из Кыргызстана, Узбекистана. И сейчас получается все как один сорт идут, нет ни казахов, ни узбеков, для них все одни, одним сортом почти что идут. Разные нации, а многие подводят, так сказать недорабатывают или воруют и от этого сейчас, наша страна тоже, наши люди то, что приезжают заработать в Москву и вот с этими трудностями они сталкиваются получается. То, что пока не объяснишь что мы казахи, что мы нормально работаем. Ничего что я неполно выражаюсь, у меня как бы словарный запас не большой, как я могу так я и объясняю.

Респондент (Р) женщина, 32 года. Казахстан, г. Алматы. Имеет среднее специальное образование, работает уборщицей, замужем, есть ребенок, уровень знания языка: разговорный.

Р – Очень сложно устроится, получить патент на работу. Устроится туда, где вообще хотя бы будут платить (я уже так работала 3 месяца бесплатно). Но при этом, даже если ты найдешь такое место, платят все равно мало, говорят «скажи спасибо, что вообще взяли» Я слышала, что есть агентства, которые помогают устроиться на работу к землякам – чаще в какой-нибудь сетевой магазин. Берут за трудоустройство 2–3 тысячи рублей. Только там запросто могут, как принять, так и уволить на следующий день.

По самооценкам опрошенных в рамках индивидуального интервью, дискомфорт во время пребывания в Москве испытывали из 58 опрошенных менее половины информантов (24 мигранта) из Казахстана. В основном, он был связан с незнанием языка, сменой места жительства, большим, вечно бегущим городом, спецификой традиций коммуникации, плохой водой, необходимостью трудоустройства и поиска жилья, другой культурой, отсутствием друзей, тоской по дому и близким людям, проверками правоохранительных органов и косыми взглядами, недоброжелательным, недружелюбным, презрительным, высокомерным отношением москвичей, а иногда и поведением соотечественников.

Если говорить о дискриминации, то её ощущали в столице 27 информантов (практически половина) приехавших из Казахстана из 58 опрошенных поданной группе мигрантов. Все ответы свидетельствуют об этнических причинах.

Респондент (Р) – мужчина, 35 лет; Казахстан, г. Петропавловск, образование высшее, владение русским языком свободное, работает менеджером по закупкам/логист, женат.

Р.: Дискриминация по национальному или этническому признаку проявляется в виде агрессии в сторону лиц другой национальности, или, например, отказе при приеме на работу или сдаче жилья. Я часто вижу объявления, в которых говорится, что арендодатели «готовы рассмотреть предложения только славян». К сожалению, это происходит повсеместно, и перебороть это невозможно.

Респондент (Р): женщина, 24 года, Казахстан, г. Астана, образование высшее, работает в главном офисе крупной компании, хорошее знание языка, не замужем, детей нет.

Р.: Ну, всегда странно относятся к тем, кто выглядит не как они, отсюда и дискриминация. Но могу сказать, что в Казахстане также обстоит дела с казахами по отношению к русским.

Респондент (Р) женщина, 23 года, Казахстан, г. Караганда образование средне-специальное, педагог-психолог.

Р.: Я не скажу, что это дискриминация, но сталкивалась, да. У меня были такие заказы, когда меня не брали, потому что у меня неславянская внешность, им нужна была строго славянская. Ну, само собой. Допустим, с детьми Снегурочка и играют в ладошки, допустим. Ну, я это не считаю дискриминацией, потому что есть сфера работы, где требуется соответствующий внешний вид.

На социальное самочувствие мигрантов влияют коммуникативные процессы на бытовом и официальном уровне, присутствующие как явно, так и стихийно-латентно. И если, по общей оценке информантов 48,2% москвичей встречает их дружелюбно, 41,8% – безразлично, и только 10,0% недружелюбно или даже враждебно, то отношение представителей власти в Москве к ним как недружелюбное и даже враждебное оценило больше информантов – 13,6%, а дружелюбно меньше – 31,9%.

Интегральной характеристикой результатов адаптации на московском рынке труда мигрантов из Казахстана и их социального самочувствия является ответ на вопрос «Кем вы себя ощущаете в первую очередь?» на который 24,5% опрошенных мигрантов из Казахстана ответило – «Мигрантом в чужой стране», что вполне коррелирует с тем количеством приехавших в столицу, которые не удовлетворены результатами своей работы и обустройством повседневной жизни в столице России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад ЦеТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ. М., 2017.
2. Официальная статистика. Мосгорстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics
3. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда в РФ в перспективе до 2030 г. // Проблемы прогнозирования. 2013. № 4. С.79–96.
4. ЕЭК. Статистика. Рынок труда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/>
5. Котляров Н.Н., Левченко Л.В., Стародубцева Е.Б. Состояние и тенденции развития общего рынка трудовых ресурсов в рамках евразийского экономического союза // Вестник Омского университета. Серия “Экономика”. 2015. № 1. С. 30–34.
6. Кулекеев Ж.А. 10 особенностей рынка труда Казахстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cipe.kz/articles/macroeconomics.html?id=107>
7. Договор о Евразийском экономическом союзе" (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/
8. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в евразийском экономическом союзе. ЕЭК. М.: 2016.
9. Собянин прокомментировал ситуацию с мигрантами в Москве. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/moscow/538890>

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ НА ПОЛУЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В Г. АЛМАТЫ¹

ШЕДЕНОВА Назым Утегалиевна, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: nshedenova@hotmail.com

НОГАЙБАЕВ Еркин Оразалиевич, магистр, докторант кафедры социологии и социальной работы Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: erkin_n@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пути совместной деятельности государственных и общественных структур, дипломатических представительств и этнокультурных сообществ по содействию реализации права на защиту здоровья иностранных трудящихся-мигрантов. Республика Казахстан, являющаяся страной-реципиентом в миграционных процессах в центрально-азиатском регионе, осуществляет социальную и экономическую политику с учетом необходимости соблюдения прав внешних трудовых мигрантов, включая право на здоровье. Исследование проведено с использованием метода фокус-группы, по результатам которой выработаны выводы и заключения о ключевой роли социальных институтов, обеспечивающих реализацию прав иностранных работников на медицинскую помощь в условиях г. Алматы.

Ключевые слова: права человека, право на здоровье, внешняя трудовая миграция, Центральная Азия, миграционная политика Республики Казахстан, доступ к медицинским услугам, социальные институты.

REALIZATION OF THE RIGHTS OF FOREIGN MIGRANT WORKERS TO RECEIVE HEALTH CARE IN ALMATY

Nazym U. SHEDENOVA, Doctor of sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work, al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: nshedenova@hotmail.com

Yerkin O. NOGAIBAEV, Master, PhD student of the Department of Sociology and Social Work, al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: erkin_n@mail.ru

Abstract. The Republic of Kazakhstan, a recipient country in the migration processes in the Central Asian region, implements social and economic policies, taking into account the need to respect the rights of external labor migrants, including the right to health. The article discusses ways of joint activities of state and public structures, diplomatic missions and ethno-cultural communities to promote the realization of the right to protect the health of foreign migrant workers. The study was conducted using the focus

¹ Исследование выполнено в ходе «Мониторинга доступа к медицинским услугам и получению гарантированной неотложной медицинской помощи трудящимся-мигрантам», проведенного в рамках проектного исследования «Мониторинг прав человека», финансируемого Международной организацией по миграции и USAID

group method, the results of which were used to draw conclusions about the key role of social institutions ensuring the implementation of the rights of foreign workers to medical care in Almaty.

Keywords: human rights, the right to health, external labor migration, Central Asia, the migration policy of the Republic of Kazakhstan, access to medical services, social institutions.

Казахстан является страной с очень долгой иммиграционной историей, об этом свидетельствуют различные переселенческие потоки в новой и новейшей истории, направленные на территорию страны в результате социально-экономической политики Российской империи и, в последующем, в условиях социальных, экономических и политических процессов, происходивших в СССР. В то же время, опыт Казахстана по приему мигрантов в роли независимого государства и в качестве субъекта международных отношений достаточно невелик. Тем не менее, на протяжении этой достаточно короткой истории развития, Казахстан вошел в число стран принимающих иностранных трудовых мигрантов из зарубежных стран, в первую очередь из стран Центральной Азии, так как интеграционные процессы в рамках СНГ способствовали свободному передвижению трудовых ресурсов [1]. Страна стала частью мирового процесса миграции и, безусловно, должна применять мировой опыт регулирования миграционных потоков.

Речь идет о государственной миграционной политике, в которой в условиях давления глобальных и региональных миграционных процессов, становится все более необходимым переход от «миграционного контроля» к «миграционному управлению» [2]. В мире существуют различные модели привлечения в страну иммигрантов, когда преследуются такие цели как привлечение высококвалифицированных специалистов, стимулирование интеллектуальной миграции, стабилизация демографической ситуации за счет привлечения этнических репатриантов, стимулирование расселения в соответствии с потребностями экономики, привлечение бизнес – иммигрантов, борьба с нелегальной миграцией. С этой точки зрения, в Казахстане в сфере внешней миграции в качестве приоритетов определены этническая репатриация и привлечение иностранной рабочей силы. При этом в регулировании миграции неизбежно сталкиваются три конкурирующие друг с другом целевых ориентира: приоритет экономических и демографических интересов страны при стимулировании притока или оттока мигрантов, обеспечение национальной безопасности – недопущение «трансферта бедности», роста социальной напряженности, вероятности проникновения экстремизма, а также равенство и уважение прав человека [3].

Таким образом, одной из основных задач регулирования миграционных процессов в Казахстане состоит в том, чтобы гарантировать соблюдение прав и свобод, обеспечить реальную защиту иностранных трудящихся-мигрантов. В числе этих прав очень важное место занимает право на здоровье. При этом угрозой для принимающей стороны может являться то, что в большинстве стран, из которых пребывают мигранты, наблюдается плохая са-

нитарно-эпидемиологическая обстановка, поэтому на бюджет государства ложатся еще дополнительные расходы на социальное страхование и медицинскую помощь [4].

С целью анализа проблемы доступа к медицинским услугам трудовых мигрантов в Республике Казахстан авторами было проведено социологическое исследование с применением метода фокус-группы.

Задачи и формирование фокус-группы. Целью исследования являлось получение экспертных оценок доступности неотложной медицинской помощи и других медицинских услуг, возможности улучшения законодательной базы и институциональных механизмов защиты права на здоровье иностранных граждан, работающих в Казахстане.

Задачи:

- определение ключевых задач в деятельности представленных организаций в исследуемой области;
- изучение деятельности государственных органов и негосударственных организаций о своем регионе и городе с точки зрения обеспечения прав иностранных граждан;
- выявление уровня социальной ответственности целевой группы;
- определение стереотипов восприятия круга проблем, связанных с работой с мигрантами;
- определение представлений целевой группы о проблемах обеспечения здоровья иностранных трудовых мигрантов и путях их решения;
- оценка ожиданий от будущего.

Фокус-группа была проведена в июле 2018 г. в г. Алматы. Отбор экспертов основывался на целевой выборке. Фокус-группа проводилась с участием 10 экспертов, среди которых 2 представителя общественных организаций Учреждение кризисный центр «Забота», ОФ «Родник», 1 представитель Международной организации по миграции (МОМ), 1 сотрудник Генерального Консульства Кыргызстана в г. Алматы, 6 работников государственных учреждений, в том числе УМС ДВД г. Алматы, Управления здравоохранения г. Алматы, Приемника-распределителя г. Алматы. Количество женщин – 9, мужчин – 1.

Эксперты изложили свои мнения о вопросах здоровья трудовых мигрантов из числа иностранных граждан, обеспечения их доступа к медицинским услугам, достаточности законодательной базы и ее практической реализации. Основной фокус внимания был направлен на г. Алматы как крупнейшего города страны, привлекательного для трудовых мигрантов из стран Центральной Азии – Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

В ходе дискуссии выяснилось, что трудовые мигранты как категория граждан является одной из наиболее подверженных рискам группы людей, и являются объектом активной деятельности представленных в фокус-группе организаций. Высокая степень подверженности рискам обусловлена многими факторами в организации деятельности каждого из учреждений, функционирование которых в той или иной степени ограничено законодательными рамками, источниками финансирования, сложностями методологической базы, отсутствием отработанной технологии выполнения тех или иных про-

цедур для достижения эффективных результатов. Причем, это является в равной степени существенным фактором сдерживания максимальной реализации потенциала той или иной организации, независимо от статуса – государственная это, негосударственная, международная или дипломатическая организация. Каждая из них выполняет свои функции в пределах своей компетенции, не имея возможности выхода за их рамки. Как пример можно привести такое высказывание: «Но бывают такие случаи, когда человек не по своему желанию, не по своей воле попадает в трудную ситуацию. Когда у него никого не остается. Ни родных, ни поддержки. В таком случае у нас государство гарантирует ему помощь и поддержку».

В то же время, каждый из участников фокус-группы признают свою степень ответственности и считают необходимым приложить определенных усилий для нахождения наиболее оптимальных путей решения проблем трудовых мигрантов, в том числе по реализации прав на охрану здоровья. При этом, естественно, выдвигая на первый план свой корпоративный интерес.

Все респонденты в силу своих служебных обязанностей имеют непосредственный опыт практической работы с данной категорией людей. Они отмечают, что г. Алматы является привлекательным для иностранцев, имея ввиду его высокий уровень социально-экономического развития. Эти факторы способствуют притоку иностранной рабочей силы, которая из-за своих невысоких запросов, как в материальном, так и моральном плане, в свою очередь вызывает повышенный интерес к себе со стороны работодателей. Характеризуя социальный портрет трудового мигранта в г. Алматы, респонденты отмечают, что в основном это мужчины, средний возраст 30–40 лет, не имеющие высшего образования, из отдаленных регионов, прибывшие только с целью заработка.

Пример высказываний респондентов: «Возраст от 16 лет до 45–50 лет. Мужского пола. Лица необразованные (с низким уровнем образования). Из отдаленных районов. Не имеющие квалификации, образования и т.д. У которых единственная цель – прийти, заработать каким-либо способом, и уехать обратно. Примерно такая картина. В принципе все, наверное, видели трудовых мигрантов, знаете как они выглядят».

Сфера применения данной категории работников, в первую очередь, строительство, а также сфера услуг и торговля. Характерной является низкая правовая культура, незнание и полная беспомощность в защите своих прав и свобод, пассивная позиция в обеспечении условий для максимально комфортного пребывания в г. Алматы.

Пример высказываний респондентов: «Чтобы в дальнейшем не было такой проблемы с ними, чтобы они в такие ситуации не попадали, человек должен знать, на что он имеет право, с другой стороны – кто оказывает эти услуги. Должен знать».

Участники фокус-группы продемонстрировали большую заинтересованность в определении круга проблем, связанных непосредственно с получением медицинской помощи. Мотивом для такой активности являются, как уже отмечено, защита корпоративных интересов, но это оправданно, так как

каждый из них, прежде всего, выполняет свои служебные обязанности и рассуждает именно с этой точки зрения. В тоже время, у всех респондентов отчетливо прослеживается высокий уровень социальной ответственности за результаты своей работы, а также за конечный результат деятельности всех социальных институтов.

Основными стереотипами являются представление о том, что трудовые мигранты, приезжая в г. Алматы, преследуют только свои личные интересы, для них характерна абсолютная безответственность перед нашей страной, обществом и окружающими их людьми. По мнению респондентов, такая безответственность проявляется, в первую очередь, в том, что очень часто они работают нелегально, не предпринимают каких-либо действий по охране своего здоровья, преследуют только одну определенную цель – обеспечить себе заработок и вернуться на родину. Виновными в возникновении отрицательных последствий признаются также работодатели, которые очень часто пользуются бесправным положением мигрантов для извлечения своих выгод по сокращению дополнительных расходов по налогообложению, обеспечению жилья и питания, безопасности труда и др. В результате наблюдается повсеместное нарушение прав мигрантов.

Примеры высказываний респондентов:

«Еще я хочу сказать, большинство к нам приезжают мигранты, они для своей выгоды приезжают. Приехал, заработал и уехал. Их не волнует, если они кого-нибудь заразили, или сами заболели, не дай Бог»;

«Работодатели всегда же хотят своих служащих, они даже изначально не думают о их страховании медицинском, не думают где они, что они. Потом все равно на помощь приходит государство. Как бы подпольно их не привозили. Через какие-то другие ходы. По-черному, по-другому. В конце, когда появляется проблема, все поднимается на уровень государства: здравоохранение, миграционная служба, все привлекаются. Когда можно было изначально проконсультироваться, не обязательно приезжать, можно узнать что в этой стране, как лучше сделать. Не знаю, я считаю, что ответственность с двух сторон должна быть, чтобы общество не страдало. Если один заболел, то все уже взаимосвязаны. И НПО, и государственные службы, всем дают задачу, чтобы вылечили, исправили, отправили»;

«Не дай Бог, он умрет на территории Казахстана, это идет разборка, все службы поднимаются, почему, откуда, кто проглядел, кто допустил. Уже за иностранца отвечают наши службы. Это очень большая проблема – со стороны здоровья. Еще одно – это проблема торговли людьми. Наши предприимчивые казахстанцы, которые пользуются безграмотностью иностранцев, используют их, вовлекают в рабство».

В ходе фокус группы были высказаны мнения, что, несмотря на все усилия, прилагаемые государственными органами, НПО и другими учреждениями основной проблемой является ограниченный доступ к целому ряду социальных услуг, в том числе к медицинской помощи. При этом отмечается важность и необходимость оформления законного статуса иностранного работника, обладание которым позволяет избежать многих проблем, таких как

своевременное получение вознаграждения за свой труд, обеспечение удовлетворительных условий проживания, питания и личной гигиены, претензий миграционной службы, торговля людьми и др.

По мнению респондентов, большие надежды возлагаются на участие в решении проблем трудовых мигрантов на этнокультурные объединения, представителей диаспор и дипломатические представительства стран исхода. Было отмечено, что наибольшую заинтересованность и активность в этих вопросах проявляет Генеральное консульство Кыргызстана в г. Алматы, Генеральное Консульство Таджикистана также открыто для сотрудничества как с государственными органами, так и НПО. В этой связи были высказаны пожелания по активизации сотрудничества с Посольством Узбекистана, учитывая, что большая доля трудовых мигрантов приезжает именно из этой страны.

Пример высказываний респондентов:

«Основной проблемой, с которой они часто сталкиваются, ограничения ряда социальных услуг, в том числе медицинских. В первую очередь, в связи их собственной неосведомленностью. Они даже не знают, откуда брать такую информацию. Они не задумываются о том, насколько это важная информация и как важно ею владеть. Как это часто бывает, ..., они все бросают, живут одним днем и не задумываются, что возможно понадобится медицинская помощь, юридическая помощь. Когда такие случаи возникают, они не знают, к кому обратиться. Все сталкиваются с тем, что они не информированы с момента выезда».

Было отмечено также, что существенные изменения в лучшую сторону в вопросах доступа к медицинским услугам иностранных трудовых мигрантов в будущем, ожидаются с внедрением с января 2019 г. Обязательного социального медицинского страхования, которое позволит иностранным гражданам получать медицинские услуги в полном объеме.

Наиболее важные выводы и рекомендации, которые можно сделать по результатам фокус-группы, заключаются в следующем:

1. существующие в Республике Казахстан социальные институты, от функционирования которых, так или иначе, зависит социальное самочувствие уязвимых категорий граждан, к которым мы относим трудящихся-мигрантов, как по количеству, так и по качеству соответствуют своей роли в обеспечении потребностей этих групп в медицинском обслуживании;

2. мигранты, впервые въезжающие в нашу страну, нуждаются в качественном информационном сопровождении. Только взаимодействие всех заинтересованных сторон: миграционной службы, общественных организаций, в том числе национальных диаспор, позволит проинформировать приезжающих в регион иностранных граждан об их правах и возможностях получения медицинской помощи при возникновении заболеваний и травм;

3. необходимо создание единого координирующего органа, который мог бы взять на себя функции комплексного решения проблем трудовых мигрантов, с вовлечением всех заинтересованных сторон.

Анализ результатов фокус-группы показал, что вопросы обеспечения прав человека в области здоровья и доступности качественных медицинских

услуг являются актуальными как для работающих граждан Республики Казахстан, так и для граждан иностранных государств, временно пребывающих в страну для трудовой деятельности. Доступность медицинских услуг определяется наличием необходимых институциональных условий. Среди них законодательство страны в области обеспечения права трудового мигранта на неотложную медицинскую помощь и другие формы защиты здоровья; работа государственных и общественных структур, а также дипломатических представительств, направленная на защиту интересов трудовых мигрантов в области здоровья; готовность государственных медицинских учреждений оказывать неотложную медицинскую помощь и другие медицинские услуги иностранным гражданам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алиев С.Б. Трудовая миграция в рамках Евразийского экономического союза. ЕЭИ – № 4 (29), ноябрь 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/trudovaya-migratsiya-v-ramkah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza>
2. Patarra N. L. International migrations: theories, policies and social movements. *Estud. av.*[online]. 2006, vol. 20, n. 57, pp.7–24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1590/S0103-40142006000200002>
3. Актуальные вопросы миграционной политики: оценка текущего состояния, прогноз потребности в трудовых мигрантах с учетом их квалификации, нелегальная трудовая миграция, опыт зарубежных стран. Аналитический доклад министерства национальной экономики Республики Казахстан. Астана, 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://economy.gov.kz/sites/default/files/pages/analiticheskiy_doklad_na_temu_aktualnye_voprosy_migracionnoy_politiki_ocenka_tekushchego_sostoyaniya_prognoz_potrebonosti_v_trudovyh_migrantah_s_uchetom_ih_kvalifikacii_nelegalnaya_trudovaya_migrac.docx
4. Ивахненко Г.А. Здоровье мигрантов: социологический анализ. В сборнике: Социология медицины: наука и практика / В Сб.: Сборник статей по материалам научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией А. В. Решетникова. 2012. С. 267–270.

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ГЕОГРАФИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КАЗАХСТАНА

СМАГУЛОВ Кадыржан Есенгалиевич, доцент кафедры политологии и политических технологий, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

КАЗАКОВ Виктор Юрьевич, докторант PhD, кафедра политологии и политических технологий, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: kadyrzhan.smagulov@kaznu.kz

Аннотация. В данной статье исследуется проблема отечественного образования – образовательная миграция. Изучаются основные миграционные потоки казахстанских обучающихся уровней бакалавриата, магистратуры, докторантуры. Приводится статистика и проводится качественный анализ данных, с целью выявления причин и факторов, формирующих географию образовательной миграции. Дается анализ основных проблем отечественного образования, провоцирующих массовый поток образовательных мигрантов. Рассматриваются возможные перспективы и риски.

Ключевые слова: образование, образовательная или учебная миграция, география образовательной миграции.

FACTORS AND REASONS WHICH FORMING THE GEOGRAPHY OF EDUCATIONAL MIGRATION FROM KAZAKHSTAN

Kadyrzhan E. SMAGULOV, associate Professor, Department of Political Science and Political Technologies, KazNU named after Al Farabi, Almaty, Kazakhstan

Viktor Yu. KAZAKOV, doctoral student PhD, Department of Political Science and Political Technologies, KazNU named after Al Farabi, Almaty, Kazakhstan, e-mail: kadyrzhan.smagulov@kaznu.kz

Abstract. This article researches the problem of national education system – educational migration. Investigated the principal migratory flows of Kazakhstan students at bachelors, master's and PhD's levels. Researched the main problems of national education, which provokes the mass flow of educational migrants. Examined further perspectives and threats.

Keywords: education, educational migration, geography of educational migration.

Уже в период двухполюсного мира виднелись контуры будущей глобальной образовательной системы. Общими принципами этой системы стали: международное сотрудничество, интеграция на основе взаимной выгоды, и интернационализация рынков образовательных услуг. Сегодня глобальная образовательная система находится на стадии активного развития, чему свидетельством являются следующие характерные процессы:

- интенсивная международная интеграция национальных образовательных систем и их интернационализация;
- коммерциализация образования на всех уровнях, и диверсификация финансово-хозяйственной деятельности;

- унификация методов управления;
- стандартизация нормативно-правовой базы и делопроизводства;
- формирование ВУЗовской автономии и связанные с этим организационные процессы;
- непрерывность, многоуровневость образования и индивидуализация траекторий обучения;
- информатизация и компьютеризация всей системы в целом;
- формирование устойчивой мобильности и миграции человеческого капитала в рамках общемировой образовательной среды.

Стремительная, всеобъемлющая модернизация образования несет в себе много вызовов для национальных систем образования и соответственно для национальной безопасности. Основой развития высшего образования становится миграция студентов, или образовательная мобильность. В западной социальной науке для обозначения иностранных студентов, которые пересекли границы своих национальных государств с целью получения образования, относятся к категории мобильных или международных студентов. Образовательная миграция набирает обороты и все большее число студентов видят привлекательным получение зарубежного образования. По данным приведенным Институтом статистики ЮНЕСКО на 2014 г., в мире высшее образование получают порядка 207 млн. человек, из них порядка 5 млн. составляют мобильные студенты или 2% от общего числа. К 2025 г., согласно прогнозу того же института, численность иностранных студентов достигнет 7,5 млн человек, причем численность и процентное соотношение ежегодно растет [1].

Ежегодно в Казахстане выпускниками средней школы становятся около 120 тыс. человек. Из них 20%, или каждый пятый абитуриент, становится студентом зарубежного ВУЗа. По состоянию на 2017–2018 учебные гг. около 130 тыс. казахстанских студентов бакалавриата, магистратуры, докторантуры, интернатуры из Казахстана обучаются за рубежом. География основных потоков студентов самая разнообразная и охватывает почти 50 стран. Наиболее популярными направлениями для отечественных абитуриентов являются РФ, КНР, страны ЕС, США и Канада. Основные направления – это Российская Федерация и Китайская Народная Республика, на которые приходится около 85% обучающихся. Таким образом, основной проблемой данного исследования является вопрос: под влиянием каких причин Россия и Китай стали основными приоритетными направлениями образовательной миграции из Казахстана? Ответ на данный исследовательский вопрос позволит провести качественный анализ внутрисистемных проблем отечественной системы образования.

Структура исследования организована следующим образом. Во-первых, рассмотрен объем потоков миграции в РФ и КНР, и проведен качественный анализ количественных данных по уровням образования. Далее, выявлены основные причины и факторы миграции студентов из Казахстана. Наконец, представлены выводы и результаты исследования, вместе с заключительным обсуждением возможностей для будущих исследований в рамках проблемы.

Основные потоки образовательной миграции из Казахстана.

За выбором географии обучения для казахстанской молодежи стоят как личные или частные причины, так и общие тенденции. По состоянию на 2017 г., за рубежом обучается примерно 130 тыс. человек. Из них 100 тыс. – это студенты бакалавриата, магистратуры и докторантуры очных форм обучения. Около 30 тыс. обучаются дистанционно, это означает, что они не покидали страну, и соответственно не входят в группу иностранных студентов [2] (таблица 1).

Таблица 1.

Численность казахстанских студентов, обучающихся в некоторых странах мира

Направление	Количество студентов, человек	Доля в общей численности, %
Российская Федерация	70740	71
Китайская Народная Республика	17600	14
Киргизская Республика	4357	5
США	2144	2
Великобритания	1925	2
Чешская Республика	1314	1
ФРГ	995	1
Прочие	6115	4
Всего	101845	100

По данным Министерств Образования РФ и КНР на 2016–2017 академический год: 70 тыс. человек обучается в России [3], около 14 тыс. или 15% обучается в Китае [4]. Получается, что достаточно большой объем студентов в поисках знаний обращается к ближайшим соседям. К примеру, в России чуть ли каждый четвертый иностранный студент очной и заочной форм обучения из Казахстана [5].

В тоже время в Китае примерно 4% от общего числа обучающихся являются гражданами Казахстана. Такие данные наталкивают на вопрос: почему такой большой перекоп в пользу наших ближайших соседей? Основным ответом является близкая географическая расположенность двух стран, экономическая целесообразность, культурная близость (что касается России), однако имеется целый ряд социально-экономических, культурных и других причин.

В таблице 2 представлены данные по образовательной миграции в КНР и РФ за последние 5 лет, с учетом уровней образования: подготовительные или языковые курсы, бакалавриат, магистратура, докторантура (аспирантура).

Из данных, приведенных выше, видно, что поток студентов из Казахстана в Китай и Россию ежегодно увеличивается, при этом он неуклонно растет в течении последних 5 лет, отмечается ежегодный стабильный прирост в коридоре 7–15%, с небольшими спадами и подъемами, чему способствовали разные причины.

**Численность студентов из Казахстана в КНР и РФ в 2011–2015 гг.
по уровням образования**

Международные студенты, тыс. человек	2011	2012	2013	2014	2015
КНР	8,5	10,1	11,2	12,5	14,0
Языковые и подготовительные курсы	3,1	3,5	4,2	4,6	5,0
Бакалавриат	4,5	5,3	6,0	6,7	7,8
Магистратура	0,6	0,85	0,9	0,8	0,9
Докторантура	0,3	0,45	0,3	0,4	0,3
РФ	37,6	46,7	54,5	65,1	70,7
Подготовительные курсы* (обучаются в филиалах на территории Казахстана)	1,1	1,3	1,4	1,4	1,5
Бакалавриат	32,5	38,9	46,1	55,0	59,1
Магистратура	6,0	6,0	6,1	7,2	9,1
Докторантура(аспирантура)	0,5	0,5	0,8	1,6	1,0

Касательно Китая проявляется интересный факт, что после 2012 г. прирост числа студентов, уезжающих в Китай, стабильно сохраняется на одном уровне, что скорее всего связано с деятельностью коммерческих организаций, предлагающих услуги по сопровождению студента в процессе зачисления в китайские ВУЗы. Также стоит отметить, что практически отсутствует рост числа поступающих студентов на уровни магистратуры и докторантуры, что скорее всего связано с дороговизной данных программ, и желанием поступить на бюджетные места, а число грантов для иностранных студентов остается на прежнем уровне. К сведению, для учебы в КНР на основе бюджета требуется наличие языкового сертификата, либо английский или китайский языки, в этой связи огромное количество студентов проходят практически обязательные подготовительные курсы, и их число растет. Но здесь возникает вопрос, почему же не увеличивается количество обучающихся в бакалавриате? Скорее всего причина состоит в том, что многие из числа студентов получают неудовлетворительные баллы по китайскому языку, в связи с чем остаются на повторный год обучения, или вовсе отказываются от продолжения учебы в КНР. Кстати, статистика по данной тематике имеется для совокупности всех международных студентов, но без указания страны. Касательно Китая в целом следует отметить, что миграционный поток растет, и по данным Министерства образования в 2017 г. он составил около 17,5 тыс. граждан Казахстана.

Вышеприведенная статистика в отношении России, говорит о том, что за последние 8 лет произошел практически двойной прирост потока казахстанских студентов в РФ [6]. Поток студентов на подготовительные остается на стабильном уровне, так основная масса проходит данную программу в филиалах российских ВУЗах по Казахстану. Бакалавриат более привлекателен, нежели магистратура и аспирантура, что связано с мнением, что полу-

чить диплом магистра или доктора из дальнего зарубежья более солидно, к тому же появляется возможность изучить иностранный язык.

Причины выбора России и Китая для обучения казахстанскими студентами. Какие внутренние проблемы отечественного образования порождают учебную миграцию? Среди основных причин образовательной миграции из Казахстана стоит отметить следующие:

- качество высшего образования и уровень профессиональной подготовки кадров профессорско-преподавательского состава зарубежных ВУЗов;
- наличие программ по самым востребованным и актуальным специальностям;
- возможность научно-практической деятельности на современной материально-технической базе заграничных университетов;
- вероятность установление и расширение личных, деловых и профессиональных связей на международном уровне;
- конкурентоспособность зарубежного образования в сравнении с отечественным при трудоустройстве;
- шанс эмигрировать и получить гражданство в стране обучения;
- привлекательность уровня и качества жизни, и культуры;
- оторванность отечественного образования от реального сектора экономики, науки и техники.

Понятно, что вышеуказанные проблемы актуальны и для остальных стран СНГ. Поэтому для выявления более глубоких причин, следует ответить на вопрос: в чем же кроется причина выбора именно этих направлений?

В первую очередь, их надо разделить на две группы: факторы сознательные, то есть обусловленные личными предпочтениями обучающихся, и факторы бессознательные, то есть обусловленные воздействием внешних побуждающих факторов, к примеру, профориентационной и рекламной деятельностью наших соседей на отечественном рынке образования.

Важным фактором является отсутствие сложностей при поступлении, к примеру, в России не требуется наличие сертификата Единого национального тестирования и сертификата о знании языка, достаточно сдать внутренние экзамены университета, что в сравнении с ВУЗами Европы и США весьма привлекательно. В китайской практике имеется возможность бесплатного поступления на языковые подготовительные курсы, после годичного обучения и языкового экзамена каждый желающий с достаточным уровнем по языку и основным предметам имеет право претендовать на бюджетное место. С точки зрения маркетинга, данная стратегия борьбы за потребителя выигрывает в сравнении со странами дальнего зарубежья. Между прочим, у студентов, обучающихся в России появляется потенциальная возможность получения гражданства, особенно студент является этническим русским, и мечтает уехать на историческую родину.

Причина выбора китайского и российского образования заключается в фактической близости этих стран, и в тесном экономическом сотрудничестве. КНР и РФ первые два крупнейших партнера в экономике. Товарооборот:

с Россией – 17 млрд. долл. США, с Китаем – 11 млрд. долл. США. Соответственно, обучающийся проецирует возможность будущего участия в экономической деятельности между странами.

Нельзя не отметить, наличие стипендиальных программ и возможность обучения на бюджетной основе. Оба соседа предоставляют для наших студентов программы грантового финансирования местного и федерального уровней, также Университеты предоставляют значительные скидки для обучающихся на платной основе.

Кроме того, в КНР и РФ существует эффективная система трудоустройства для выпускников через ярмарки вакансий, систему рекомендаций, или внутриуниверситетского отбора, как показывает статистика более 40% обучающихся остаются работать в России [7], и около 30% в Китае [8].

Вышесказанное касается внутренних причин, что же касается внешних факторов, то здесь в первую очередь важна интенсивность работы по рекламе и продвижению российского и китайского образования. К примеру, разработана Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг., согласно которой образовательная миграция считается эффективным инструментом для роста политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала, формирования отношений добрососедства с другими государствами, поддержки и популяризация науки, культуры, образования, языка страны за рубежом. Это говорит о продуманной экспансионистской образовательной политике Правительства РФ. В Китайской Народной Республике государственная политика в сфере образования также занимает особое место. "Закон о высшем образовании Китайской Народной Республики" к примеру, устанавливает, что: «государство поощряет и поддерживает, и развивает международные обмены и сотрудничество в области высшего образования». Согласно ему, ежегодно китайские ВУЗы ведут активную интервенцию на казахстанский рынок образовательных услуг, а борьба за потребителя набирает обороты, создаются подготовительные центры китайского языка, открываются филиалы университетов.

Образовательная миграция в целом, ведёт нашу страну по пути научного прогресса и культурного обогащения. Хотелось бы отметить, что «международные студенты» являются фундаментальной частью глобальной системы образования, обеспечивающей весомый вклад в доходы высшего образования. Они также вносят вклад в растущие сети транснациональные информационные и научные сети, усиливают обмен достижениями в науке и технике, в методиках обучения. К тому же интернационализация образования приводит к формированию человека нового типа, соответствующего идеям глобального гражданства.

Между тем, международное сотрудничество в области образования включает многостороннюю деятельность: – контакты руководства и преподавателей, обмен студентами, аспирантами, докторантами, стажировки, совместные научные исследования, совместное обучение. Для казахстанской системы высшего образования стремительный рост миграционных потоков, является тревожным сигналом. Сегодня как никогда важно защитить отечественный

рынок образовательных услуг. Дальнейшее развитие системы высшего образования требует следующих шагов: повышение статуса университетов и улучшение имиджа отечественного образования, преодоление ситуации с бюрократизацией и формализмом, содействие в создании тесной связки образование-наука-промышленность. Действия Правительства должны быть направлены на защиту рынка образования, в то время как действия самих участников рынка должны быть направлены на повышение качества выпускаемой ими продукции и предлагаемых услуг. Создание эффективного системного взаимодействия основных участников образовательного процесса: правительства, социума, семьи и учебного заведения, поможет в формировании благоприятного общественного климата, содействующего всестороннему развитию профессиональных навыков и компетенций студента, и непрерывному совершенствованию образовательной системы, и возможно сократит критический отток талантливой молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Global Education Digest 2014: Comparing Education Statistics Across the World. UNESCO- UIS, 2015.
2. Комитет по статистике Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stat.gov.kz/>
3. ICEF Monitor. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://monitor.icef.com/>
4. China Power. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://chinapower.csis.org/>
5. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 6 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Социоцентр, 2016. – 408 с.
6. Top Universities. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.topuniversities.com/>
7. Статистика российского образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.edu.ru/reg/>
8. Ministry of education of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://en.moe.gov.cn/>

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МИГРАНТОВ ИЗ КАЗАХСТАНА В РОССИИ

РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН; зав. кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью Российского государственного социального университета, Москва, Россия, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

КАЛИЕВ Талгат Бегимович, кандидат политических наук, директор Научно-исследовательского центра «Молодежь», Астана, Казахстан, e-mail: talgat.kaliyev@gmail.com

АБДРАШИТОВА Айгерим Хасеновна, аспирант, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия, e-mail: abdrashitova.aigerim@mail.ru

Аннотация. В статье авторы, изучая ценностные установки казахстанской молодежи в России, обращают внимание на положительную сторону миграционного процесса. Приезжая в другую страну с целью получить образование, их ценности оказываются под влиянием местной культуры и менталитета. Социологическое исследование с применением метода фокус-группы помогло оценить ценности казахстанской молодежи в России, сопоставить их с ценностями молодых людей на родине; установить, какое представление они имеют о преимуществах зарубежного образования и проживания за границей, с какими проблемами сталкиваются; оценить степень проявления патриотизма. Результаты исследования помогли составить картину о поведении, взглядах и планах на будущее казахстанцев, находящихся в России.

Ключевые слова: миграция, образовательная миграция, ценности, ценностные установки, молодежь.

VALUABLE INSTALLATIONS OF EDUCATIONAL MIGRANTS FROM KAZAKHSTAN IN RUSSIA

Tamara K. ROSTOVSKAYA, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director of Institute of Socio-Political Research of the RAS; head of Social Pedagogy and Organization of Work with Youth Department of the Russian State Social University, Moscow, Russia, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Talgat B. KALIYEV, PhD in Political Sciences, Director of the Research Center «Youth», Astana, Kazakhstan, e-mail: talgat.kaliyev@gmail.com

Aigerim Kh. ABDRASHITOVA, PhD student, Russian State Social University, Moscow, Russia, e-mail: abdrashitova.aigerim@mail.ru

Abstract. In the article, the authors study the value orientations of Kazakhstani youth in Russia, pay attention to the positive side of the migration process. When they come to another country for the purpose of getting an education, their values are influenced by local culture and mentality. A sociological study using the focus group method contributed to assessing the values of Kazakhstan youth in Russia, comparing them with the values of young people in their homeland; to establish what views they have about the superiority of foreign education and residence abroad, what problems they face; assess the degree of manifestation of patriotism. The results of the study helped to make a picture of the behaviors, attitudes and plans for the future of Kazakhstanis in Russia.

Keywords: migration, educational migration, values, values, youth

Миграция – сложный процесс, который имеет как негативный, так и положительный характер. Американский ученый Эверетт С. Ли, изучая факторы миграционного процесса, выделил его социальные причины. Одной из них является образование [1]. По статистике Казахстан занимает лидирующую позицию среди стран, откуда больше всего идет поток образовательных мигрантов в Россию. Сейчас в стране обучается около 70 тысяч казахстанских студентов [2]. Попадая в новую среду, они знакомятся с местной культурой и менталитетом, что чаще всего приводит к трансформации взглядов и жизненных установок. В том числе и ценностных, которым человек следует на протяжении всей жизни. Изучение таких установок молодых людей, оказавшихся за пределами родной страны, дает целостную картину об их интересах, потребностях и способствует эффективности государственной политики.

В. Дильтей, первым обозначив социологическое представление о ценностях, отметил, что они выбирается по принципу полезности; в процессе жизни создаются новые ценности [3]. При таком подходе к ценностям, миграцию следует воспринимать как возможность познать окружающий мир, узнать больше о жизни других народов, испытание способностей и характера на новой территории.

Рассматривать ценности мигрантов интересно с точки зрения теории аккультурации. Его разработал Дж. Берри, профессор психологии Королевского университета Кингстона в Канаде [4]. Согласно его теории, иммигрант, входя в новую культуру, сталкивается с двумя проблемами: в какой степени ему важно сохранить культурную идентичность и в какой степени включаться в новую. На основе ответов ученый выделил четыре стратегии аккультурации. Первое – *ассимиляция*. При нем иммигрант полностью идентифицирует себя с новой средой, культурой и отрицает ту, которой принадлежит с момента рождения. Противоположное значение имеет *сепарация* – иммигрант отрицает культуру страны пребывания и прилагает все усилия, чтобы сохранить собственную. Не идентифицирует себя ни с одной культурой представитель *маргинализации*. В *интеграции* же иммигранту важны одинаково старая и новая культура. Отсюда возникает мультикультурализм.

Исследование индивидуальных ценностей мигрантов провел М. Руднев, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований массового сознания НИУ ВШЭ [5]. Результаты показали, что взаимосвязь индивидуальных ценностей и ценностей родной страны мигрантов не сильнее, чем взаимосвязь с ценностями страны пребывания. Он делает следующие выводы:

- в отличие от ценностей, распространенных на родине, ценности страны проживания ближе к индивидуальным;
 - самовыражение мигрантов более изменчиво, чем базовые ценности.
- На его трансформацию сильное влияние оказывает культура принимающей стороны.

Принимая во внимание выводы ученых, было проведено социологическое исследование ценностей казахстанских образовательных мигрантов в

России. Опрос проводился методом фокус-группы. В нем приняли участие студенты бакалавра и магистратуры вузов г. Москвы, которые приехали из разных регионов Казахстана более двух лет назад. Находясь в Москве, студенты становятся частью наиболее динамичной молодежи, которая реагирует на социальные, политические и культурные изменения.

Главными ценностями жизни респонденты единогласно назвали семью. Следующими идут ценности, касающиеся лично их самих:

– *«Моя семья, вторая на данный момент – профессиональные качества»;*

– *«Для меня главное делать то, что я хочу. Чтобы меня никто не контролировал и я ловил кайф из жизни. И чтобы моим родным людям тоже было хорошо»;*

– *«Самое главное – ценить свою жизнь, то, чем ты занимаешься, как ты дышишь, работаешь. Важны семейные ценности, ценности дружбы. Я считаю, если ты родился в этом мире – это уже ценно. Все, чтобы ты не делал, нужно ценить. У кого-то нет ноги или руки, у кого-то проблемы со здоровьем. Смотря на них, ты просто понимаешь, что для тебя все ценно»;*

– *«Для меня важны семейные, культурные, образовательные, нравственные и духовные ценности».*

Такие ответы образовательных мигрантов практически не отличаются от выбора молодежи, проживающих в Казахстане. По данным Научно-исследовательского центра «Молодежь» за 2017 г., основные ценности молодого поколения можно разделить на четыре условные группы (рис. 1) [6]:

1) ценность принадлежности к определенной социальной группе, например, семье или кругу друзей;

2) ценность здоровья (собственное и близких людей);

3) материальные ценности (высокий доход, карьера, положение в обществе);

4) ценности самореализации (получение образования, власть).

М. Вебер описывает ценность как «свойственное эпохе направление интереса», как исторически изменчивую [4]. Опираясь на это определение, был задан вопрос об изменении ценностных установок под влиянием окружающей среды. Половина опрошенных ощутили изменения в положительную сторону: стали более открытыми, легче находят общий язык с людьми. Другая часть считает, что даже после длительного проживания за рубежом, все осталось по-прежнему. Одна из причин – общее информационное пространство. Один респондент хоть и не почувствовал особых изменений в ценностях, все же отметил влияния на характер проживания в Москве: *«Я скорее ощущаю, что должен намного упорнее, быстрее двигаться. Потому что в этом городе много конкуренции. Если в своем родном городе в Казахстане я мог особо не напрягаться, то здесь гораздо больше конкуренции и спроса на то, что я делаю. Это очень сильно тебя развивает как личность. Пребывание в таком городе – огромная закалка. Здесь я могу быть сильнее, чем на родине».*

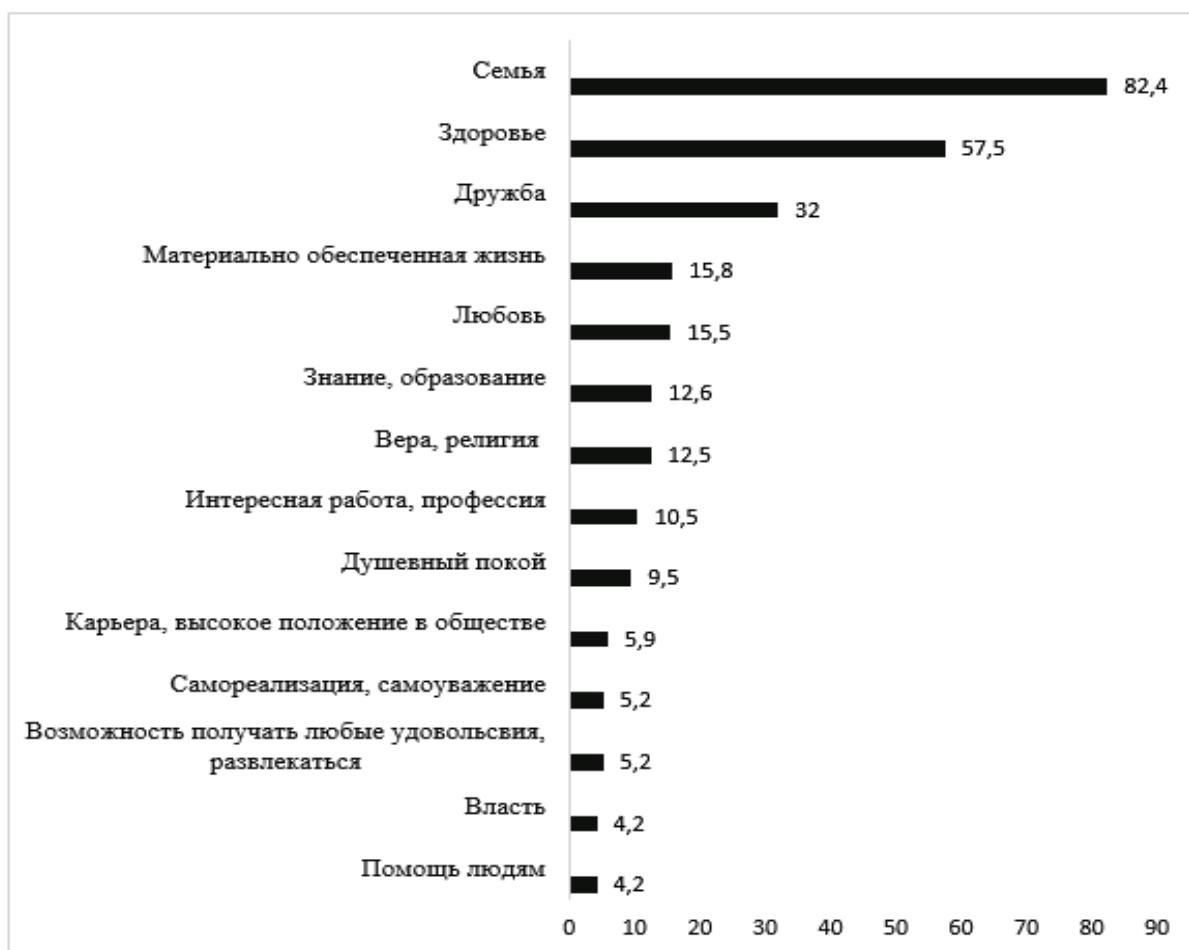

Рис. 1. Степень важности основных жизненных ценностей молодежи Казахстана [7].

Опрошенные поделились мнением о возможностях, которые были бы для них менее, если бы они обучались в Казахстане. По их мнению, они появились благодаря «европейской свободе мысли», «отсутствию деления по цвету кожи и религии», «продуманного социального обеспечения», «отсутствию азиатского менталитета «что о тебе подумают родные», «уют болады» (будет стыдно), «люди здесь в целом свободнее, свободомыслящие», «люди всегда развиваются». Казахстанские студенты здраво рассуждают о том, что всё зависит в первую очередь от самого человека: «перед тобой двери могут как открыться, так и закрыться», «все зависит от человека, от того, как он мир видит, слышит, живет в нем».

Обучаясь в российском вузе, по мнению одного респондента, можно заранее решить вопрос с трудоустройством: «В России компании хорошо понимают, что обучив студента, можно быстро и дешевле получить лояльного и профессионального сотрудника. И они открывают школы, курсы внутри вуза, берут на стажировки студентов. В российских вузах нередко преподают инженеры. И конечно же, университетская база и большой спрос к кадрам дает студенту больше возможностей».

Но одновременно с новыми перспективами, казахстанские студенты сталкиваются с некоторыми трудностями. Это проявляется в поиске времен-

ной работы (подработка в свободное от учебы время), различии менталитета, иногда ощущается дискриминация. Они полагают, что казахстанцам намного легче в России, нежели если бы они находились в более дальних странах: *«Если честно, в этой стране нам не трудно. Благодаря ЕАЭС, договорам между нашими странами мы можем, как и россияне, учиться, работать, получать те же услуги, что и они. Может жизнь дороже. Только это вызывает проблему».*

Еще один немаловажный вопрос касался чувства патриотизма. Результаты показали положительную динамику в сторону увеличения патриотического настроения. Студенты четко осознают, что они являются носителями своей культуры, традиции и обычаев и стараются их продемонстрировать. Также стараются оставаться в курсе событий, происходящих в стране:

– *«Теперь я все время слежу за новостями в Казахстане, болею за выходцев из Казахстана в каком бы то ни было направлении. И начал даже интересоваться традициями. Но это возможно от возраста зависит. Так что это не точно»;*

– *«Патриотизма стало больше. Скучаю по родине, участвую в различных мероприятиях, где есть казахская культура. Так я поддерживаю казахскую культуру. Приобщаю к ней своих знакомых и друзей»;*

– *«Когда я только приехал учиться, все о Казахстане рассказывал. Мол, я патриот. Но со временем я понял, что патриотизм можно показать не таким образом. Не громкими словами бросаться, а делами показывать. Я, как профессиональный музыкант, часто выступаю на разных мероприятиях. В национальном костюме играю на домбре. Показываю казахские традиции и обычаи. В таких случаях я испытываю гордость. Потому что я представляю свой народ, свою страну. Ведь после моего выступления, люди больше узнали о Казахстане. Для меня это патриотизм. Вот это я считаю самым главным».*

Другой позиции к патриотизму придерживается всего один респондент: *«На самом деле у меня никогда не было патриотизма. Ни к Казахстану, ни к России. Мне просто нравится история этих стран, культура. Конечно, выезжая в другую страну, ты понимаешь насколько крутая, великая культура в стране, из которой ты уехал. Все люди начинают это понимать, когда уезжают. Я не считаю это чем-то плохим. Ты понимаешь насколько крута та или иная вещь, когда ее лишаешься».*

Планы на будущее у участников фокус-группы разные: кто-то еще не определился где и чем будет заниматься, кто-то планирует работать по специальности на родине. Не исключают возможности трудоустроиться в Посольстве РК в России или уехать дальше, в другую страну:

– *«Мне еще больше двух лет учиться. Я хочу продвигаться как музыкант. Должен представлять свою страну песнями, традициями, обычаями, громкими победами в конкурсах. Через два года будет точно известно. Может домой вернусь, может буду при Посольстве работать. Жизнь не предсказуема»;*

– «Я собираюсь снимать и развивать кино. Заниматься созданием роликов, клипов. Мне все равно, где находиться. На самом деле я бы хотел продвигаться дальше. Я не уезжал из Казахстана с мыслью, что я «свалил». У меня просто ощущение, что нужно двигаться дальше. Я много поработал в Казахстане. Теперь я хочу открыть для себя Россию. А там может Европа, дальше Штаты. Все покажет то, как я буду стараться, работать. Собираюсь просто идти вперед. Я не хочу нигде подолгу оставаться. Нахождение в одном месте в течение 5 лет вызывает деградацию. С такой мыслью я живу».

В Москве казахстанская молодежь находится в постоянном контакте друг с другом. Многие, приезжая в город, первым делом находят сообщества в социальных сетях. Вконтакте на страницу Объединения казахстанских студентов в России «Жас тулпар» подписано около 4 тыс. казахстанцев. Так они всегда в курсе актуальных новостей из страны и касающихся их жизни в России, узнают о мероприятиях, встречах. Более неформальное общение установлено в группе «Казахи в Москве», где пользователи сети обмениваются советами, делятся впечатлениями. В консолидации казахстанской молодежи играет немаловажную роль Региональная общественная организация Московское общество казахской культуры «Мурагер».

Ценностные установки казахстанских мигрантов в России носят позитивный характер. В них доминируют традиционные ценности. Но в тоже время более четко выделяются личные (самореализация, профессиональный рост).

В Казахстане государственной программой «Рухани Жангыру» определены основные направления модернизации сознания населения, в особенности молодежи. К ним относятся конкурентоспособность, прагматизм, сохранение национальной идентичности, культ знания, открытость сознание и эволюционное развитие страны. Результаты исследования показали, что даже находясь за рубежом вне влияния мероприятия и программ, проводимого государством, молодежь приобретает эти качества. Здесь важно суметь направить их в пользу страны.

Существенно активизировался выезд казахстанской молодежи с учебными и трудовыми целями в различные страны мира. Сегодня молодые люди выезжают практически во все регионы и страны мира – их значительное количество выезжает в Российскую Федерацию, США, Китай и в прочие страны.

Студенческая миграция – это перемещение студентов, которые обучаются за пределами своей родины или страны, гражданами которой они являются, на период более 12 месяцев. В эпоху глобализации высшее образование в значительной степени интернационализировалось и стало развиваться на рыночных основах.

По результатам социологического исследования «Изучение готовности молодежи к трудовой и учебной миграции» каждый пятый опрошенный отметил, что ездил в другую страну для обучения (высшее образование).

Интересным для анализа является корреляция между причинами пребывания за границей и гендерной принадлежностью опрошенных. Так, едут получать зарубежное высшее образование больше молодые мужчины, чем молодые женщины (21,1% против 16,8%).

Каждый десятый собирается за границу для того, чтобы получить качественное образование.

Корреляционный анализ по принципу уровня образования показал, что не видят перспектив и профессионального роста в Казахстане опрошенные, обладающие научной/академической степенью разного калибра (10,5%).

Получить качественное образование за границей намерен почти каждый пятый респондент с неполным средним образованием (17,3%).

Одним из распространенных видов социальных перемещений молодежи в современном мире является учебная и образовательная миграция. Эксперты разграничивают понятия «учебная миграция» и «образовательная миграция», рассматривая последнее как более широкое, поскольку образовательная миграция охватывает как поездки связанные с удовлетворением потребности в получении образования и повышении уровня квалификации, так и разнообразные стажировки, дополнительное образование, курсы и другие формы повышения квалификации. В настоящем исследовании мы не ставили задачи делать акцент на учебных или образовательных мотивах респондентов точно, поэтому анализируя ситуацию, апеллируем данными понятиями как тождественными.

С каждым годом процесс образовательной миграции набирает обороты, вовлекая в международные миграционные потоки всё большее число студентов по всему миру.

В рамках настоящего социологического проекта одной из задач исследования являлось изучение отношения молодых казахстанцев к феномену учебной (образовательной) миграции. Для этого респондентам был задан вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к тому, что молодые казахстанцы уезжают учиться/ получать образование из Казахстана в другие страны?».

Результаты опроса демонстрируют положительное отношение респондентов к данному явлению. Так, суммарный показатель ответов «положительно» и «скорее положительно» составил 61%. Лояльностью отношения к образовательной миграции отличился почти каждый пятый молодой человек (18%). Не принимают и не понимают смысла учиться за пределами Казахстана каждый десятый опрошенный (суммарный показатель) (рис. 2).

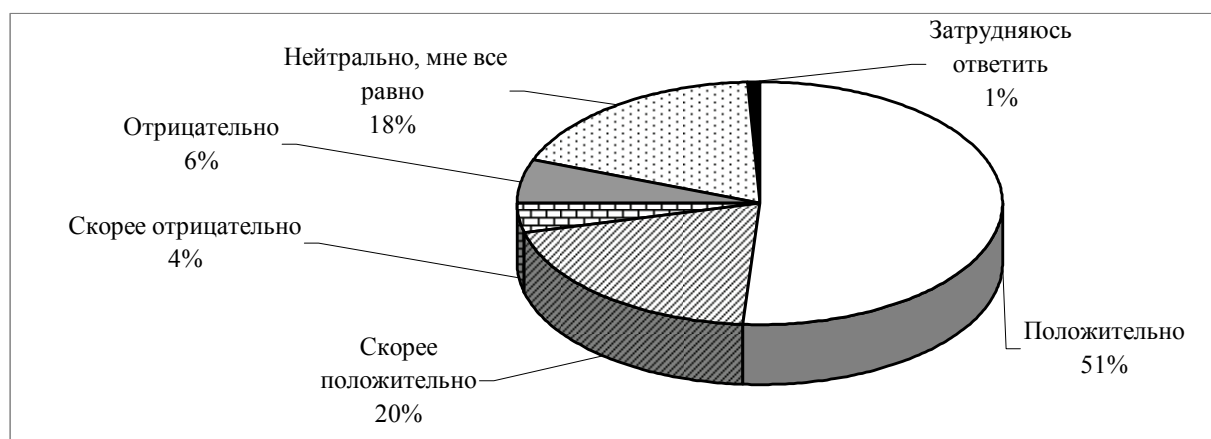

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к тому, что молодые казахстанцы уезжают учиться/ получать образование из Казахстана в другие страны?», %

В дальнейшем, исследовательская группа решила определить вектор направленности учебной миграции среди казахстанской молодежи. Большинство опрошенных предпочитает казахстанское образование. Этот момент, соответственно, отразился и в данном вопросе. 44,2% ответивших выбирают образовательные учреждения Казахстана. Далее лидером в образовательных предпочтениях молодых граждан выступает образование в США – 15,8%. Почти такое же соотношение молодых людей выбирает для обучения европейские страны – 15,5%. И замыкает четверку лидеров учебные учреждения Российской Федерации (10,6%). Примечательным является возрастание интереса молодых жителей страны к обучению в Китае и Турции (4,8% и 4,2% соответственно) (табл. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Где бы Вы хотели получить высшее образование? Если у Вас уже есть высшее образование, тогда где бы Вы хотели получить высшее образование, если бы Вам дали еще одну возможность?», %

Ответ на вопрос	%
Образование в Европе	15,5
Образование в США	15,8
Образование в Китае	4,8
Образование в Турции	4,2
Образование в России	10,6
Казахстанское образование	44,2
Италия	0,1
Южная Корея	0,3
Япония	0,1
Нигде	0,1
Затрудняюсь ответить	3,8

Поехать учиться в Россию посоветовал бы каждый десятый респондент (рис. 3).

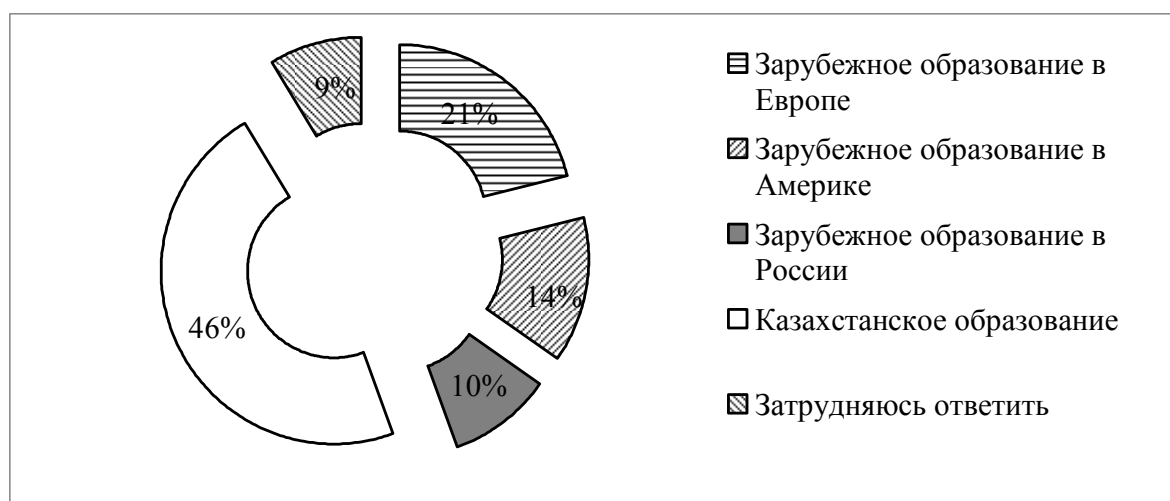

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Где бы Вы хотели, чтобы Ваши дети получали высшее образование? Если у Вас сейчас нет детей, то представьте, где бы Вы хотели, чтобы они учились, когда они у Вас будут?», %

**Распределение ответов на вопрос:
«В какой ВУЗ Вы хотели бы поступить?», %**

Ответ на вопрос	%
Гарвардский университет (США)	11,2
Йельский университет (США)	3,1
Массачусетский технологический университет (США)	3,1
Оксфордский университет (Великобритания)	9
Кембриджский университет (Великобритания)	9,3
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)	5,5
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)	3,8
Евразийский Национальный университет имени Л.Н.Гумилева (Казахстан)	7,8
Казахский Национальный университет имени аль-Фараби (Казахстан)	9,9
Медицинский университет Астана (Казахстан)	5,6
Назарбаев Университет (Казахстан)	16,5
Я уже имею высшее/послевузовское образование	8,4
Затрудняюсь ответить	20

В качестве заключительного вопроса касательно отношения к учебной миграции, молодежи был задан вопрос о причинах обучения за рубежом. Причинный ряд возглавляет фактор важности качества образования, этот вариант ответа отметили 36% опрошенных. Далее респонденты указали, что хотят учиться за границей, так как желают «повидать мир, расширить кругозор» (26,1%). Каждый пятый молодой житель страны считает зарубежное образование престижным. Рейтинг продолжает причина «с целью дальнейшего трудоустройства и проживания» с показателем 7,4%. И замыкает пятерку факторов-лидеров лучшая техническая и компьютерная оснащенность кабинетов, корпусов и лабораторий (6,4%) (табл. 3).

Анализ данных в разрезе гендерной принадлежности, с одной стороны подтвердил вышеприведенные выводы о предпочтении отечественного образования чаще молодыми мужчинами (40,7%), чем молодыми женщинами (33,8%). Девушки выбирают зарубежное образование чаще, чем юноши по причинам качества (38,3% против 33,8 соответственно), престижности (21% против 19,7% соответственно) и возможности дополнительно изучать языки (11,2% против 6,8% соответственно) (табл. 4).

Анализ данных в разрезе различных возрастных групп показал, что представители возрастной группы 14–18 лет больше остальных желают выехать учиться за границей с ориентацией дальнейшего трудоустройства. Эта же группа в процентном соотношении больше остальных считает, что качество образования за пределами Казахстана выше, чем в пределах страны. Что касается второй возрастной группы 19–23 лет, то они предпочитают зарубежное образование казахстанскому, так как параллельно можно удовлетворить туристические потребности и изучить иностранные языки. Представителей старшей возрастной группы 24–29 лет можно охарактеризовать патриотами,

так как именно они в своем большинстве выступают за отечественные учебные заведения (41,6% против 33,6% (19–23 лет) и против 33,3% (14–18 лет) соответственно) (табл. 5).

Таблица 3.

**Распределение ответов на вопрос:
«Почему Вы хотели бы учиться за рубежом?», %**

Ответ на вопрос	%
Получить качественное образование	36
Получить престижное образование	20,3
Повидать мир, расширить кругозор	26,1
Наличие комфортных общежитий	1,4
Высокая стипендия	5,2
Представительные учебные корпуса	0,8
Лучшая техническая, компьютерная оснащенность корпусов, кабинетов и лабораторий	6,4
С целью дальнейшего трудоустройства и проживания	7,4
Дополнительно изучать языки	9
Несоответствие моего менталитета с местным населением	0,8
Более упрощенные процедуры поступления/зачисления в университет, институт	1,8
Бесплатное образование	3,9
Я за казахстанское образование, не хочу учиться за рубежом	37,2
Раньше жил там	0,01
Затрудняюсь ответить	2,3

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы хотели бы учиться за рубежом?» (в гендерном разрезе), %

Ответ на вопрос	Мужской	Женский
Получить качественное образование	33,8	38,3
Получить престижное образование	19,7	21
Повидать мир, расширить кругозор	24,9	27,3
Наличие комфортных общежитий	1,2	1,7
Высокая стипендия	4,7	5,7
Представительные учебные корпуса	1	0,7
Лучшая техническая, компьютерная оснащенность корпусов, кабинетов и лабораторий	6,3	6,6
С целью дальнейшего трудоустройства и проживания	7,2	7,6
Дополнительно изучать языки	6,8	11,2
Несоответствие моего менталитета с местным населением	0,5	1,1
Более упрощенные процедуры поступления/зачисления в университет, институт	1,5	2,1
Бесплатное образование	3,9	4
Я за казахстанское образование, не хочу учиться за рубежом	40,7	33,8
Раньше жил там	0,1	0
Затрудняюсь ответить	2,4	2,3

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы хотели бы учиться за рубежом?» (в возрастном разрезе), %

Ответ на вопрос	14–18 лет	19–23 лет	24–29 лет
Получить качественное образование	38,8	36,2	34,5
Получить престижное образование	20,7	21	19,7
Повидать мир, расширить кругозор	24,3	29,3	24,9
Наличие комфортных общежитий	1,3	2,5	0,9
Высокая стипендия	5,1	6,3	4,7
Представительные учебные корпуса	0,6	0,8	1
Лучшая техническая, компьютерная оснащённость корпусов, кабинетов и лабораторий	8,2	8,6	4,1
С целью дальнейшего трудоустройства и проживания	8,6	6,9	7
Дополнительно изучать языки	9,3	10,1	8,1
Несоответствие моего менталитета с местным населением	1,5	0,7	0,5
Более упрощенные процедуры поступления/зачисления в университет, институт	3	2	1,1
Бесплатное образование	5,3	3	3,9
Я за казахстанское образование, не хочу учиться за рубежом	33,3	33,6	41,6
Раньше жил там	0	0	0,1
Затрудняюсь ответить	3,4	1,8	2,2

Отношение к миграционному процессу и самим мигрантам в мире больше носит отрицательный характер. Оно воспринимается как угроза, создающая проблемы местному населению и государству. Но в тоже время стоит обратить внимание на другой социальный характер процесса. Ведь у мигрантов помимо политических и экономических соображений, имеются и другие предпосылки для переезда в другую страну. В мире, в котором границы между странами с каждым годом становятся размытыми, подобные изменения происходят и в сознании людей. Сегодня мобильность и быстрая адаптация позволяет открывать для себя двери в ранее незнакомую культуру и расширить свои возможности, достичь большего успеха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Яковлева Е.Б. Западные теории внешней трудовой миграции (критический анализ на основе европейских и российских реалий). Проблемы современной экономики, N 1 (61), 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5982>
2. О казахстанском студенчестве в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kazembassy.ru/rus/studenty/vuzy/>
3. Таланова К.А. Теории ценностей в классической и современной социологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46824/1/klo_2017_070.pdf

4. Дж. Берри. Аккультурация и адаптация иммигрантской молодёжи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/ma/socpsy/news/51883820.html>
5. Селина М.В. Принимающая страна влияет на ценности мигрантов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177666303.html>
6. Ростовская Т.К., Калиев Т.Б. Мир ценностей молодого поколения россиян и казахстанцев. Ценности и смыслы. 2018, № 1 (53). С. 84.
7. Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2017». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eljastary.kz/articles/14/0>
8. Изучение готовности молодежи к трудовой и учебной миграции/ А.Г. Киалбекова, Р.Р. Аюпова – Астана: НИЦ «Молодежь», 2017. – 94 с.

INTERNATIONAL STUDENT MIGRATION FROM KAZAKHSTAN TO THE US: NEW RESEARCH AGENDA

Gaukhar M. BALTABAYEVA, Master's student at MA in Eurasian Studies program, School of Humanities and Social Sciences, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan, e-mail: gaukhar.baltabayeva@nu.edu.kz

Abstract. The article illustrates the topicality of the field of international student migration and presents the research design and preliminary results of the study in the process which aims to address the questions related to international student migration from Kazakhstan to the US. It suggests that Kazakhstan – the United States case can be representative of developing – developed country migration and proposes some directions for future research.

Keywords: Kazakhstan, USA, international student migration, higher education.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КАЗАХСТАНА В США: НОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

БАЛТАБАЕВА Гаухар М., магистрант магистерской программы Евразийских исследований, Школа гуманитарных и социальных наук, Назарбаев Университет, Астана, Казахстан, e-mail: gaukhar.baltabayeva@nu.edu.kz

Аннотация. В статье анализируется актуальность исследований в области международной студенческой миграции. В работе представлены предварительные результаты исследования, направленного на решение вопросов, связанных со студенческой миграцией из Казахстана в США. Показывается, что опыт студенческой миграции Казахстан – США может быть полезным для применения в развивающихся странах. Формулируются некоторые направления будущих исследований.

Ключевые слова: Казахстан, США, международная студенческая миграция, высшее образование.

In the global context of internationalization of higher education, many actors strive to benefit from this trend. On the one hand, higher education institutions worldwide, which are massively involved in the marketization of education services, attract students both locally and internationally. Moreover, the recruitment of international students as full fee-paying students has become a surviving strategy to compensate decreased public revenue for many universities [1]. On the other hand, these days, more young individuals consider the opportunity to study abroad for various reasons. In addition, some nation-states, especially those who have been experiencing the post-transition economy, sponsor their citizens to study in foreign higher education institutions, assuming that knowledge and skills acquired abroad will lead to a greater economic gain and social change upon the return of sponsorship recipients. As a result, this in sum greatly facilitates international student flows.

Since the first days of its independence, Kazakhstan has experienced radical changes in all spheres of life, which required highly-qualified staff for newly emerged economic, political, and industrial fields. Assuming that the Kazakhstanis educated abroad will positively contribute to the development of the nation, a state program ‘Bolashak’ started operating in 1993 [2]. The US universities were prioritized since the first years of Bolashak program along with higher education institutions in Great Britain, Germany, and France. It was only during the subsequent years of the program implementation when the geography was expanded up to 33 countries in Europe and South East Asia [3]. According to the report provided by the Embassy of the US in Kazakhstan, 2,315 Kazakhstani students completed a course of study in the United States. Currently, 358 Bolashak scholars are studying in U.S. institutions of higher learning [4]. In addition, a year before, there were 2,000 self-funded students from well-off families who pursued an academic degree in the United States [5]. Apart from illustrating the number of US-educated Kazakhstanis, these numbers can also suggest a pool of students who could potentially decide to stay in the US or migrate there. Moreover, as there are about 26,000 Kazakhstani citizens who currently reside in the United States [4], migration to this country is not a new phenomenon. Yet, the questions why young individuals choose the US universities, whether they intend to stay there after completing their studies or return immediately to Kazakhstan, what are the factors that influence their decision-making were not systematically investigated. Therefore, the purpose of this paper is to present the preliminary results of the study in process which aims to address some of the questions listed above and propose some directions for future research on international student migration.

Note on terminology. Although the term ‘educational migration’ is used in some literature, it focuses only on those migrants for whom education was a primary motive for a move. As there are cases when education was used as part of broader migration plans [6, 7], this particular term becomes insufficient.

Student mobility is another term which appears in the literature. Moreover, two types of students mobility are distinguished – degree mobility and credit mobility, depending on the type of program completed during the period of studies. Thus, degree mobility is used to define student mobility for the period of the entire degree program (undergraduate, graduate, or Ph.D.) and credit mobility is used to define short-term studies with only credits earned after successful completion but not a diploma. Supposedly, the term mobility, in contrast to migration, implies the high probability of return. However, completion of a degree abroad does not necessarily mean the immediate return to an origin country as well as the term migration does not mean the non-return [8]. Nevertheless, I would prefer the term international student migration, as it has a greater potential to designate the complex process I describe below.

Research design. To find out why Kazakhstani students might decide to migrate to the US after completing their academic studies and what are the factors that are important for them in decision-making, it was important to contrast experiences, thoughts, and opinions as well as possibilities and obligations of those who stayed in the US after studies and those who returned back to Kazakhstan.

In addition to this, inquiring about the intentions of current Kazakhstani students in the US universities had a potential to shed more light on whether education serves as a migration strategy for international students and whether it provides more possibilities or restrictions in the transition process from international student to foreign worker. Thus, the sample population for the research included three groups of respondents – Kazakhstanis who graduated from US universities and stayed afterwards in the US; Kazakhstanis who are studying in the US higher education institutions; and Kazakhstanis who returned back to their origin country upon completion of their university studies in the US.

As the majority of the participants were in the US at the time of data collection, they were recruited with help of snowballing and social media recruitment (Facebook, Instagram). The potential participants were invited to take part in an online interview via either Whatsapp, Skype, or Facebook and were given a choice between audio or video conversation. However, there were some difficulties associated with the ‘online’ field. First of all, social media recruitment required a lot of time surfing the Internet and getting access to closed Facebook or Instagram profiles. Second, is the issue of trust building which could explain the fact that many invitations were left without reply. In contrast, the snowballing method was quite fruitful. However, this strategy revealed its limitations as well: most of the participants were quite young (22–30 years old) and the group of returnees was composed solely of those who studied in the US under ‘Bolashak’ sponsorship program.

Thus, during four months-period (June – September, 2018), 39 online semi-structured interviews (40 to 80 minutes in length) comprised the primary data for the research.

Preliminary findings: Why study in the US? Quality of education. Most of the participants consulted general and major-specific world ranking of universities and found out that most of the American universities occupied the leading positions, which was significant for them while choosing. Also, there were many US universities in Bolashak’s ‘List of Recommended Universities’ since the program coordinators relied on universities ranking as well. In general, education in the US, especially in the country’s top schools, is seen as an exceptional opportunity to develop professionally, as there are favorable conditions for research – adequate research infrastructure, stable financing, and appropriate academic environment. As some participants tended to talk in terms of push and pull, US higher education was often opposed to higher education in Kazakhstan. The primary push factor for pursuing a degree abroad was the lack of facilities for the acquisition of specific majors in local universities.

Prestige. A diploma from a US university is believed to be prestigious because of the high costs. This, supposedly, increases the competitiveness in an international job market, especially in the academia. Also, those who returned to Kazakhstan reported on their employers’ perception of an American degree as being uncorrupted and as a proof of English language proficiency.

Education as an entry into the country. Most of the participants admitted that without a degree from an American higher education institution, one has no opportunities to stay in the country and enter its labor force. A particular opportu-

nity is provided by the education system itself – every international student has a right for optional practical training for 12 months (can be extended for 36 months for STEM majors). Moreover, any practical training could evolve into a job offer and ensure a longer stay in the country.

Preliminary findings: Why stay in the US? Most of the participants mentioned freedom, human rights, developed infrastructure, more jobs, and higher standards of living, higher salaries, comfortable work conditions, technologies, cultural events, climate, and polite people as attractive for them in the US. Moreover, these things were often reported as lacking in Kazakhstan. The study at this stay reveals that the source of finance and family obligations are important in framing the opportunities and inclinations to stay in the US. For instance, those who financed their studies privately stayed in the US, in contrast, those who returned back went under Bolashak sponsorship program. However, this is not to say that Bolashak grantees do not, in general, have inclinations to stay.

Preliminary findings: Who goes? Those who went to the US to study have different backgrounds. In an attempt to identify what kind of people go to the US to study, it seems important to look at the cultural background of the participants. Most of them visited the US and other countries before they went to studies; learned English intensively in secondary schools, had high academic performance in prior academic institutions. In addition, almost all the participants were influenced by the American media culture; preferred American movies, cartoons, and TV shows, listened to American pop music, admired American actors and performers. Thus, many dreamed of traveling to the US. Some ‘Bolashak’ scholarship recipients chose the US as the destination for their studies because of the high traveling costs, compared to the European countries which they estimated to be affordable for them to travel independently. Those who financed their studies privately come from urban areas, cities such as Almaty, Astana, and Shymkent.

Apart from, what I preliminarily call cultural background, the family background also seems significant. Almost all of the participants were Kazakh, except one man who was half Turkish and half Russian.

Most come from families with more than one child. Parents of private students encouraged their children to go abroad for studies and encouraged them to stay in the country post-graduation. In some cases the education in the US of one child was planned as a ‘family project’ – gradual migration of the whole family to the US.

Future research. The presented research has a potential to reveal more findings which could explain the migration decisions of young Kazakhstanis who experienced education abroad. The analysis of the data can be done using different perspectives – immigration policies perspectives, brain drain/gain/circulation, transnationalism, national identity, and diaspora. As, international student migration involves a distinct type of population – young mobile educated people, it presents a unique phenomenon which deserves a substantial academic inquiry. The case of Kazakhstan can be representative of other developing countries with post-transition economies, and the US can be representative of other popular student destination countries such as the UK, Canada, and Australia.

REFERENCES AND SOURCES

1. Hawthorne, L. Designer immigrants?: International Students and Two-Step Migration / In: “The SAGE handbook of international higher education”. Ed. D. K. Deardorff, H. d. Wit & J. D. Heyl. Thousand Oaks, CA: «SAGE Publications, Inc.», 2012 – pp. 417–436
2. Holloway, S. L., O’Hara, S. L., & Pimlott-Wilson, H. Educational Mobility and the Gendered Geography of Cultural Capital: the Case of International Student Flows between Central Asia and the UK / In: “Environment & Planning A”, 2012, Volume 44, No 9, P. 2278.
3. Center for International Programs: History of the program [Electronic resource]. Access mode: <https://www.bolashak.gov.kz/en/o-stipendii/istoriya-razvitiya.html>
4. US Embassy & Consulate in Kazakhstan. Fact Sheet: The United States and Kazakhstan – An Economic Partnership for the 21st Century. [Electronic resource]. Access mode: <https://kz.usembassy.gov/fact-sheet-us-kz-economic-partnership-21st-century/>
5. OECD. Higher Education in Kazakhstan 2017. OECD Publishing. [Electronic resource]. Access mode: <https://doi.org/10.1787/9789264268531-en>
6. Brooks, R., & Waters, J. L. Student mobilities, migration and the internationalization of higher education. – Basingstoke, [England]; New York: “Palgrave Macmillan”, 2011 – 196 p.
7. Robertson, S. Transnational student-migrants and the state: the education-migration nexus. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire, England: “Palgrave Macmillan”, 2013 – 202p.
8. King, R., Findlay, A., & Ahrens, J. International Student Mobility Literature Review. Project Report. Higher Education Funding Council for England (HEFCE), Bristol, 2010.

Раздел 3

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ В ЕАЭС

Section 3

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPHERE OF MIGRATION MANAGEMENT IN EAEU COUNTRIES

КАЗАХСТАН И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАМКАХ ЕАЭС: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ДЕЛОВАРОВА Лейла Федоровна, доктор PhD, и.о. доцента кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: delovarova@mail.ru

Аннотация. Глобальная и региональная мобильность населения стала важной составляющей современных международных отношений. Миграционные процессы на Евразийском пространстве приобретают все большую актуальность в контексте современных геополитических и гео-экономических реалий. Существенную роль в данных процессах приобретает Казахстан, который в 21 веке в большей степени ассоциируется в качестве страны-реципиента мигрантов, являясь одновременно крупным транзитным коридором и страной-донором.

Ключевые слова: Казахстан, миграция, демография, Евразийский экономический союз, региональное сотрудничество.

KAZAKHSTAN AND MIGRATION PROCESSES WITHIN THE EEU FRAMEWORK: KEY ASPECTS, PROBLEMS AND PROSPECTS

Leila F. DELOVAROVA, PhD in International Relations, acting Associated Professor of International Relations and World Economy Chair, al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: delovarova@mail.ru

Abstract. Global and regional mobility of the population has become an important component of modern international relations. Migration processes on the Eurasian space are becoming increasingly relevant in the context of modern geopolitical and geo-economic realities. Kazakhstan plays an important role in these processes and in the 21st century it is more associated as a recipient country for migrants, being both a major transit corridor and a sending country.

Keywords: Kazakhstan, Migration, Demography, Eurasian Economic Union, Regional Cooperation.

Развитие интеграционных процессов на Евразийском пространстве и начало функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является следствием многолетнего сотрудничества стран инициаторов и основателей Союза. ЕАЭС, учрежденный Договором о Евразийском экономическом союзе, подписанным 29 мая 2014 года в Астане для укрепления экономик стран-участниц и интеграции, для модернизации и повышения конкурентоспособности стран-участниц на мировом рынке, определил создание единого рынка в качестве одного из приоритетов [1]. Мобильность трудящихся в рамках Союза является важной составляющей, как на национальном, так и на международном уровне. Развитие сотрудничества в области регулирования миграцион-

ных процессов в формате ЕАЭС имеет значительный потенциал и реальные перспективы. Наряду с этим имеется целый ряд сложностей и проблем, решение которых требует комплексного и многоуровневого подхода. Одним из ключевых аспектов, представляется развитие академических исследований, направленных на анализ миграционных профайлов стран-участниц Евразийского экономического союза с акцентом на оценку регионального потенциала для сотрудничества.

Основные аспекты миграционной политики и демографического развития Республики Казахстан. Казахстан является активным инициатором создания Евразийского экономического союза и на постоянной основе поддерживает совершенствование работы Союза, в том числе и сфере развития общего миграционного законодательства и регулирования миграционных процессов.

Необходимо отметить, что для Казахстана демографический аспект и миграционная проблематика является стратегическим направлением, как в контексте внутреннего развития, так и в контексте регионального, международного сотрудничества и содействия международной стабильности и безопасности, а также в реализации задачи вхождения в число 30 наиболее развитых стран мира. Более того, *одним из приоритетных направлений и задач внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 г.г.* является расценивание Евразийской экономической интеграции в качестве одного из действенных способов продвижения страны на устойчивые позиции в системе мирохозяйственных связей [2].

Приоритетные направления миграционной политики закреплены основным законом и в рамках стратегии развития «Казахстан-2050», определяющей *глобальный демографический дисбаланс* в качестве второго из Десяти глобальных вызовов XXI века и актуализирующей проблемы устойчивости миграционных процессов [3]. Наряду с этим, в сентябре текущего года утверждена *Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы* [4]. Концепция определяет стратегические цели, задачи и направления миграционной политики Республики Казахстан во взаимосвязи с ожидаемыми перспективами экономического, социального и демографического развития Республики Казахстан, внешней политикой, интеграционными процессами в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и общемировыми тенденциями глобализации. Согласно концепции, Республика Казахстан придерживается стратегии временной миграции по вовлечению иностранных работников, оптимального расселения населения по территории страны, а также долгосрочной постоянной миграции по отношению к этническим репатриантам, прибывающим в Республику Казахстан.

В качестве основных внутренних вызовов концепция выделяет избыток рабочей силы с низкой квалификацией и дефицит квалифицированных кадров в отдельных секторах экономики из-за невысокого уровня образования. Следует также отметить перенаселенность крупнейших городов и отдельных территорий. В документе отмечается, что высокая рождаемость в южных регионах, избыток рабочей силы и расселение этнических мигрантов в густо-

населенных регионах становятся очагом социальной напряженности. Вместе с этим, обезлюживание приграничных территорий и сокращение численности населения, особенно трудоспособного возраста, в северных регионах в будущем приведут к сложностям обеспечения их экономического роста и в целом повлияют на национальную безопасность страны.

Что касается внешних вызовов, то в Концепции выделяется следующее: риск роста рабочей силы с низкой квалификацией за счет ожидаемого притока, прежде всего, трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, риск роста оттока квалифицированных кадров и талантливой молодежи, а также попадание в страну с потоками миграции деструктивных элементов. В качестве вывода отмечается, что обозначенные вызовы требуют формирования новой миграционной политики, поддерживающей три стратегических направления:

- временной миграции для привлечения иностранных работников в отдельные сектора экономики или конкретные приоритетные проекты;
- долгосрочной миграции для привлечения квалифицированных иностранных работников на долгосрочные проекты, направленные на внедрение новых инноваций, повышение предприимчивости и развитие человеческого капитала;
- реализации общенациональной программы повышения квалификации.

Данные направления признаются взаимосвязанными и реализация их будет происходить, обеспечивая системность миграционной политики [4]. Примечательно, что в определении дальнейшего развития миграционной политики планируется использовать опыт стран ОЭСР, где преимущественно применяется долгосрочная миграция высококвалифицированных мигрантов [5]. Подобный подход определяет уверенный курс государства направленный на устойчивость миграционных подходов и инновационное развитие в целом.

Представляется очевидным, что политика внешней трудовой миграции будет строиться на избирательной трудовой миграции с предоставлением преимуществ высокообразованным кадрам и ограничением приема неквалифицированных трудовых мигрантов.

При сохранении действующей квоты привлечения иностранных квалифицированных специалистов будут внесены изменения в механизм выдачи разрешений на трудовую деятельность иностранных работников в Республике Казахстан. Квота на привлечение ИРС на 2017 г. была утверждена по видам экономической деятельности в размере 0,6% к рабочей силе, что составляет 54,1 тыс. единиц [6].

По состоянию на 1 апреля 2017 г. по разрешениям местных исполнительных органов на территории Республики Казахстан осуществляли трудовую деятельность 28842 иностранных граждан в соответствии с определенными категориями. При этом странами исхода являются преимущественно страны дальнего зарубежья, включая Турцию, Китай, Великобританию и Индию, из стран ближнего зарубежья – Узбекистан [6]. Предусматривается, что в новых условиях квота будет формироваться не только с учетом потребностей

работодателей, но и в соответствии с установленными показателями социально-экономического развития регионов, региональных квот внутренних переселенцев и приема оралманов. Квалифицированные иностранные специалисты будут привлекаться на основании разрешений на работу. Данный процесс будет также дифференцирован в соответствии с квалификацией мигрантов.

Концепция миграционной политики охватывает все основные направления в данной сфере, вызовы и риски для Казахстана, в то же время необходим комплексный и более диверсифицированный подход.

Концепция упоминает интеграционные процессы в рамках ЕАЭС, однако не содержит конкретных положений относительно миграционной политики и мигрантов из стран-членов Союза, ссылаясь на национальный режим, предусмотренный договором о Евразийском экономическом союзе [1]. В то же время, предполагается, что из стран Союза ожидаются потоки квалифицированных мигрантов. Однако анализ последних данных говорит о большом риске оттока молодого и квалифицированного населения из Казахстана.

В целом, необходимо отметить, что принятие Концепции, также как и реорганизация работы двух Министерств – Министерства национальной экономики Республики Казахстан и Министерства здравоохранения и социального развития Республики Казахстан, создание Комитета миграционной службы при Министерстве внутренних дел является существенным продвижением в деле формирования комплексной и скоординированной миграционной политики. В то же время, необходимо отметить, что не учтен целый ряд факторов и реалий самого миграционного процесса как внутри страны, так и на региональном уровне.

Краткий обзор текущей демографической и миграционной ситуации. Демографическое развитие Казахстана является важной составляющей общей политики государства. По данным всемирного Банка население Казахстана составляет 17,8 миллионов человек на 2016 г. [7]. Согласно данным Министерства национальной экономики РК, численность населения страны на 1 июня 2017 г. составила 18014200 (1 сентября текущего года численность населения Республики Казахстан составила 18074100) человек, в том числе городского населения – 10358000 человек (57,5%), сельского – 7656200 человек (42,5%). По сравнению с 1 июня 2016 г. численность населения увеличилась на 239200 человек, или 1,3 процента [8]. Отмечается также, что в результате обработки сведений, предоставленных органами миграционной службы, число зарегистрированных прибывших в страну мигрантов в январе-мае 2017 г. по сравнению с соответствующим периодом 2016 г. увеличилось на 36,3 процента и составило 7204 человека. При этом число выбывших из страны мигрантов увеличилось на 4 процента и составило 10 975 человек, сальдо миграции -3 771 человек. Поясняется, что основной миграционный обмен страны происходит с государствами СНГ [9]. По данным Международной организации по миграции, к 2016 г. в Казахстане было зафиксировано 1 265 000 мигрантов с временной регистрацией из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана [10].

Анализируя миграционную ситуацию в целом, за двадцать пять лет, можно отметить, что сальдо во внешней миграции изменилось с отрицательного, в первые годы независимости – на положительное, и в последние годы вновь, становится отрицательным.

Согласно данным подотчетных ведомств, в период с 1991 по 2003 годы отток населения из страны в среднем составлял 225,5 тыс. человек ежегодно [11]. Начиная с 2004 по 2011 гг., сальдо было устойчиво положительным (прирост в 11,7 тыс. человек ежегодно). Наряду с этим, постоянно росли объемы трудовой миграции. В последнюю же пятилетку сальдо миграции вновь вошло в отрицательную зону. Показательны результаты этнической миграции. Начиная с 1991 г., число прибывших этнических репатриантов превысило 1 млн. человек. За счет демографического вклада прибывших репатриантов-оралманов за годы независимости удалось снизить уровень отрицательного сальдо миграции на 28% [см.4].

В целом миграционные процессы в Казахстане имеют различную динамику. Так, в 21 веке Казахстан уверенно позиционирует себя в качестве страны назначения мигрантов из стран Центральной Азии – Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Растет роль Казахстана в качестве транзитного хаба. Все большую динамику приобретает межрегиональная, разнонаправленная миграция, которая охватывает Евразийское пространство, Юго-Восточную Азию, Европу и Северную Америку.

Наряду с этим, в последнее время наблюдается тренд, связанный с оттоком квалифицированного населения из Казахстана, что является серьезным вызовом, как для демографического потенциала, так и для развития в целом.

Отдельным и важным направлением миграционных процессов для Казахстана представляется мобильность в рамках Евразийского экономического союза.

Миграционные процессы в рамках ЕАЭС: основные аспекты, проблемы и перспективы. В целом, казахстанский контекст миграционных потоков в ЕАЭС включает, на наш взгляд, несколько важных аспектов. Прежде всего, это *объемы и география миграции с точки зрения устойчивости, направленности, безопасности, регулируемости и системности миграционных потоков.*

Следующим важным аспектом является *координация ведомств на различных уровнях* как внутри Казахстана, так и в рамках Союза для формирования эффективного и гибкого рынка труда с учетом основных трендов, проблем и перспектив для всех членов.

Разработка и гармонизация законодательства, как в целом, так и в отношении пенсионного обеспечения, отдельных аспектов образования, права и здравоохранения.

Одним из стратегических направлений, на наш взгляд, является *развитие международного (в том числе миграционного) сотрудничества* Союза при активном участии Казахстана с учетом основных трендов регионального и глобального уровня.

Казахстан позиционирует себя в качестве государства-реципиента, как в регионе Центральная Азия, так и на постсоветском пространстве, вторым после России. Следует отметить, что в рамках ЕАЭС, РК является как государством-реципиентом, так и государством-донором трудовых мигрантов.

По данным Министерства Национальной Экономики РК, уже в 2014 г. отмечался рост численности граждан Казахстана, осуществляющих трудовую деятельность в Республике Беларусь в 3,9 раза и в Российской Федерации на 27%, еще до начала работы Союза [12].

На начало 2015 г. в Казахстане был отмечен рост численности трудящихся из Республики Беларусь в 1,6 раза и трудящихся Российской Федерации на 22% [12]. Трудовая миграция РК с РФ обусловлена и многолетним приграничным сотрудничеством и целым рядом других факторов.

По экспертным оценкам казахстанских исследователей, объем миграции в ЕАЭС увеличился в целом на 17% за первое полугодие 2015 г.. Наряду с положительной динамикой легальной миграции в РК необходимо учитывать и нелегальные потоки, точных данных по которым нет.

С точки зрения ответственных ведомств, свободное передвижение трудовых мигрантов между Казахстаном, Россией и Беларусью фактически началось с 2012 г. в рамках трехстороннего Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, подписанного в Санкт-Петербурге 19 ноября 2010 г.. Это означает, что за три года динамика трудовой миграции в этом формате в целом уже оформилась и, очевидно, она сохранится в прежних пределах [13]. Однако, на наш взгляд, расширение ЕАЭС требует дополнительных механизмов регулирования. Так, Армения важна для Казахстана в плане новых перспектив сотрудничества в различных отраслях экономики. РА страна-донор для РФ и потоки уже сложились. Вступление Кыргызстана, который является страной-донором, как в Россию, так и в Казахстан, является дополнительным фактором в плане усиления потоков как высококвалифицированной, так и низкоквалифицированной рабочей силы, так называемых домашних работников на внутренний рынок труда. Причем, с июля 2015 г. наблюдались некоторые тенденции перенаправленности миграционных потоков из РФ в РК из-за усиления кризисных явлений. По разным данным, в 2015 г. в Казахстане насчитывалось от 50–60 до 200 тыс. граждан КР. Наиболее приемлемой цифрой представляется 80 тыс. мигрантов [13]. К сожалению, Министерством национальной экономики не представлены данные за 2016 г., однако по данным МОМ, в 2016 году в Казахстане насчитывалось более 150 тыс. трудовых мигрантов из Кыргызстана [10]. Статистические данные о точном количестве мигрантов в Казахстане из стран-участников Союза не представлены, но по состоянию на сентябрь 2017 г. всего в страну прибыло на постоянное место жительства, учебу или работу 11,9 тысяч человек [14]. Большая часть прибывших представлена гражданами стран СНГ. При этом выехало из Казахстана по тем же причинам в 2,4 раза больше, или 28,2 тысячи человек [15]. По отдельным оценкам, большая часть квалифицированных кадров уезжает в РФ, отдельная часть нацелена на страны Европы, США и ОАЭ. Показатель отрицательного сальдо внешней миграции в этом

году является наивысшим за последние десять лет. Отток квалифицированных кадров, в том числе, медиков, представителей технических специальностей и педагогов становится главным вызовом национального уровня.

Таким образом, *объемы миграции, география и направленность внутри ЕАЭС имеют самые различные оценки и последствия для Казахстана.*

Немаловажную роль играют и страны-партнеры организации и потенциальные члены. Так, подписание Договора о свободной торговле с Вьетнамом может серьезно поменять миграционный пейзаж и усилить потоки. Вьетнам уже работает над введением безвизового режима с Казахстаном в рамках ЕАЭС. Это усилит поток мигрантов с ЮВА, который уже становится устойчивым трендом с 2014 г. Отдельным остается вопрос о миграции с КНР в рамках сотрудничества с Союзом. И, наконец, вступление Казахстана в ВТО, это новое измерение и возможность диверсификации миграционных потоков. Все эти процессы повлекут за собой появление новых возможностей, а также и определенных вызовов, что является ожидаемым результатом формирования новых миграционных систем и подсистем, требующим своевременных и сбалансированных мер.

Что касается сферы занятости трудовых мигрантов из ЕАЭС в Казахстане, строительство, горнодобывающая, и обрабатывающая промышленность и др. Наряду с этим, данные мониторинга крупных рекрутинговых компаний и сайтов, по подбору кадров, продвижению вакансий и трудоустройству, показывают, что среди приоритетных сфер занятости, в основном, иностранные граждане стремятся работать в следующих сферах: *Топ-менеджмент (17,5% от всех иностранцев, готовых переехать в Казахстан), ИТ, телеком (10,1%), производство (9,6%), - продажи (9,5%), строительство (8,4%)* [15]. Такого рода данные, с одной стороны, говорят о привлекательности Казахстана для высококвалифицированных кадров, с другой, необходимости принятия мер для более эффективной защиты внутреннего рынка.

Отдельным направлением в рамках Союза следует рассматривать образовательную миграцию. Анализируя данный процесс, необходимо отметить, что усилилась тенденция к принятию программ двойного диплома между странами-участницами, а также увеличился взаимный поток студентов между некоторыми странами Союза, например по вектору Армения-Россия, Казахстан-Россия, Кыргызстан-Казахстан. Это, в свою очередь, важные процессы, требующие соответствующего внимания и новых подходов.

Таким образом, миграционные потоки в ЕАЭС для Казахстана сохраняют его роль принимающего, но, в последнее время, усиливают статус отправляющего государства. Данные процессы требуют сбалансированной и гибкой политики не только на национальном уровне, но и в рамках организации. Это также предполагает координацию соответствующих ведомств и более эффективное сотрудничество на всех уровнях.

Координация ведомств на различных уровнях как внутри Казахстана, так и в рамках Союза является, на наш взгляд, обязательным условием для формирования эффективного и гибкого рынка труда с учетом основных трендов, проблем и перспектив для всех членов.

Безусловно, для координации работы Союза в сфере трудовой миграции необходимо сотрудничество по всему периметру вопросов, определенному его членами – это согласование общих подходов и принципов, обмен нормативными правовыми актами, информацией, опытом, реализация мер, направленных на предотвращение распространения недостоверной информации, проведение стажировок и семинаров, Сотрудничество в рамках консультативных органов.

Для координации правовых и социальных и остальных вопросов с отделом трудовой миграции Департамента развития предпринимательской деятельности ЕАЭС вовлечено сразу несколько министерств и агентств Казахстана – Министерство национальной экономики Республики Казахстан, Министерство здравоохранения и социального развития Республики Казахстан, Министерство внутренних дел Республики Казахстан, Пограничная служба комитета национальной безопасности Республики Казахстан и Министерство образования и науки Республики Казахстан.

Ведется постоянная работа в рамках Консультативного комитета по миграции и Консультативного комитета по вопросам социального обеспечения, соблюдения пенсионных прав, оказания медицинской помощи и профессиональной деятельности трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза [16]. Тем не менее, важно учитывать тот факт, что события и сама мобильность развиваются быстрее процесса координации и обсуждения ситуации. Это говорит о необходимости ускорения координации, принятия решений и обмена достоверной информацией.

На национальном уровне также задействованы Департамент миграционной полиции МВД РК, МИД РК, Министерство юстиции РК, Министерство сельского хозяйства РК, Агентство по статистике и др. Здесь также имеются проблемы с координацией. Несмотря на определенные трудности, прорабатываются все вопросы, обозначенные в ст. 96–98 договора [1].

Одной из постоянных проблем остается проблема сбора и обработка достоверных статистических данных. Разная ведомственная подчиненность, вызывает несопоставимость либо разность критериев отбора данных, сомнения в валидности и достоверности качественных и количественных данных, что приводит к трудностям предоставления качественной аналитики.

В то же время работа в данном направлении ведется постоянно. Так, существенным вкладом, на наш взгляд, является уже упомянутая реорганизация работы двух Министерств Казахстана, а также образование Комитета Миграционной службы при Министерстве внутренних дел. В его функции входит обеспечение реализации государственной политики в области гражданства, миграции населения и беженцев, комитет выполняет целый ряд других функций, важных для скоординированной работы Казахстана в ЕАЭС [17].

Представляется, что планомерная и постоянная работа в данном направлении внесет существенный вклад в регулируемость миграционной политики не только на национальном уровне, но и в целом в самом Союзе.

Это также затрагивает разработку и гармонизацию законодательства в целом, в том числе в отношении пенсионного обеспечения, отдельных аспектов образования, права и здравоохранения.

Развитие международного сотрудничества Союза представляется необходимым фактором успешного развития данного проекта при активном участии Казахстана с учетом основных трендов регионального и глобального уровня.

ЕАЭС обладает международной правосубъектностью (п. 2, ст. 1 Договора о ЕАЭС), что предполагает развитие международного сотрудничества с государствами, международными организациями интеграционными объединениями и заключать с ними международные договоры (п. 1, ст. 7 Договора о ЕАЭС) в целях продвижения основных направлений Организации [1]. Необходимость международного сотрудничества обусловлена также и тем, что обеспечение устойчивых безопасных миграционных потоков, основанных на соблюдении прав мигрантов и их семей является важным не только внутри Союза, но и по периметру его границ, где ситуация обостряется изменением геополитических реалий и обострением конфликтов. Серьезным шагом в данном направлении является подписание Меморандумов о сотрудничестве с МОМ, структурами ООН, а также с СНГ и др. Казахстан является активным участником многих международных организаций, проектов и инициатив, в том числе и в сфере миграции. Так, одной из них можно выделить Алматинский процесс, который является постоянной диалоговой площадкой, инициированной Казахстаном в 2011 г. Цель Алматинского процесса заключается в совместном решении наиболее насущных проблем беженцев и международной миграции, как в региональном формате, так и в глобальной перспективе. Алматинский процесс играет важную роль в разработке механизмов, направленных на соблюдение ключевых национальных интересов стран региона, таких как пограничный контроль и безопасность. Для ЕАЭС это может быть ценным опытом, принимая во внимание масштаб деятельности организации.

Международное сотрудничество и география партнеров ЕАЭС имеет глобальный охват. Так, в АТР и ЮВА, охвачены все ключевые страны. Вьетнам уже стал активным партнером с 2016 года, Китай охвачен в рамках проекта «Экономического пояса Шелкового пути» и ведутся переговоры. Ведутся активные переговоры с Индией. Подписан меморандум с Монголией, Республикой Корей и Сингапуром, практически одобрено соглашение с Республикой Бангладеш. Исключительную важность и потенциал имеет сотрудничество с АТЭС и АСЕАН.

На Ближнем Востоке в настоящее время ведутся переговоры с Израилем, Египтом, Иорданией и Марокко.

В Латинской Америке уже подписаны меморандумы о взаимопонимании с Чили и Перу. Ведутся активные переговоры в рамках МЕРКОСУР, КАРИКОМ.

В рамках ЕС, это деловые контакты в двустороннем формате со Словацкой Республикой, Чешской Республикой, Итальянской Республикой, Греческой Республикой.

Таким образом, партнерство в рамках Союза имеет комплексный в отношении сфер сотрудничество и глобальный географический охват. Это, в

свою очередь означает, что миграционные процессы могут развиваться по всем указанным векторам, а соответственно, необходим адекватный, сбалансированный и многоуровневый подход.

Скоординированное сотрудничество в рамках Союза, с международными организациями и партнерами является важной составляющей эффективного функционирования ЕАЭС.

Важность миграционных процессов в рамках ЕАЭС определяется для Казахстана целым рядом факторов, включая объемы и географию миграции, а также эффективное скоординированное сотрудничество, как в пределах Организации, так и с партнерами организации.

Формирование гибкой и сбалансированной миграционной политики с учетом специфики демографического потенциала и развития приоритетных отраслей экономики Казахстана с акцентом на высококвалифицированную рабочую силу, а также сохранением собственного интеллектуального потенциала представляется необходимым условием для успешного развития.

Диверсификация, системность, безопасность и регулируемость миграционных потоков, основанная на более интегрированном сотрудничестве всех государств-членов, как внутри ЕАЭС, так и по всему периметру его границ, и, с учетом охвата международных партнеров, является важным аспектом совершенствования работы и интеграции на Евразийском пространстве, а также уверенном позиционировании Союза на глобальном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- 1 Евразийский экономический союз. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/#about>
- 2 Концепция внешней политики РК на 2014–2020 гг. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741. – Астана, 2014.
- 3 Послание президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан-2050». Новый политический курс состоявшегося государства [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.strategy2050.kz
- 4 Утверждена Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2017 – 2021 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4883043-utverzhdjena-kontseptsiya-migratsionnoj.html>
- 5 Правительство приняло концепцию новой миграционной политики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kapital.kz/gosudarstvo/63101/pravitelstvo-prinyalo-konceptsiyu-novoj-migracionnoj-politiki.html>
- 6 Справка по привлечению иностранной рабочей силы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.enbek.gov.kz/ru/node/344757>
- 7 Europe and Central Asia Economic Update, October 2017: Migration and Mobility. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/28534>
- 8 О демографической ситуации в Республике Казахстан за январь-апрель 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.gov.kz/ru/news/o-demograficheskoj-situacii-v-respublike-kazahstan-za-yanvar-aprel-2017-goda>

9 Количество мигрантов в Казахстане уменьшилось. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kolichestvo-migrantov-v-kazahstane-uvelichilos-mne-322456/

10 Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии. Краткий обзор: 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.iom.int

11 Официальный сайт МВД РК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mvd.kz

12 Количество россиян, работающих в Казахстане, выросло за год на 22%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kursiv.kz/news/obshchestvo/otmena_trebovaniy_na_poluchenie_razresheniy_na_rabotu_v_ramkakh_eaes_polozhitelno_skazyv_aetsya_na_di_252/

13 Светлана Жакупова: «Рисков для национального рынка рабочей силы мы не предвидим». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ia-centr.ru>

14 Казахстан активно покидают квалифицированные кадры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://forbes.kz/news/2017/11/14/159290/>

15 В Казахстан хлынул поток менеджеров из России и Украины. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forbes.kz>

16 Деловарова Л.Ф. Динамика миграционных процессов в рамках ЕАЭС: взгляд из Казахстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://articlekz.com/article/16344><https://articlekz.com/article/16344><https://articlekz.com/article/16344>

17 Положение о Комитете миграционной службы Министерства внутренних дел Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/min_activity/mvd_materials/mvd_migration_service_committee/mvd_about_migration_service

УЧАСТИЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В ИНТЕГРАЦИИ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕАЭС В РАМКАХ ОБЩЕГО РЫНКА ТОВАРОВ

ВАРТАНОВА Марина Львовна, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследования социальных и социально-политических процессов евразийской интеграции, Институт социально-политических исследований Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: 11marina11@mail.ru

Аннотация. В работе отмечается, что поэтапные базовые принципиальные консолидирующие факторы в современных условиях роста динамизма глобализации мирового рынка и обострения вызовов и угроз в мире обеспечат запуск пакетных процессов интеграции ЕАЭС, то есть будут способствовать усилению интеграционных процессов, включая Россию и Казахстан.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, единый рынок, интеграция, интеграционные процессы, национальные интересы, продовольственная безопасность, рынок товаров, социально-экономическое развитие, стратегические цели, экономическое развитие, экономическое сотрудничество.

THE PARTICIPATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN INTEGRATION OF THE COUNTRIES – MEMBERS OF EURASIAN ECONOMICAL UNION IN THE COMMON MARKET OF GOODS

Marina L. VARTANOVA, PhD in Economics, Associate Professor, Senior Researcher, center for research of social and socio-political processes of Eurasian integration, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: 11marina11@mail.ru

Abstract. The authors note that step-by-step basic consolidating factors in the modern conditions of growth of dynamism of globalization of the world market and aggravation of challenges and threats in the world will ensure the launch of package processes of integration of the EAEU, that is, will contribute to the strengthening of integration processes, including Russia and Kazakhstan.

Keywords: Eurasian economic Union, single market, integration, integration processes, national interests, food security, commodity market, socio-economic development, strategic goals, economic development, economic cooperation.

В ближайшей и среднесрочной перспективе вплоть до 2025 г. удачное формирование и развитие интеграции стран – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в рамках общего рынка товаров будет находиться в зависимости от ряда условий. Предотвращение сохраняющихся изъятий, нетарифных барьеров, увеличение эффективности аграрного рынка ЕАЭС, согласованная промышленная и макроэкономическая политика имеют все шансы раскрыть путь с целью для дальнейшего развития единого рынка ЕАЭС.

В настоящее время евразийский экономический союз проводит направленную работу по преодолению разобщенности изнутри внутри самого объединения, а также по продвижению и развитию единой скоординированной политики в разных областях экономики и в частности в сфере агропромышленного комплекса.

Вместе с тем, в случае провала дальнейшего взаимодействия, которое может выразиться как в потере государствами–членами и их политическими элитами интереса к развитию евразийской экономической интеграции, так и в случае отсутствия желания государств – членов ЕАЭС идти на взаимные уступки и разумные компромиссы, дальнейшее будущее единого рынка ЕАЭС и в целом проекта глубокой интеграции на евразийском пространстве кажется неоднозначным.

Аналогично, экономическое взаимодействие стран в рамках ЕАЭС имеет как отрицательные, так и положительные черты. Невзирая на наименьшую динамику формирования экономик самих государств и незначительную часть обоюдной торговли, необходимо установить, то, что государства находят более результативные инструменты партнерства и продолжают создавать запланированные общие интеграционные структуры, законодательную основу организации и форматы взаимодействия в области агропромышленного комплекса и иных, более значимых с целью государств областях экономики.

Как и любая сложная и масштабная структура, ЕАЭС сталкивается с целым рядом проблем. Одна из главных – дисбаланс внутри союза. Судя по всему, в следующем году экономика Российской Федерации продолжит свой рост, и это скажется на жизни всего Евразийского союза. Но есть некоторые проблемы, например, товарооборот между Республикой Беларусь и Республикой Казахстан (не говоря уже про торговлю между Республикой Беларусь и Кыргызской Республикой, Республикой Армения). Таким образом, Россия остается главным торговым центром ЕАЭС. Чтобы экономика ЕАЭС крепла, нужно, чтобы торговые отношения между странами шли напрямую.

Еще одна проблема – это малый объем внутренней торговли инвестиционными товарами, то есть теми, которые обеспечивают рост прибавленной стоимости в дальнейшем. Это, прежде всего машины и оборудование. Тут некоторый рост демонстрируют только Российская Федерация и Республикой Беларусь. Республикой Беларусь, например, старается размещать сборку своей техники на территории Казахстана и Российской Федерации. Но в целом пока 90% потребляемых инвестиционных товаров производится за пределами ЕАЭС.

Однако есть еще некоторые проблемы. Например, при создании единых рынков. Внутри ЕАЭС уже создан единый рынок фармацевтики, запускают другие рынки, но только к 2025 году обещают создать единый рынок нефти и газа, немного раньше. Отсутствие таких единых рынков сегодня заметно сдерживает развитие промышленности, ее техническое перевооружение.

Другой пока не урегулированный вопрос – это технические регламенты ЕАЭС, которые постоянно уточняются, дорабатываются, но все равно

есть сомнения в их выполнимости. Это связано с тем, что значительная доля продукции, поступающей, например, в Российскую Федерацию, заявляется как казахстанский или белорусский экспорт, но на самом деле происхождение этих товаров, чаще всего, как правило, китайское или европейское.

И следующим этапом развития ЕАЭС, по мнению ряда экспертов должен стать валютный союз. Однако об этом пока речь не идет, говорят только о возможном создании некой криптовалюты как единой валюты ЕАЭС.

Еще одним препятствием на пути развития единого рынка товаров Союза является сохранение и возможное усиление дисбаланса между масштабами и структурой экономик государств – членов объединения. Россия является крупнейшим поставщиком товаров на единый рынок Союза [7], обеспечивая 62,4% экспорта в рамках объединения, а также вторым по размеру потребителем товаров в рамках ЕАЭС (34,1% импорта). И это свидетельствует о высокой зависимости внутреннего рынка Союза от динамики развития российского рынка, что приводит к переносу негативных тенденций, которые могут проявляться в экономике одних государств – членов, на экономики других стран ЕАЭС.

Наконец, следует отметить влияние политических факторов на динамику развитию единого рынка товаров ЕАЭС в средне- и долгосрочной перспективе. Внешним фактором по отношению к ЕАЭС в данном случае является обострение отношений Российской Федерации и стран Запада, вызванное украинским кризисом. В ответ на секторальные санкции ЕС, США и некоторых других стран Российская Федерация ввела продовольственное эмбарго на импорт на свою территорию продуктов питания из этих государств.

Поскольку другие государства – члены ЕАЭС не поддержали запрет на импорт данных продуктов на свою территорию, сложилась ситуация, когда запрещенные к ввозу в Российскую Федерацию продукты питания поставлялись на территорию других стран ЕАЭС (в первую очередь, в Республике Беларусь), а затем реэкспортировались на территорию Российской Федерации как товары белорусского происхождения [7].

Подобная практика создала серьезные трения между партнерами по ЕАЭС, и при дальнейшей эскалации ситуации она угрожает привести к разочарованию государств–членов в едином рынке товаров ЕАЭС, который в данном случае используется против ее внешнеполитических интересов.

Возможное решение этой проблемы видится в дальнейшем совершенствовании и согласовании правил определения происхождения товаров и развитии независимой наднациональной системы мониторинга, а также сертификации товаров и разрешении торговых споров (Суд ЕАЭС).

В настоящее время в деле обеспечения продовольственной безопасности стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) наблюдаются значительные результаты. Однако в некоторых областях зависимость от импорта все еще остается слишком высокой.

Следует отметить, что за несколько последних лет страны ЕАЭС достигли заметных успехов в сфере обеспечения населения основными продуктами питания собственного производства, что не в последнюю очередь свя-

зано с введенными Российской Федерацией в 2014 г. против западных стран контр санкциями. Так, только за прошлый год прирост производства сельскохозяйственной продукции в союзных государствах составил 4,5%, а уровень обеспеченности населения основными продуктами питания, произведенными внутри ЕАЭС, превысил 90%.

По итогам прошлого года заметно выросло производство большинства видов сельскохозяйственной продукции. Если совокупный ВВП стран ЕАЭС за 2016 г. сократился на 0,3%, то рост аграрно-производственного комплекса (АПК) составил около 4%. Для сравнения, совокупный рост союзной промышленности в 2016 г. составил всего 0,2%.

Темпы роста отдельных отраслей заметно опережали средний уровень прироста производства в АПК. Так, производство сыров и творога за прошлый год выросло почти на 3%, муки – более чем на 3%, мяса – более чем на 6%, растительных масел – более чем на 7%. Во многом рост «евразийского» АПК был обеспечен Россией, которая с 2014 г. начала уделять сельскому хозяйству более пристальное внимание.

По данным Минсельхоза РФ, рост производства сельхозпродукции за 2016 г. превысил 4%, тогда как в 2015 г. он равнялся 2,6%. Производство пшеницы в прошлом году выросло на 19% (до 73,3 млн. тонн), кукурузы – на 5% (до 13,8 млн. т), гречихи – на 38% (до 1,2 млн. т.), сахарной свеклы – на 24% (до 48,3 млн. т), подсолнечника – на 15% (до 10,7 млн. т), сои – на 15% (до 3,1 млн. т). Более скромными были успехи в животноводстве. Так, производство скота и птицы в живом весе выросло на 4% (до 14 млн. т), а молока – осталось на уровне 2015 г. (30,8 млн. т).

Тем не менее, пока нельзя назвать безоблачным положение ЕАЭС в сфере обеспечения продовольственной безопасности. По целому ряду товарных позиций сохраняется сильная зависимость от импорта, которая в критической ситуации может привести к возникновению дефицита и резкому росту цен. По данным ЕЭК, только за прошлый 2017 год союзные государства импортировали сельхозпродукции более чем на \$26 млрд. В больших объемах по-прежнему импортируются овощи, фрукты, мясные продукты, большинство которых без особых проблем может производиться внутри ЕАЭС [21].

Особую тревогу вызывает зависимость от импортного оборудования в животноводстве и птицеводстве, а также импорт семян сахарной свеклы, подсолнечника, кукурузы, картофеля и некоторых других культур. По словам министра по промышленности и агропромышленному комплексу ЕЭК С. Сидорского, государства ЕАЭС ежегодно закупают импортных ресурсов для производства сельскохозяйственной продукции на \$4,5 млрд., что является непозволительной «роскошью».

Сохраняется зависимость от импорта овощей, фруктов (в частности, яблок и груш), мясных и молочных продуктов, то есть тех товаров, производство которых возможно в природно-климатических условиях Евразийского региона. «Каждое третье яблоко, потребляемое в союзе, поставляется из третьих стран.

Экономики государств – членов ЕАЭС ежегодно теряют около \$1 млрд. для обеспечения спроса столь обычным для нашей климатической зоны фруктом» [15].

7 апреля 2017 г. председатель правительства РФ Д. Медведев на заседании коллегии Минсельхоза заявил о существенном укреплении продовольственной безопасности страны. «Мы обеспечиваем себя и зерном, и картофелем, и сахаром, и растительным маслом, и мясом, – отметил он, – это пять из восьми показателей Доктрины продовольственной безопасности».

Однако в правительстве осознают, что произошло это во многом из-за рекордного урожая 2016 г., без которого успехи Российской Федерации в АПК были бы значительно более скромными. Кроме того, пока не выполненными остаются такие пункты доктрины, как самообеспечение рыбой, пищевой солью и молоком, внутреннее производство которых должно составлять 80–90%.

Мониторинг продовольственной безопасности ЕАЭС, проведенный ЕЭК в 2014 г., когда влияние российских контрсанкций еще не сказалось, показал, что наиболее проблемными отраслями АПК для Республики Армения являлось обеспечение населения мясом птицы (уровень собственного производства – 21,5%), сливочным (17,5%) и растительным маслом (14,5%), сахаром (47,1%) и колбасными изделиями (49,3%).

Одной из серьезнейших проблем, с которой сталкивается Евразийский экономический союз, является отсутствие должного информационного сопровождения его функционирования, либо плохое качество такой информационной работы. И Республика Армения не исключение. По данным Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР) уровень общественной поддержки членства Республики Армения в ЕАЭС серьезно упал с 67% в 2013 г., когда было официально объявлено о решении Республики Армения вступить в Таможенный Союз, до 46% в 2016 г.

Одновременно с этим за указанный период отмечается рост числа лиц, относящихся отрицательно к ЕАЭС, с 5% до 15%, а также увеличение количества безразличных с 19% до 33%. В качестве одной из существенных причин специалистами называется сознательное продвижение со стороны ряда СМИ и части экспертного сообщества тезиса о наличии недостатков и проблем в экономике Республики Армения исключительно по причине ее участия в ЕАЭС: «коррупция, монополизм, всевластие импортеров, отсутствие конкуренции, протекционизм для крупных игроков и теневой экономики», – что фактически прикрывает проколы финансово-экономической политики властей страны с перекладыванием ответственности за них на интеграционное образование.

Сложно не согласиться с тем, что свое влияние на восприятие итогов членства Республики Армения в Союзе, безусловно, оказал экономический кризис в Российской Федерации, который существенно повлиял на платежеспособность российских граждан, что не могло не отразиться на покупке армянской продукции и инвестиционных возможностях Российской Федерации.

Помимо смягчения негативных последствий экономического кризиса Евразийский экономический союз предоставляет ряд возможностей, которые позволят всем его членам извлечь для себя серьезные выгоды. Так, в условиях ЕАЭС Республики Армения по силам обеспечить рост ВВП в 7% при условии удвоения объемов экспорта: в частности, эксперт отметил, что благодаря уменьшению цен на энергоресурсы, цены на сельхозпродукцию тепличных хозяйств, преимущественно идущих на экспорт, должны снизиться на 10%, что значительно увеличивает конкурентоспособность армянских предприятий. Перед армянскими властями стоят задачи более эффективного использования возможностей, предоставляемых членством в ЕАЭС и союзными отношениями с Россией, особенно по части более активного развития экспортного потенциала республики.

Таким образом, как на экспертном, так и на правительственном уровнях в Армении есть разумное понимание и адекватное восприятие Евразийского экономического союза. Интеграционное объединение не есть что-то волшебное, автоматически улучшающее жизнь граждан от самого факта членства страны в ЕАЭС, это набор определенных возможностей, позволяющих достичь позитивных интеграционных эффектов.

Еще одним немаловажным направлением деятельности Армении в рамках членства в ЕАЭС является работа на переговорах по созданию зоны свободной торговли Союза с Исламской Республикой Иран. Так, на недавнем Инвестиционном форуме Республики Армения по солнечной энергетике позиционировали «своеобразным мостом между Исламской Республикой Иран и Евразийским экономическим союзом» [13], что создает, по его мнению, все возможности для реализации многочисленных инвестиционных программ, как со стороны государства, так и частного сектора. Так, армянские экономисты подчеркивают перспективность сотрудничества с Ираном в таких сферах как транспорт и энергетика. Иран интересуют транзитные возможности Республики Армения для импорта своих товаров.

Последние два года функционирования ЕАЭС и членства Армении в интеграционном объединении пришлось на спад в мировой экономике, политику санкций в отношении Российской Федерации. Тем не менее, Евразийский экономический союз не просто устоял, но и демонстрирует тенденции к развитию [15].

В ряде СМИ многие проблемы в странах-членах Союза искусственно увязывают с ЕАЭС, однако Союз только предоставляет возможности и условия для экономического развития, успех которого зависит от эффективности прилагаемых усилий со стороны государств-участников ЕАЭС. Действующее правительство Республики Армения демонстрирует адекватное понимание и восприятие Евразийского экономического союза не только на словах, но и на деле.

Похожая ситуация складывалась в Кыргызской Республике, которой больше всего не хватало мяса птицы (11,1%), сахара (19,6%) и растительного масла (21,4%). Республика Беларусь обеспечивала себя всеми основными видами продовольствия, кроме фруктов. В Республике Казахстан произво-

дилось недостаточно винограда (43,1%), сахара (43,2%), мяса птицы (43,7%), сыров и творога (47,2%), яблок (52,8%), колбасы (53,7%) и сливочного масла (59,3%). Российской Федерации же не хватало винограда (52,4%), яблок и груш (65,1%), сыров, творога и сливочного масла (60,7%) и мяса крупного рогатого скота (72,4%).

В договоре о создании ЕАЭС закреплено положение о проведении согласованной агропромышленной политики, включающей координацию действий по развитию аграрного рынка и формированию общесоюзных среднесрочных прогнозов. В соответствии с ними рост производства в сельском хозяйстве ЕАЭС в 2016–2017 гг. должен составить 8%, экспорт – увеличиться на 19%, а импорт – сократиться на 15%. Средний показатель обеспеченности продовольствием в 2017 г. составит 94%. С учетом взаимной торговли планируется достичь полного самообеспечения ЕАЭС по мясу птицы. Экспорт зерна по прогнозу вырастет до 40 млн. т., импорт мяса и мясопродуктов – снизится до 900 тыс. т., молочной продукции – до 3,2 млн. т, сахара – до 0,2 млн. т.

Вместе с тем, в отдельных сферах значительная зависимость от импорта сохранится. Так, уровень обеспечения Российской Федерации говядиной с учетом взаимных поставок составит 79%, Республики Армения и Республика Казахстан мясом птицы – 83% и 81%, а Кыргызстана и Республики Армения растительным маслом – 85% и 79%. Особенно значительной в обеспечении ЕАЭС останется доля импорта фруктов, уровень которого по итогам 2017 г. вырастет с 62 до 65%.

При этом площадь посевных площадей для овощей, где зависимость от импорта еще недавно была критической, к 2018 г. планируется увеличить по сравнению с 2016 г. на 11%, что позволит почти полностью закрыть потребности в них. Производство рыбы и морепродуктов к 2020 г. планируется увеличить вдвое. Каждая из стран ЕАЭС постепенно формирует свою специализацию в сфере АПК.

Если для Российской Федерации приоритетными направлениями являются производство зерна, свинины, мяса птицы, фруктов и тепличных овощей, то для Республики Казахстан, располагающего обширными пашнями и пастбищами – зерна и говядины, Беларуси – молока и мяса, а Кыргызской Республики и Республики Армения – овощей, фруктов и продуктов их переработки.

Экспортные возможности Республики Беларусь позволяют ей заместить 8–15% общесоюзного производства молока, Республики Армения – 4% рынка колбасных изделий и баранины, Республики Казахстан – 9% производства молочной продукции, 12% макаронных изделий и 4% – шоколада, Российской Федерации – 13% мяса птицы и 76% безалкогольных напитков.

В целом же необходимость обеспечения продовольственной безопасности позволяет как нельзя лучше реализовать принципы общего экономического пространства, максимально задействовав природно-климатические преимущества и производственные возможности каждого из союзных государств в сфере АПК.

В будущем ЕАЭС может расширить свою географию. Интерес к сотрудничеству с Евразийским экономическим союзом проявляют около 50 стран Европы, Азии и Латинской Америки.

В перспективе до 2025 г. успешное развитие интеграции государств – членов ЕАЭС в рамках единого рынка товаров будет зависеть от ряда условий. Устранение сохраняющихся изъятий, нетарифных барьеров, повышение эффективности Суда ЕАЭС, согласованная промышленная и макроэкономическая политика могут открыть дорогу для формирования по-настоящему единого рынка ЕАЭС [8].

Ныне различные функционирующие проекты национального формирования и развития стран – членов ЕАЭС с различными сроками выполнения на перспективу вплоть до 2025 г. сэкономят собственные главные отраслевые ориентиры и нацеленность по применению собственной доли участия в Евразийском экономическом союзе с целью их последующего формирования и поддержания государственных экономик.

Период становления ЕАЭС в 2015–2016 гг. пришелся как раз на такую эпоху глобальной экономической нестабильности и нарастания кризисных явлений в мировой и региональной политике [15]. Тем не менее, государства-члены Союза поставили перед собой ряд амбициозных задач в сфере экономической интеграции. В перспективе до 2025 г. в ЕАЭС планируется преодолеть оставшиеся препятствия в сфере движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, создание единого рынка энергоресурсов, развитие скоординированной промышленной политики, политики в сфере сельского хозяйства, формирование общего цифрового пространства, координация внешнеэкономических связей Союза, создание общей транспортной и логистической инфраструктуры.

В настоящее время евразийский экономический союз проводит направленную работу по преодолению разобщенности изнутри внутри самого объединения, а также по продвижению и развитию единой скоординированной политики в разных областях экономики и в частности в сфере агропромышленного комплекса.

Однако, вплоть до 2025 г. Евразийскому экономическому союзу с целью поддержания интеграционных взаимосвязей будет необходимо решить несколько наиболее значимых вопросов. Во-первых, преодолевать противоречия реальной торговой политики государств и единой таможенной территории, связанные с нетарифными ограничениями, четким выполнением правил происхождения товаров, сокращением доли экспортных пошлин, определяемых странами самостоятельно. Во-вторых, для дальнейшего формирования общих рынков сельхозпродукции должна вестись работа не только над полной фито- и ветеринарной сертификацией товаров, но и над созданием единого органа ветеринарного и фитосанитарного надзора. В-третьих, необходимы действия по определению специализации стран в обрабатывающей промышленности, созданию на ее основе межгосударственных производственных объединений [6].

Вместе с тем нельзя отрицать наличие определенных трудностей в реализации интеграционного проекта. Часть этих сложностей обусловлена особенностями внутреннего развития государств-членов, несовпадением их эко-

номических интересов, стремлением защитить внутренний рынок и отечественных производителей. Это закономерный процесс в условиях любого интеграционного образования, о чем нам свидетельствует пример ЕС и процессов европейской интеграции.

Другая часть проблем связана с особенностями экономической турбулентности в глобальной экономике, большой волатильностью финансовых и энергетических рынков, сложной внешнеполитической конъюнктуры, что в условиях высокой взаимозависимости особенно болезненно отражается на развивающихся экономиках.

Развитие сбалансированной системы продовольственных рынков немыслимо без устойчивого и эффективного развития хозяйствующих субъектов агропромышленного комплекса, определяющих формирование ресурсной базы рынков. В то же время именно регулируемый рынок призван обеспечить эквивалентность обмена товарами и стимулировать приток инвестиционных ресурсов в аграрную сферу [5].

На наш взгляд, общий макроэкономический эффект от членства в ЕАЭС для каждой страны-участницы состоит в быстром росте следующих факторов, при условии научной разработки и внедрения пакетных решений ЕАЭС, пакетных обязательств члена ЕАЭС, пакетной экономической политики ЕАЭС, пакетных проектов ЕАЭС и пакетных процессов интеграции ЕАЭС с целью развития интеграции в объединении:

- устойчивый и стабильный рост ВВП, выравнивание уровней экономического развития стран – участников членов ЕАЭС;
- рост благосостояния граждан стран ЕАЭС вследствие увеличения занятости населения;
- снижение цен на услуги и товары за счет устранения торговых ограничений, уменьшения логистических издержек от перевозки сырья и экспорта товара;
- рост производства, соответствующий увеличению спроса на товары и услуги;
- рост уровня заработной платы населения благодаря снижению издержек и повышению эффективности и производительности труда.

По мере насыщения внутреннего рынка российскими продуктами «акцент слаженной политики станет понемногу сдвигаться в сторону активизации научно-технического и инноваторского взаимодействия государств ЕАЭС в области глубокой обработки аграрной продукции и реализации общих планов, предусматривающих формирование продукта со значительной добавленной стоимостью».

Данное представление определяет воздействия, нацеленные на улучшение интеграционных действий в области агропромышленного комплекса в Евразийском экономическом союзе» [2].

Формирование и дальнейшее развитие единой системы прогнозирования АПК в ЕАЭС обусловлено необходимостью обеспечения сбалансированного функционирования внутренних продовольственных рынков на основе предсказуемости результатов деятельности национальных АПК, как на краткосрочную, так и на среднесрочную перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Багдасарян К.М. Позиции стран Евразийского экономического союза в мировой экономике на современном этапе // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2016. № 9. С. 58–65.
2. Вартанова М.Л. Результаты интеграции Евразийского экономического союза в области АПК: проблемы и перспективы развития // Российское предпринимательство. 2018. Том 19. № 7. С. 1979–2006.
3. Вартанова М.Л. Межотраслевое торговое сотрудничество стран ЕАЭС как ключевой индикатор интеграционных процессов // Российское предпринимательство. – 2018. – Том 19. – № 8. С. 2149–2168.
4. Вартанова М.Л. Основные направления экономического развития и перспективы экономической интеграции стран ЕАЭС // Экономические отношения. – 2018. – Том 8. – № 3. С. 315–322.
5. Вартанова М.Л. Прогнозирование роста производства сельхозпродукции и увеличение внутреннего спроса в условиях импортозамещения // Российское предпринимательство. – 2018. – Том 19. – № 6. – С. 1803–1824.
6. Вартанова М.Л. Пути реализации политики импортозамещения в рамках экономического сотрудничества со странами ЕАЭС // Государственный советник. – 2018. – № 3. С. 10–15.
7. Вартанова М.Л., Дробот Е.В. Влияние непростых противоречивых процессов на рост отечественного сельского хозяйства // Российское предпринимательство. 2018. Том 19. № 1. С. 13–36.
8. Дробот Е.В. Единая система тарифных преференций Евразийского экономического союза: особенности функционирования и направления развития // Российское предпринимательство. 2017. Том 18. № 24. С. 3995–4020.
9. Дробот Е.В. Особенности внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в условиях санкционной политики // Российское предпринимательство. – 2016. – Том 17. – № 16. – С. 1879–1902.
10. Дробот Е.В., Костылева С.О. Актуальные проблемы экономической интеграции России в мировую экономику в условиях функционирования Евразийского экономического союза // Экономические отношения. – 2016. – Том 6. – № 4. – С. 125–131.
11. Липин А.С. Оценка интеграционных процессов в Едином экономическом пространстве на примере торговли товарами / А.С. Липин, О.В. Полякова // Практика интеграции. – 2014. – № 1 (22). – С. 80–96.
12. Мигранян А.А. Перспективы евразийской интеграции: векторы и направления интеграционного взаимодействия в условиях современной геоэкономической конъюнктуры // Alatoo Academic Studies. 2015. № 4. С. 120–126.
13. Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности в ЕАЭС и пути их решения // Экономические отношения. – 2018. – Том 8. – № 3 С. 363–380.
14. Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Евразийский экономический союз: нормативно-правовое обеспечение и тенденции свободного движения рабочей силы. Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. – № 3 (122). С. 144–153.
15. Осинина А., Глотова И. Развитие интеграции в аграрной сфере ЕАЭС к 2025 г. / Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск / 2017 / [Е.С. Алексеенкова, И.С. Глотова, А.В. Девятков и др.]; [гл. ред.

И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 44 с.

16. Решение высшего евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28. Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза.

17. Российско-Белорусский экспертный клуб. Точки роста ЕАЭС: экономика, безопасность, общество. Аналитический доклад. М. – 2018.

18. Рязанцев С.В., Тер-Акопов А.А. Факторы интеграционных процессов / В сб.: Мировая экономика в условиях "управляемого хаоса" и позиции России Сборник научных статей по итогам научного семинара 29 октября 2014 г. – 2014. С. 143–149.

19. Рязанцев С.В., Тер-Акопов А.А. Факторы интеграционных процессов. / В сб.: Сборник тезисов XII научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2014. С. 223–226.

20. Рейтинг экономик. Doing Business. Всемирный банк. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/rankings>

21. Статистика внешней и взаимной торговли // Евразийская экономическая комиссия. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/2016/12.aspx

22. Ткаченко М.Ф., Журова А.В. Интеграция рынков факторов производства в ЕАЭС. Монография / М.Ф. Ткаченко, А.В. Журова; Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Российская таможенная академия". Москва. – 2016. 130 с.

23. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. Аналитическая записка НП РСМД. 15 июня 2017 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/papers/EAEU2025-Policybrief-ru.pdf>

РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ

РУБИНСКАЯ Этери Девисовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры Международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния и проблем регулирования миграции высококвалифицированных специалистов в Евразийском экономическом сообществе (ЕАЭС). Методология исследования основана на выявлении новых возможностей интеграционных объединений как акторов регулирования миграционных отношений. Определено, что новые возможности для успешной конкуренции на мировом рынке высококвалифицированных специалистов возникают, во-первых, за счет применения в интеграционной группировке единых механизмов привлечения высококвалифицированных специалистов из «третьих стран», а, во-вторых, миграционной политики «перелива» квалифицированного персонала внутри интеграционной группировки на условиях преференциального режима. В результате проведенного анализа регулирования миграционных отношений выявлены имеющиеся в ЕАЭС проблемы, определены направления их решения для эффективного использования инструментария миграционной политики. Рассмотрена возможность применения странами ЕАЭС опыта Европейского Союза в привлечении иностранных высококвалифицированных специалистов.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, миграция высококвалифицированных специалистов, акторы регулирования, миграционная политика, региональные интеграционные объединения.

REGULATION OF THE HIGHLY SKILLED MIGRATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: CHALLENGES AND PRACTICES

Eteri D. RUBINSKAYA, PhD in Economics, Associate Professor of the Department «International Economic Relations», The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russia institute, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the state and challenges of regulation of the migration of highly qualified specialists in the Eurasian Economic Union. The methodology of the research is based on the identification of new opportunities for integration associations as actors in regulating migration relations. It is determined that new opportunities for successful competition in the world market of highly qualified specialists arise, firstly, through the use of common tools for attracting highly qualified specialists from “third countries” in the integration group, and secondly, the migration policy of “overflowing” of qualified personnel within the integration grouping on conditions of the preferential treatment. As a result of the analysis of the regulation of migration relations, the problems existing in the EEU were revealed, directions for their solution were identified for the effective use of the migration policy tools. The possibility of applying the experience of the European Union in attracting foreign highly qualified specialists is considered.

Keywords: globalization, regionalization, migration of highly qualified specialists, actors of regulation, migration policy, regional integration associations/

Актуальность проблемы. Под влиянием научно-технической, технологической и информационных революций структура мирового рынка рабочей силы претерпевает значительные изменения, выражающиеся, прежде всего, в увеличении доли квалифицированных и высококвалифицированных специалистов и повышении среди мигрантов удельного веса лиц, имеющих более высокий уровень образования. Развивается мировой рынок высококвалифицированной рабочей силы. Глобализационность мировой экономики проявляется во взаимосвязанности государств мира, в качественных изменениях в национальных экономиках, эффективность которых определяется, в значительной мере, их способностью реализовать преимущества международного сотрудничества во всех сферах, в том числе, в использовании рабочей силы.

Несмотря на большое значение миграции высококвалифицированных специалистов для развития и управления международной экономикой, механизм привлечения и регулирования этой категории трудовых мигрантов разработан недостаточно [1]. Проблемы несбалансированности рынка квалифицированной рабочей силы в современных условиях свойственны как развитым, так и развивающимся странам. Специфика современного развития мировой экономики состоит в том, что ни одна страна, даже самая развитая, не в состоянии обеспечить опережающее развитие науки и техники только национальными кадрами. Поэтому дальнейшее исследование проблемы является весьма актуальным, имеющим большое практическое значение.

Новые возможности интеграционных объединений в регулировании миграционных отношений. Фактором, оказавшим большое влияние на изменения в процессах международной миграции рабочей силы, структуру и направления потоков мигрантов стала региональная экономическая интеграция.

Мировой опыт свидетельствует, что в региональных интеграционных объединениях появляются большие возможности для успешной конкуренции на мировом рынке профессионалов. В интеграционных объединениях уже на стадии «общего рынка» международная миграция принимает форму, так называемой, «внешней» миграции, т.е. международной миграции в рамках единого интеграционного пространства, что порождает новые возможности для ее регулирования. Предпосылками для формирования новых подходов к миграционной политике всегда становятся структурные диспропорции на рынке труда, в том числе, в сфере трудовой миграции.

В рамках интеграционных объединений складываются региональные рынки труда, расширяются возможности для увеличения масштабов миграции специалистов между странами-членами интеграционных группировок. Вместе с тем, на региональном уровне возникает свой пласт противоречий между интересами интеграционного объединения в целом и национальными интересами отдельной страны. Конкуренция между странами внутри интеграционных объединений за высококвалифицированных специалистов – это объективная основа усиления регулирования миграционных процессов. Основными формами участия в развитии глобального рынка квалифицированного труда, осуществляемого региональными объединениями государств, являются: заключение соглашений о свободе передвижения; проведение унификации образовательных и

квалификационных стандартов, соглашения о взаимном признании дипломов, проведение краткосрочных студенческих программ [2]. Помимо этого, вопросы перемещения рабочей силы в региональных объединениях иногда включены в торговые, научно-технические и иные соглашения и программы. Степень регулирования миграции рабочей силы в различных интеграционных объединениях различаются. Так, принципиальным отличием Североамериканского договора о свободе торговли (НАФТА) от ЕС является отсутствие внутри интеграционного объединения свободы передвижения рабочей силы. В НАФТА предусматривается более интенсивное перемещение лиц только с целью торговли и бизнеса, в соответствии с Соглашением по кооперации в сфере труда, осуществляется квотирование миграции инвесторов, высококвалифицированных работников и служащих, перемещаемых внутри ТНК стран-участниц. Помимо этого, регулирование мобильности трудовых ресурсов между странами, входящими в НАФТА, осуществляется на основе двусторонних соглашений. Например, между правительствами Канады и Мексики реализуется «Канадско-Мексиканское партнерство», в рамках которого создана Рабочая группа по мобильности труда, задачей которой является развитие, способствующее найму мексиканских работников в Канаде с целью удовлетворения потребностей рынка труда работодателей. Для признания квалификации профессионалов в НАФТА существуют отдельные соглашения.

Изменение структуры миграционных потоков, увеличение потребности в высококвалифицированных специалистах ставит сложные практические задачи перед всеми акторами регулирования международных миграционных отношений, в том числе, международными интеграционными группировками, но одновременно порождает и новые возможности для их решения, в чем убеждает опыт ЕС.

Модель реализации миграционной политики привлечения высококвалифицированных специалистов в ЕС. Масштабное расширение ЕС привело к многократному увеличению численности интеграционного объединения и, как следствие, созданию дополнительных возможностей для мобильности рабочей силы. Эти возможности стимулировались свободным передвижением рабочей силы внутри интеграционного объединения [3].

Кризисные явления в экономиках ряда европейских стран (в основном Южной Европы) способствовали увеличению доли трудовых эмигрантов с высшим образованием, а также высококвалифицированных специалистов из этих стран в другие страны ЕС. Так, если в 2008 году их доля в общем миграционном потоке составляла 29%, то к 2012 – она увеличилась до 46% и держится на этом уровне. Низкая потребность в квалифицированных специалистах в странах Южной Еврозоны (например, Греция), способствовала их миграции в страны Западной и Северной Европы, экономика которых базируется на знаниях. По данным Еврокомиссии, в 2013 г. доля высококвалифицированных специалистов составляла в Германии 34%, в Англии – 21,7% [4].

Потребность в высококвалифицированных специалистах и невозможность удовлетворить ее за счет внутренних источников способствовала либерализации режима допуска высококвалифицированных специалистов из

«третьих стран». Так, на уровне ЕС с 2011 г. действует так называемая Синяя карта ЕС, регулирующая иммиграцию высококвалифицированных специалистов из стран, не входящих в ЕС, имеющих высшее образование, квалификацию, опыт работы и высокую зарплату [5]. Держатели Синей карты – высококвалифицированные специалисты, в которых есть потребность на рынке труда – обладают рядом преференции. Они имеют право на воссоединение с семьей, на продление своего пребывания в ЕС, на ускоренное получение постоянного вида на жительство и др. Привлекательность Синей Карты для высококвалифицированных специалистов, обусловлена ее преимуществом перед преференциями национального законодательства европейских стран, поскольку, последнее не дает гражданам «третьих стран» права на проживание и работу в других государствах-членах. Тем самым, право на трудовую мобильность внутри ЕС является одним из основных преимуществ, которое предусмотрено законодательством ЕС, и которое национальное законодательство не может обеспечить.

Особыми преференциями при миграции в Европейский Союз из стран, не входящих в ЕС, пользуются квалифицированные специалисты, перемещающиеся в рамках внутрикорпоративных переводов из одного подразделения ТНК в другое [6]. Для таких специалистов не требуется виза при работе, отсутствуют требования по зарплате, нет привязки к потребностям рынка труда, они также имеют право на воссоединение с семьей.

Миграционная политика Европейского Союза ориентирована на комплексный подход к аккумуляции на своей территории человеческого капитала, что во многом связано с реализацией таких направлений Стратегии «Европа 2020» как «Инновационный союз», «План по развитию новых способностей и увеличению количества рабочих мест», «Движение молодежи».

На увеличение привлекательности ЕС для студентов и исследователей, а также других категорий направлена Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза (ЕС) 2016/801 от 11 мая 2016 г. об условиях въезда и проживания граждан третьих стран в целях научных исследований, стажировок, волонтерской деятельности, обмена студентами или образовательных проектов, предложившая для названных категорий мигрантов ряд преференций: воссоединение с семьей, доступ на рынок труда, свободная мобильность внутри ЕС.

Проведенный краткий анализ миграционной политики ЕС позволяет говорить о синергетическом эффекте от ее реализации, поскольку, с одной стороны, те возможности, которые предоставлены высококвалифицированным специалистам, делают Европейский Союз более конкурентно привлекательным по сравнению с другими центрами притяжения данной категории мигрантов, а, с другой стороны, свободное перемещение рабочей силы внутри ЕС способствует быстрому удовлетворению спроса на рынке труда.

Таким образом, интеграционное объединение может быть актором эффективного привлечения высококвалифицированных специалистов для реализации стратегических целей развития.

Миграционное сотрудничество в области трудовой миграции на пространстве СНГ. Миграционное сотрудничество государств на постсоветском пространстве получило развитие в 90-е годы. Так, первые соглашения Российская Федерация заключила в 1992 г.: О безвизовом передвижении граждан стран Содружества независимых Государств по территории его участников; О регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев; О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защите трудящихся-мигрантов; Меморандум «О сотрудничестве в области миграции» и другие; а также двусторонние соглашения, например, с Казахстаном, Киргизией, Туркменией.

Огромное значение для миграции квалифицированных кадров имело Многостороннее межправительственное Соглашение СНГ о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов (1994 г.), т.к. в нем зафиксировано, что каждая из сторон признает дипломы, свидетельства об образовании, соответствующие документы о присвоении звания, разряда и т.п. без легализации; стороны признают трудовой стаж; исключено двойное налогообложение заработанных работниками средств, трудящиеся мигранты пользуются социальным страхованием и социальным обеспечением в соответствии с действующим на территории страны трудового законодательства.

Правовой основой повышения эффективности управления миграционными процессами на пространстве СНГ служит многосторонний международный документ – Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, подписанная 14 ноября 2008 г. Цель Конвенции – создание условий для равного отношения к трудящимся-мигрантам, членам их семей и гражданам принимающей страны, а также благоприятных условий для перемещения рабочей силы по территориям государств-участников. Участники Конвенции гарантируют трудящимся-мигрантам и членам их семей реализацию их прав, взаимодействуют в области привлечения трудящихся-мигрантов и использования их труда на своих территориях, принимают все возможные меры по вопросам возвращения трудящихся-мигрантов после истечения срока их пребывания и осуществления ими оплачиваемой трудовой деятельности. Исключительно важным являются положения Конвенции о сотрудничестве стран-участников по вопросам медицинского страхования и профессионального образования.

Согласованность миграционной политики государств – участников СНГ получила дальнейшее развитие в принятой в 2012 г. Концепции общего миграционного пространства. Концепция стала основополагающим межгосударственным документом, который определяет характер, содержание, формы и методы согласованного взаимодействия государств – участников СНГ в миграционной сфере. Значение данного Документа, прежде всего, в том, что он принят на уровне интеграционного объединения и введен в ранг государственной политики всех государств-участников. Этот многосторонний международный документ призван способствовать повышению эффективности управления миграционными процессами на пространстве СНГ.

Стратегическим направлением в развитии отношений стран СНГ было снятие всех ограничений на перемещения и выбор места работы для граждан этих государств. Это нашло отражение в Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года (14 ноября 2008 г.) [7], согласно которой предполагалось на первом этапе реализации Стратегии (2009–2011 гг.) сформировать общий рынок труда, создать правовые, экономические и организационные условия для перехода к свободному перемещению рабочей силы на пространстве СНГ. К сожалению, данные задачи так и остались нерешенные.

Развитие рынка труда в СНГ усложнено, зачастую, различной степенью вовлечения стран в международное разделение труда. Это принципиальное положение не всегда учитывалось в многосторонних и двухсторонних соглашениях в области миграции, заключенных между Россией и другими странами СНГ.

Регулирование миграционных отношений в ЕАЭС: проблемы и пути решения. Новый уровень интеграции в вопросах миграционных отношений характерен для стран Евразийского экономического союза (Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения и Киргизия).

Договор о Евразийском экономическом союзе [8] (Раздел XXVI ст. 96, 97, 98) вывел на качественно новый уровень сотрудничество государств-членов в сфере сближения законодательств государств-членов в вопросах трудовой миграции, обеспечения свободного передвижения граждан внутри Союза, взаимодействия уполномоченных органов стран ЕАЭС по защите прав трудящихся и членов их семей. С 2015 г. граждане государств – участников Евразийского экономического союза получили возможность осуществлять трудовую деятельность на территории друг друга без разрешительных документов.

В целях формирования общего рынка труда Договором о Союзе вырабатывается общая политика в сфере трудовой миграции, в том числе по предоставлению социального обеспечения, медицинского обслуживания для трудящихся государств-членов, зачета трудового (страхового) стажа, а также экспорт пенсий. В то же самое время, нельзя игнорировать то, что страны ЕАЭС очень отличаются друг от друга по уровню социально-экономического развития. Армения и Кыргызстан в своей миграционной политике скорее ориентированы на защиту прав эмигрантов за рубежом, чем на привлечение рабочей силы. Наиболее развитыми странами интеграционной группировки являются Россия и Казахстан. В свое время, Правительство Казахстана, осознав все проблемы, связанные с «утечкой умов» успешно реализовало озвученные в «Отраслевой программе миграционной политики Республики Казахстан на 2001–2010 годы» задачи по снижению трудовой эмиграции.

В современных условиях Казахстан успешно конкурирует с Россией за привлечение трудовых ресурсов, особенно квалифицированных кадров. Необходимость привлечения высококвалифицированных специалистов в соответствии с потребностями рынка труда отражена в стратегических документах и России, и Казахстана. Отметим, что миграционное законодательст-

во Белоруссии также направлено на создание комфортных условий для иностранных высококвалифицированных специалистов. Однако, в рамках интеграционного объединения отсутствует системный подход к привлечению и использованию иностранных квалифицированных специалистов в соответствии с целями экономического развития стран ЕАЭС.

Мировой опыт свидетельствует об эффективности использования всесторонних дифференцированных механизмов привлечения человеческого капитала, отдельные практики могут быть применены и в ЕАЭС, например, Программы оргнаборов для квалифицированных мигрантов, расширение образовательного пространства и укрепление межвузовского сотрудничества между странами, привлечение иностранных студентов, как будущих профессионалов. Целесообразно сделать акцент на селективном расширении и приеме востребованных рынком категорий высококвалифицированных специалистов.

Следует использовать дополнительные механизмы, стимулирующие привлечения и общую мобильность высококвалифицированных специалистов: инвестирование в НИОКР в отраслях с высоким потенциалом интеграционного развития; передача или продажа эффективных технологий в интегрирующихся отраслях другим странам-партнерам по интеграционному объединению; совместная разработка или покупка иностранных инновационных технологий для интегрирующихся отраслей; привлечение к производству более квалифицированной или более дешевой рабочей силы стран-партнеров; совместное инвестирование в обучение и повышение квалификации персонала в приоритетных секторах экономики.

Таким образом, общий вектор миграционной политики ЕАЭС как единого образования должен быть ориентирован на привлечение и аккумуляцию на своей территории реальных квалифицированных и высококвалифицированных специалистов и потенциальных (иностранцы студенты, стажеры, докторанты) в соответствии с настоящими и будущими потребностями рынка труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Холцманн Р., Мюнз Р. Проблемы и перспективы развития международной миграции в ЕС, входящих в него государствах, в соседних странах и регионах: вопросы политики. Институт перспективных исследований. Стокгольм, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/INTLM/Publications/20338625/Holzmann_Munz_Rus.pdf
2. Рубинская Э.Д. Международная миграция рабочей силы: методология и практика: монография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ – филиал РАНХиГС. – 2014. 250 с.
3. Рубинская Э.Д. Миграционная политика стран ЕС в отношении легальных трудящихся-мигрантов: ориентиры для России. Экономика России и Европы в эпоху глобализации. Экономическое развитие, механизмы управления и информатизация Европейского Союза / В сб.: Сборник научных работ Центра ЕС на Юго-Западе. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2012. – 356 с.

4. Kahanec M., Zimmermann K.F., Kureková L., Biavaschi C. Labour Migration from EaP Countries to the EU – Assessment of Costs and Benefits and Proposals for Better Labour Market Matching// IZA Research Report. 2013. № 56.

5. Директива 2009/50/ЕС Совета от 25 мая 2009 г. об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/2568909/>

6. Directive 2014/66/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014. On the conditions of entry and residence of third-country nationals in the framework of an intra-corporate transfer. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0066>

7. Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года (14 ноября 2008 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cis.minsk.by/page.php?id=18764>

8. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ОБЛАСТИ МИГРАЦИИ

ИШАНХОДЖАЕВ Саидахмад Акрамович, докторант Университета мировой экономики и дипломатии, Узбекистан, Ташкент, e-mail: Saidaxmadxon76@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история и развитие двухстороннего и институционального сотрудничества Узбекистана и Казахстана в области миграции. В частности, излагаются изменения миграционного законодательства Казахстана и рекомендации органам государственной власти Узбекистана и Казахстана для совершенствования просветительских работ для трудящихся-мигрантов.

Ключевые слова: миграция, двухстороннее и многостороннее сотрудничество, мигрант, закон, регистрация, патент.

COOPERATION IN THE FIELD OF MIGRATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN WITH THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Saidakhmad A. ISHANHODJAEV, PhD student at the University of World Economy and Diplomacy, Uzbekistan, Tashkent, e-mail: Saidaxmadxon76@mail.ru

Abstract. The article discusses the history and development of bilateral and institutional cooperation between Uzbekistan and Kazakhstan in the field of migration. In particular, outlines changes in the migration legislation of Kazakhstan and recommendations to the state authorities of Uzbekistan and Kazakhstan to improve educational work for migrant workers.

Keywords: migration, cooperation, bilateral and multilateral, migrant, law, registration, patent.

Два братских народа (казахи и узбеки), проживающие на территории двух соседних стран, тесно связаны историческими, культурными, а также экономическими и политическими аспектами. Если рассматривать историю государственности этих стран, тогда мы можем увидеть общие корни развития, например, при ханах «Алиме (1800–1809), Омаре (1809–1822) и Мухаммед-Али (Мадали, 1822–1842)», Кокандское ханство достигло наибольшей политической мощи и территориального расширения. Были присоединены города Ташкент, Худжанд, Каратегин, Дарваз, Куляб, Алай; на границах с владениями казахов был построен ряд сильных крепостей Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда), Аулие-Ата (ныне Джамбул), Пишпек (ныне Бишкек) и др. [1]. В первой половине и в конце XX века, Узбекистан и Казахстан входили в состав Советского Союза, который 8 декабря 1991 года прекратил де-юре своё существование согласно соглашению «О создании СНГ», подписанному в Беловежской пуще главами трёх республик – России, Украины и Белоруссии. Затем у новых независимых государств на постсоветском пространстве встал вопрос о форми-

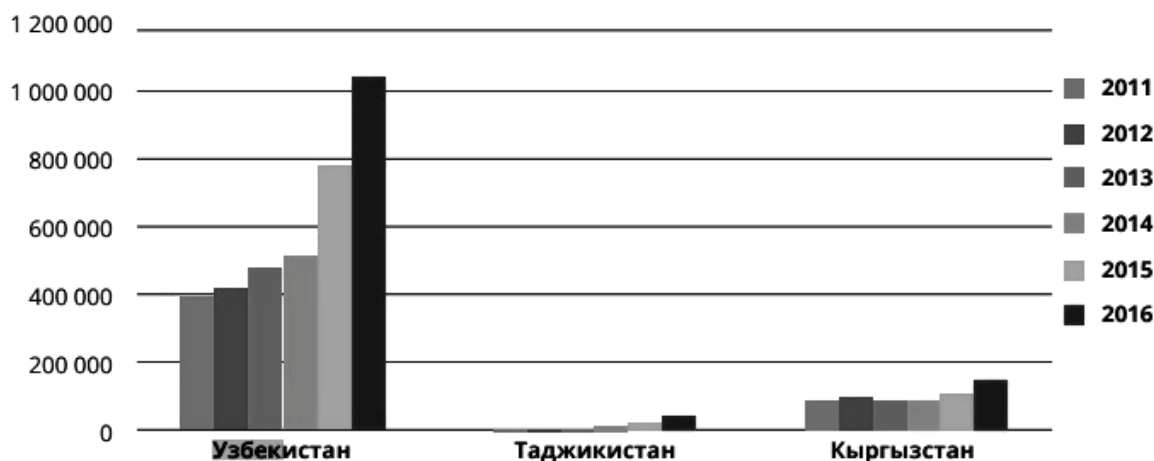
ровании равноправных и взаимовыгодных отношений на базе международно-правовых норм и принципов с учётом сложившихся к тому времени геополитических реалий. ...«Важное значение это имело и для стран постсоветской Центральной Азии (ЦА), вставших на путь суверенного развития и приступивших к созданию системы межгосударственных экономических, политических и культурных отношений. Казахстан и Узбекистан можно отнести к важнейшим стратегическим партнерам в Центральной Азии – регионе, на территории которого сосредоточены большие запасы природных ресурсов (углеводороды, уран, золото, газ, нефть, цветные металлы). Оба государства обладают весомым экономическим и человеческим потенциалом, связаны общими историческими, географическими, культурными, религиозными и языковыми корнями и имеют достаточно протяжённую общую границу (2203 км)» [2]. Дипломатические отношения между независимыми Казахстаном и Узбекистаном были установлены 23 ноября 1992 г. Двусторонняя договорно-правовая база насчитывает в настоящее время более 100 совместных документов по различным областям деятельности. Основопологающим документом стал Договор о вечной дружбе между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан, подписанный 30 октября 1998 г. Стороны неоднократно обменивались визитами на высшем уровне. В 2002 г. между странами был подписан Договор о делимитации отдельных участков общей государственной границы, который полностью завершил определение линии совместной границы. Оба договора о казахстанско-узбекской государственной границе вступили в силу 5 сентября 2003 г. Значимым событием в развитии взаимодействия стал государственный визит президента Казахстана в Узбекистан в марте 2006 г., в ходе которого было принято решение об учреждении Межгосударственного координационного совета (МКС) под патронажем президентов двух стран в целях эффективного решения приоритетных вопросов двустороннего сотрудничества» [3].

Мигранты из Узбекистана представляют самую многочисленную группу по всем показателям: более 1 млн. из них имели временную регистрацию в 2016 г. (на 33% больше, чем годом ранее) и более 300 тыс. человек получили разрешение на работу (почти втрое больше, чем в 2015 г.). Такие показатели опубликованы в исследовании Международной организации по миграции «Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии» [4] (рис. 1).

Сотрудничество между странами в области миграции осуществляется на многосторонней и двусторонней договорно-правовой основе. К основополагающим договорам в области миграции входят, «Меморандум о сотрудничестве в области миграции» от 8 июля 1994 года, также «Договор о создании Единого экономического пространства» между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Республикой Узбекистан.

Если рассматривать сотрудничество в многостороннем формате, то надо сфокусировать внимание на региональных институтах, таких как СНГ и ШОС.

Иммигранты из стран Центральной Азии, имеющие регистрацию в Казахстане

Источник: Министерство внутренних дел Республики Казахстан 2017

Рис. 1. Численность иммигрантов из стран Центральной Азии в Казахстане в 2011–2016 гг.

В рамках СНГ было подписано несколько документов в области миграции. В числе таких документов, например:

1. Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов 15.04.1994. Данное соглашение ратифицировано Республикой Казахстан Постановлением Верховного Совета РК от 8 сентября 1994 г. № 147-ХІІІ, для Республики Узбекистан вступило в силу 18 сентября 1995 года.

2. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией 06.03.1998. Настоящее соглашение утверждено постановлением Президента Республики Узбекистан от 5 августа 2010 года № ПП -1385 «Об утверждении международных договоров». РУз присоединилась к соглашению 27.04.2018 года. Вступило в силу для Республики Казахстан – 20 февраля 2001 года.

3. Концепция поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы государств – участников СНГ от 15.12.2000.

5. Концепция дальнейшего развития Содружества Независимых Государств от 4.10.2007.

5. Декларация о согласованной миграционной политике государств – участников СНГ от 05.10.2007.

6. Программа сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции на 2009–2011 годы от 10.10.2008.

7. Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников СНГ 14.11.2008. Ратифицирована Законом РК от 31 декабря 2009 г., № 235-IV (с оговоркой) вступила в силу 21 февраля 2010 г.

8. Решение Совета министров иностранных дел государств-членов СНГ «О группе для выработки предложений по согласованию миграционной политики государств-участников СНГ» от 10.04.2009.

9. План совместных работ по созданию единой системы учета граждан третьих государств и лиц без гражданства, въезжающих на территорию государств- участников СНГ от 22.05.2009.

В рамках ШОС были приняты следующие нормативно-правовые акты:

1. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС 16 августа 2007 г. Договор носит концептуальный характер и затрагивает многие аспекты многостороннего сотрудничества. В статье 8 установлено, что договаривающиеся стороны в соответствии со своим национальным законодательством и на основе соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров, участниками которых они являются, активно развивают сотрудничество по противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия, другим видам транснациональной преступной деятельности, **а также незаконной миграции.**

Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и на основе международных договоров, участниками которых они являются, усиливают взаимодействие в розыске, задержании, выдаче и передаче лиц, подозреваемых, обвиняемых или осужденных за совершение преступлений, связанных с террористической, сепаратистской, экстремистской деятельностью, а также с иными преступлениями.

Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в области охраны государственной границы и таможенного контроля, регулирования **трудовой миграции**, обеспечения финансовой и информационной безопасности [5].

ШОС для стран-участников является региональной организацией сотрудничества, в которой обсуждают ряд проблем. Например, вопросы безопасности, экономики, гуманитарные и правовые, общеполитические, также научно-технические, приграничные и парламентские и т.д.

2. 24 июня 2016 года в рамках этой организации была принята Ташкентская декларация пятнадцатилетия ШОС. В повестке дня данного саммита ШОС продолжает оказывать противодействие трансграничной организованной преступности, преступлениям с использованием современных ИКТ, укрепление безопасности границ, совместная борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми, отмыванием денег и финансированием терроризма, экономическими преступлениями [6]. Шавкат Мирзиёев, 14 декабря 2016 г., приняв присягу, вступил на пост президента Республики Узбекистан. Он внёс новый импульс в развитие отношений двух стран. Развитие двусторонних отношений основывается на принятой 4 февраля 2017 г. «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годы». Исходя из стратегии развития, приоритетными задачами внешней политики Республики Узбекистан является развитие взаимовыгодных (экономических, политических, культурно-гуманитарных, военно-технических) и добрососедских отношений странами ЦА. 22 марта 2017 г. в рамках первого официально-

го визита в Казахстан в качестве главы Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым были обсуждены совместно с Нурсултаном Назарбаевым торгово-экономические вопросы, стороны подписали семь документов о сотрудничестве в различных сферах [7].

Рассматривая тенденцию развития по вопросам миграции двух стран, отметим, что есть некоторые проблемы с регистрацией граждан Узбекистана при осуществлении трудовой деятельности в Казахстане.

Во-первых, незнание гражданами Узбекистана (казахского, русского) официальных языков государства реципиента.

Во-вторых, незнание правил заполнения миграционной карточки.

В-третьих, незнание того, что паспорт всегда должен быть при себе, и никто не имеет право его забирать (работодателю нужно отдать только копию паспорта, поэтому заранее необходимо сделать несколько копий).

Это проблемы узбекских мигрантов, прибывающих для работы в низкооплачиваемые сферы занятости. Незнание элементарных правил пребывания, может быть основанием для привлечения к административной ответственности со стороны правоохранительных органов. В этой связи предлагается со стороны органов государственной власти Узбекистана, на телевидении, радио, интернете создание цикла регулярных передач, также ряда интернет-сайтов по электронному оповещению граждан, выезжающих на работу в индивидуальном порядке из Узбекистана о правилах, касающихся статуса трудового мигранта на территории принимающей страны. Необходимо широко и всесторонне освещать вопросы трудового законодательства принимающей стороны, по трудовому договору необходимо чётко знать свои права и обязанности, а также и обязательства работодателя.

Если нарушаются законные права и интересы трудовых мигрантов, в первую очередь, необходимо обладать достоверной информацией о том, куда они могут обратиться, о порядке заключения и расторжения трудового договора, о правилах и порядке регистрации в миграционных службах. Например, в Казахстане с января 2017 г. начали действовать новые правила о временной регистрации граждан по месту жительства. За отсутствие регистрации с февраля будут штрафовать как арендаторов, так и арендодателей. «Действующее законодательство уже предусматривает обязанность граждан зарегистрироваться по месту жительства. Такая обязанность установлена законом «О миграции населения» (ст. 51) за проживание без регистрации. В «Кодексе об административных правонарушениях» Казахстана установлена административная ответственность (ранее была ст. 377), ныне действующая ст. 492. Вместе с тем отсутствовала обязанность владельцев жилья обеспечить регистрацию проживающих у них лиц. Указанный закон устраняет данный пробел в законодательстве. При этом вводится, конечно, административная ответственность за проживание граждан в принадлежащем жилье без регистрации. Срок проживания без регистрации сокращается с трех месяцев до одного месяца. «Учет по месту пребывания временного гражданина велся и ранее, был закреплён на уровне постановления Правительства. Если раньше, прибыв по месту постоянного

проживания на срок более 3 месяцев, гражданин должен был зарегистрировать по месту временного проживания, но на законодательном уровне этот порядок не был закреплен. Сейчас законом в целях устранения данного правового пробела в законе «О миграции населения» ст. 17-1) дается определение понятию «место временного пребывания и проживания» и вводится обязанность регистрироваться и по месту временного пребывания – ст. 51 закона «О миграции населения». Штрафные санкции для физических лиц, не имеющих регистрации, будут облагаться штрафом в размере 7 МРП, для арендодателей штрафы составят от 10 МРП (1 МРП составляет 2269 тенге) [8].

В-четвёртых, со стороны властей Казахстана хорошо было бы создать мобильное приложение, аналогичное Российской фирме «Молбулак», которое в свою очередь разработал по заказу Московской Мэрии приложение «Мигрант». Данная программа удобна и из неё можно узнать, состоит ли мигрант в так называемом «черном списке ФМС РФ» и разрешен ли ему въезд в Россию. Также с помощью данного сервиса мигрант может проверить и уточнить, настоящий ли у него патент (документ о разрешении на работу в РФ). Для получения данных необходимо вбить в поля приложения имеющуюся информацию (паспортные данные, регистрационный номер патента). Отметим, приложение «Мигрант» уже работает на трех языках: русском, узбекском, таджикском. Языковые настройки выставляются в меню. В приложении можно узнать, какие нужны документы и справки для получения регистрации, патента, нужна ли виза, за какой период необходимо пройти срочную регистрацию и как часто надо проходить подтверждение в регистрационных офисах [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Универсальная библиотека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/062/604.htm>
2. Ханова И.Е. Казахстан – Узбекистан: история сотрудничества и перспективы взаимодействия. // Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения”. 2017. № 4/1. С. 79–89.
3. Основные направления двухстороннего сотрудничества Казахстана и Узбекистана: 1991–2006 гг. // Вестник Национальной академии Республики Казахстан. 2006. № 5. С. 93–96.
4. В Казахстане больше всего трудовых мигрантов из Узбекистана. Информационный портал Uz.24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uz24.uz/ru/economics/v-kazahstane-bolyshe-vsego-trudovih-migrantov-iz-uzbekistana>
5. Информационно-аналитический портал «ИфоШОС.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=22>
6. Ташкентская декларация пятнадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.uzbekistan.de/ru/nachrichten/nachrichten/ташкентская-декларация-пятнадцатилетия-шанхайской-организации-сотрудничества

7. Первый визит в Казахстан: что Мирзиеев привез из Астаны? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.sputniknews-uz.com/politics/20170323/5040576/Mirzиеev-Uzbekistan-Kazahstan-Nazarbaev-vizit.html>

8. Начали действовать новые правила регистрации граждан. Центр деловой информации «Капитал». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kapital.kz/gosudarstvo/56463/nachali-dejstvovat-novye-pravila-registracii-grazhdan.html>

9. Мол Булак. Бесплатное приложение для мигрантов в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.molbulak.ru/news/novosti-migratsii/inostrannym-rabochim-v-tatarstane-pomogaet-mobilnoe-prilozhenie/>

УНИФИКАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ЕАЭС

НУРМАТОВ Темирбек Асанович, кандидат юридических наук, доцент Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики им. К.Дикамбаева, Бишкек, Кыргызская Республика, e-mail: tempo_7@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены вопросы унификации миграционного законодательства Кыргызстана. В Кыргызстане миграционная сфера на уровне законодательства регулируется рядом документов, в том числе международными договорами, подписанными в рамках ЕАЭС. Миграционное законодательство Кыргызстана требует совершенствования, с учетом общемировых тенденций и внутригосударственного социально-экономического положения.

Ключевые слова: миграция, унификация, ЕАЭС, законодательство, концепция миграционной политики Кыргызской Республики, гражданское общество, нормативно-правовые акты.

UNIFICATION OF THE MIGRATION LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC IN THE CONTEXT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Temirbek A. NURMATOV, PhD in Law, Associate Professor at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K.Dikambaeva, Bishkek, Kyrgyz Republic, e-mail: tempo_7@mail.ru

Abstract. In the given article the questions of unification of the migration legislation of Kyrgyzstan are considered. In Kyrgyzstan, the migration sphere at the level of legislation is regulated by a number of documents, including international treaties signed within the framework of the Eurasian Economic Union. The migration legislation of Kyrgyzstan requires improvement, taking into account the global trends and the domestic socio-economic situation.

Keywords: migration, unification, Eurasian Economic Union, legislation, the concept of migration policy of the Kyrgyz Republic, civil society, normative-legal acts.

Введение. В соответствии с контрактом, подписанным с Миссией Международной Организации по Миграции (далее МОМ) в Кыргызской Республике официальная работа по содействию в разработке проекта концепции миграционной политики Кыргызской Республики началась в октябре 2015 г. Однако уже в течение сентября 2015 г. была проведена подготовительная работа по реализации проекта.

Совершенствование миграционного законодательства. В начальном этапе были установлены тесные контакты с представителем МОМ в Кыргызской Республике в лице Омурова Нурбека и представителями Министерства труда, миграции и молодежи Кыргызской Республики (далее МТММ) в лице заместителя министра Асанбаева А.Ж., специалистов соответствующего отдела Бекмуратова К., Шамшиева У., Сартбаевой А. и др.

Работа проводилась по заранее установленному графику. Но, в связи с изменениями в ноябре 2015 года в новой структуре Правительства Кыргызской Республики, где в целях реализации постановления Жогорку Кенеша Кыргызской Республики «О структуре Правительства Кыргызской Республики» от 5 ноября 2015 года № 11-VI, в соответствии со статьями 10 и 17 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Правительстве Кыргызской Республики» Правительство Кыргызской Республики Министерство труда миграции и молодежи было реорганизовано. Постановлением Правительства Кыргызской Республики № 854 от 11 декабря 2015 года «О вопросах Государственной службы миграции при Правительстве Кыргызской Республики» была образована Государственная служба миграции при Правительстве Кыргызской Республики [1].

Несмотря на эти события, контакты и запланированные работы не прерывались с соответствующими представителями МОМ, Государственной службы миграции и экспертами. График и сроки выполнения работ представлены в таблице 1.

Таблица 1.

График и сроки выполнения работ в соответствии с контрактом

№	Выполненные работы	Мероприятия	Участники	Даты выполненных работ
1	Обобщены данные и материалы для разработки проекта концепции миграционной политики Кыргызской Республики	Подготовка перечня новой литературы и нормативно-правовых актов на период разработки КМП	Представители МТММ, Представитель МОМ в КР	Сентябрь и - октябрь 2015 г.
2	Разработана структура проекта концепции миграционной политики Кыргызской Республики	Проведение встреч с экспертами (Тен Л.С – советником министра экономики КР), консультации по согласованию структуры КМП с МОМ КР и МТММ	Представители МТММ, Представитель МОМ в КР	17 октября – 11 ноября 2015г.
3	Разработан драфт концепции миграционной политики Кыргызской Республики и презентована на круглом столе	Представлен драфт проекта концепции миграционной политики Кыргызской Республики; Проведена презентация КМП; Дискуссии разных подходов по проекту КМП	Представители Государственной службы по миграции, Представитель МОМ в КР, Эксперты, СМИ	22 января 2016г.
4	Доработан драфт концепции миграционной политики Кыргызской Республики	Учет объективных замечаний и предложений в проект концепции миграционной политики КР	Представители Государственной службы по миграции,	Февраль 2016 г.

№	Выполненные работы	Мероприятия	Участники	Даты выполненных работ
			Представитель МОМ в КР, эксперты, представители гражданского общества	
5	Проведено общественное обсуждение доработанной версии концепции миграционной политики Кыргызской Республики	Основные положения концепции миграционной политики Кыргызской Республики были представлены на круглых столах и конференциях	Представители Государственной службы по миграции, Представитель МОМ в КР, эксперты, представители гражданского общества	Март 2016 г.
6	Представлен окончательный вариант концепции миграционной политики Кыргызской Республики в Правительство КР	На основе всех обсуждений и консультаций проект концепции миграционной политики Кыргызской Республики направлен в аппарат Правительство Кыргызской Республики	Представители Государственной службы по миграции, Правительство Кыргызской Республики	14 апреля 2016 г.

В целом работа по содействию по разработке проекта концепции миграционной политики Кыргызской Республики выполнена с учетом технического задания, разработанного представительством МОМ в КР и сотрудниками Государственной службы миграции.

В процессе разработки проекта концепции миграционной политики Кыргызской Республики проводилась активная работа с государственными органами и экспертным сообществом в данной сфере.

Так, основные положения проекта концепции миграционной политики Кыргызской Республики обсуждались в разной форме и с разным подходом решения задач по техническому заданию.

Изначально, когда разрабатывалась структура проекта концепции миграционной политики Кыргызской Республики, были получены предложения от представителя Миссии МОМ в Кыргызской Республике (далее офис МОМ в КР) в лице Омурова Нурбека в части применяемой терминологии и концептуальном задачам в предлагаемом документе. Также были дополнения в части по определению статуса кайрылманов и беженцев в КР. Справедливо было замечено по части размещения информации по торговле людьми в КР в новой концепции.

Предлагаемые замечания и предложения были учтены в процессе работы над проектом Концепции.

Следующий отзыв был получен от эксперта в сфере миграции, профессора Б.А. Сарыгулова. В целом, критически принял наработанный материал, но каких-либо существенных предложений и дополнений с его стороны в разрабатываемой документ не было предложено.

Другим экспертом, которая активно принимала участие, была советник министра экономики Кыргызской Республики. Л.В. Тен, как экономист с большим опытом работы, предложила следующую структуру проекта Концепции:

1. Внешняя миграция;
2. Внутренняя миграция;
3. Защита внутреннего рынка от неквалифицированной рабочей силы;
4. Гуманитарная миграция.

Она предложила особое внимание уделять актуальности и потребности в долгосрочном видении управления миграционными процессами до 2030 г., общим видениям регулирования миграционных процессов до 2030 г., а также приоритетам и долгосрочной миграционной политике с учётом тенденций экономического развития КР до 2030 г. Конечно, ее предложения были учтены и внедрены в окончательный проект концепции.

Отдельное внимание уделяется предложениям и замечаниям представителей Государственной службы миграции. Практические работники постоянно сталкиваются с этими вопросами ежедневно, и многие положения они знают изнутри.

Как один из руководителей, принимающий ключевые решения в сфере миграции, А.Ж. Асанбаев (в 2015 г. – заместитель министерства труда, миграции и молодежи КР, в последующем заместитель Государственной службы миграции) активно принимал участие в данной работе. В первую очередь он предлагал, чтобы в будущем концепция миграционной политики Кыргызской Республики стала документом, действительно решающим судьбы наших мигрантов. Предполагаемый документ должен был быть с уклоном на то, чтобы создавать условия для работы граждан внутри страны, и, предусматривал вопрос о том, чтобы они, в крайнем случае выезжали за пределы страны. Особенно он акцентировал внимание на вопросе гуманитарной миграции, т.е. на работу с кайрылманами и беженцами в Кыргызской Республике.

Важное обсуждение прошло в рамках круглого стола, которое было проведено 2 января 2016 г. Это стало большим толчком для дальнейшего активного исследования и разработки проекта Концепции. На данном круглом столе участвовали представители государственных органов (Государственной службы по миграции, Государственная пограничная служба КР, Государственная регистрационная служба КР, Министерство социального развития и др.), представители международных организаций и гражданского общества, а также эксперты. По итогам работы были получены замечания и предложения по ключевым позициям будущей концепции миграционной политики КР. Так, представители Госслужбы миграции предложили создать благоприятные

условия и разрешить кайрылманам работать в КР без получения разрешения на работу и пересекать госграницу с удостоверением кайрылмана. В процессе разработки концепции со стороны Государственной службы миграции предложено исключить раздел терминов, что в последующем было сделано.

В Кыргызстане миграционная сфера на уровне законодательства регулируется рядом документов, гарантирующих всем лицам, находящимся в пределах территории Кыргызской Республики и под ее юрисдикцией, все основные права и свободы:

- Конституция Кыргызской Республики;
- Закон Кыргызской Республики «О гражданстве»;
- Закон Кыргызской Республики «О внешней трудовой миграции»;
- Закон Кыргызской Республики «О внешней миграции»;
- Закон Кыргызской Республики «О внутренней миграции»;
- Закон КР «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике»;
- Кодекс об административной ответственности.

В силу актуальности и большого объема НПА необходимо их объединить, и разработать их в виде отдельного миграционного кодекса, которое как известно, уже реализуется при поддержке офиса МОМ в КР.

При дальнейшей работе были обобщены все полученные предложения и замечания по проекту концепции миграционной политики.

Основные положения, рассмотренные в рамках общественных обсуждений, проведенных в процессе разработки концепции миграционной политики:

- Вопросы вымывания трудовых ресурсов, в первую очередь квалифицированных, и повышения привлекательности внутреннего рынка труда необходимого для создания условий для обеспечения достойного труда, а также реформирование системы оплаты труда;
- Обеспечение всестороннего и доступного информирования населения о существующих возможностях трудоустройства в странах назначения и на внутреннем рынке труда;
- Развитие системы предвыездной подготовки трудовых мигрантов;
- Методическая, информационная, правовая поддержка деятельности служб занятости;
- Развитие системы анализа и прогнозирования потребностей в трудовых ресурсах, в разрезе специальностей, на внешнем и внутреннем рынках труда;
- Реализация совместно с неправительственными организациями, ассоциациями трудовых мигрантов, профессиональными союзами программы по работе с соотечественниками за рубежом, используя потенциал диаспор, вовлекая их в решение проблем инфраструктуры, семейных проблем трудовых мигрантов;
- Разработка механизмов, обеспечивающих поддержку реинтеграции в местный рынок труда для возвращающихся мигрантов, в первую очередь;

– Совершенствование Единой системы учета внешней миграции (ЕСУВМ), созданной в целях совершенствования регулирования процессов внешней миграции, разработки мер по вопросам въезда-выезда иностранных граждан и лиц без гражданства, их перемещения по территории Кыргызской Республики.

Унификация в рамках ЕАЭС. Сотрудничество с Комиссией ЕАЭС по вопросам трудовой миграции и миграционной политики началось на стадии разработки «дорожной карты» по присоединению Кыргызской Республики к Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации с учетом формирования Евразийского экономического союза [2]. В рамках этого документа при содействии Комиссии разработано и подписано Соглашение между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией о порядке пребывания граждан Кыргызской Республики на территории Российской Федерации и граждан Российской Федерации на территории Кыргызской Республики от 19 июня 2015 г. Документ предусматривает возможность пребывания граждан без регистрации в течение 30 дней [3, 4]. Представители уполномоченных государственных органов Кыргызской Республики включены в состав Консультативного комитета по миграционной политике при Коллегии Комиссии. Согласно законодательству Кыргызской Республики, иностранные граждане, в отношении которых действует безвизовый режим, в том числе из Республики Армения и Республики Беларусь, если срок их пребывания в Кыргызской Республике не превышает 60 дней, освобождаются от регистрации по месту пребывания в уполномоченных государственных органах. Для граждан Республики Казахстан данный срок составляет 90 дней. В случае превышения срока пребывания иностранных лиц на территории Кыргызской Республики они должны зарегистрироваться по месту пребывания. Регистрация производится Департаментом регистрации населения при Государственной регистрационной службе при Правительстве Кыргызской республики и его территориальными органами. Регистрация осуществляется путем выдачи регистрационного талона [5, 6].

Принимающее юридическое или физическое лицо для оформления регистрации предоставляет следующие документы:

- письмо (ходатайство) установленной формы;
- паспорт или заменяющий его документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина или лица без гражданства, и его ксерокопию;
- квитанцию об уплате государственной пошлины. В связи со вступлением в ЕАЭС законодательство Кыргызской Республики в сфере трудовой миграции и миграционной политики было приведено в соответствие с нормами Договора о Союзе.

Выводы. Таким образом, предложения и замечания были учтены и включены в проект концепции миграционной политики КР. Как показала практика, выполнение этих и других мер требует более глубокой координации усилий государственных органов управления, органов местного самоуправления и представителей гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт Государственной службы миграции при Правительстве Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ssm.gov.kg>
2. Алиев С.Б. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. – Москва, 2016. – С. 33–34.
3. Картирование неурегулированной миграции в Центральной Азии 2014. Астана, 2015. – 164 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iom.kg/wp-content/uploads/2015/01/IDFPublicationrus.pdf>
4. Единый доклад по миграции в Кыргызской Республике. Министерство Бишкек, 2014. – 40 с.
5. Разработка Концепции миграционной политики Кыргызской Республики. Отчет. Авторы отчета: М.А. Мамырканов, эксперт НИСИ КР А.Б. Элебаева, эксперт НИСИ КР. Бишкек, 2013. – 86 с.
6. Демографический ежегодник Кыргызской Республики: 2010–2014. – Бишкек: Нацстатком Кырг. Респ., 2015. – 320 с.
7. Демографический ежегодник Кыргызской Республики: 2009–2013. – Бишкек: Нацстатком Кырг. Респ., 2014: – 320 с.
8. Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны. – Санкт-Петербург, 2013. – 122 с. Н. Э. Бейшеналы (д.э.н.), Х. Левент (д.э.н.), Л. А. Ормонбекова, Ч. Б. Шамшиев (д.э.н.), при участии Г. Л. Горборуковой (к.соц.н.), Н. А. Картанбаевой (к.соц.н.), Г. В. Кумскова (д.э.н.) и Ф. Ульгена (д.э.н.) Руководитель проекта: В. С. Перебоев, к. полит. н. ЦИИ ЕАБР.
9. Практическое пособие по организации деятельности консультационных центров для мигрантов (на основе опыта практической деятельности центров поддержки мигрантов в рамках реализации региональной программы по трудовой миграции, 2010–2014 гг.). Шымкент, 2014. – 100 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	11
Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	13
<i>Корнеев О., Леонов А.</i> Борьба за управление миграционными процессами на постсоветском пространстве	15
<i>Топилин А.В.</i> О четвертой функции миграции населения	28
<i>Фомин М.В.</i> Миграция и устойчивое пространственное развитие	34
<i>Храмова М.Н.</i> Трансформация региональных рынков труда РФ под влиянием международной миграции	45
<i>Ашилова М.С., Наливайко Н.В., Бегалинова К.К.</i> О некоторых аспектах национальной безопасности образования и болонском процессе (на примере России и Казахстана)	55
Раздел 2. КАЗАХСТАН КАК НОВЫЙ МИГРАЦИОННЫЙ ХАБ ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС	63
<i>Маевский Д.П., Сигарева Е.П.</i> Демографические аспекты российско-казахстанского приграничья	65
<i>Рязанцев С.В.</i> Трудовая миграция из Кыргызстана в Россию и Казахстан: тренды и последствия	73
<i>Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю.</i> Мигранты из Казахстана на московском рынке труда: профессиональный профиль и социальное самочувствие	80
<i>Шеденова Н.У., Ногайбаев Н.О.</i> Реализация прав иностранных трудящихся-мигрантов на получение медицинской помощи в г. Алматы	87
<i>Смагулов К.Е., Казаков В.Ю.</i> Причины и факторы, формирующие географию образовательной миграции из Казахстана	94
<i>Ростовская Т.К., Калиев Т.Б., Абдрашитова А.Х.</i> Ценностные установки образовательных мигрантов из Казахстана в России	101
<i>Балтабаева Г.</i> Международная студенческая миграция из Казахстана в США: новая повестка дня	113
Раздел 3. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ В ЕАЭС	119
<i>Деловарова Л.Ф.</i> Казахстан и миграционные процессы в рамках ЕАЭС: основные аспекты, проблемы и перспективы	121

<i>Вартанова М.Л.</i> Участие России и Казахстана в интеграции стран-членов ЕАЭС в рамках общего рынка товаров	132
<i>Рубинская Э.Д.</i> Регулирование миграции высококвалифицированных специалистов в ЕАЭС: проблемы и опыт	143
<i>Ишанхождаев С.А.</i> Сотрудничество Республики Узбекистан и Республики Казахстан в области миграции	151
<i>Нурматов Т.А.</i> Унификация миграционного законодательства Кыргызской Республики в контексте ЕАЭС	158

Для заметок

Научное издание

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 4, № 3

**КАЗАХСТАН КАК МИГРАЦИОННЫЙ ХАБ
ЕВРАЗИИ: ВКЛАД МИГРАЦИИ
В УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ**

Подписано в печать 07.11.2018 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,5. Заказ 3009. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru